

ISSN0868-698X

СТОЛИЩА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 32 (194) 1994 г.



PREUSSISCHER
STAATSBIBLIOTHEK
ZU BERLIN
KULTURGESITZ

Эдуард Лимонов:
У меня плохая репутация -
"фашиста" и "национал-большевика"

Мон 76878

Ч

то объединяло
жителей Москвы,
Киева, Санкт-Петер-
бурга, Минска и Риги



до 1991
года?

Все они
жили в

одном государстве.

Ч

то объединяет

жителей

этих

городов

сейчас?

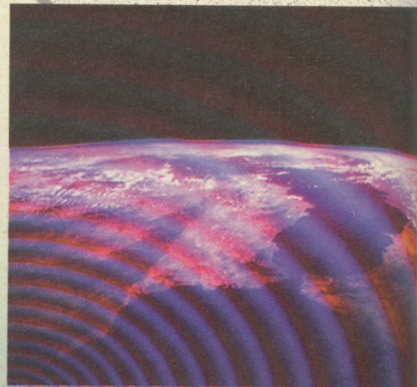
Музыка

и новости между-

народной спутниковой

радиостанции

“Радио РОКС”!



| | | | |
|-----------------|----------|--------------|---------------------|
| Москва | 103.0 FM | Новороссийск | 102.4 FM |
| Санкт-Петербург | 102.0 FM | Анапа | 100.9 FM |
| Киев | 104.0 FM | Темрюк | 101.7 FM |
| Минск | 102.1 FM | Геленджик | 101.9 FM |
| Рига, Юрмала | 102.7 FM | Петрозаводск | 104.7 FM & 69.4 УКВ |
| Волгоград | 103.1 FM | Краснодар | 105.2 FM & 68.8 УКВ |
| Севастополь | 104.5 FM | | |

Радио РОКС

Международная спутниковая радиостанция

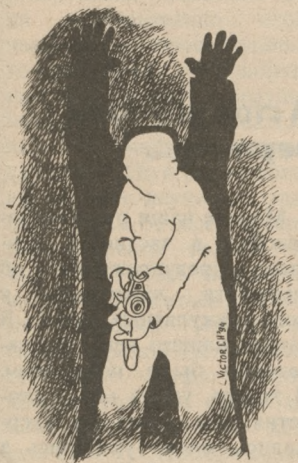
103064, Москва, Хомутовский тупик, 5а Тел. 208-2011, 208-1502 Факс 208-2433

В НОМЕРЕ



9 Эдуард ЛИМОНОВ:

Революция вообще, как известно, самое выгодное вложение денег, сил, жизни: если гибнешь, то гибнешь красиво, если побеждаешь — получаешь ВСЕ. Идеологию, имущество, власть.



26 Ефим БЕРШИН:

— Руку! — кричат. —
Вынь руку из кармана!

— Но, позвольте, как же я вам дам денег, если не полезу в карман? — спросил я, постепенно соображая, что они испугались предполагаемого оружия...



37 Дмитрий БЫКОВ:

Парк культуры — вечно грязный, с гоняемым по дорожкам мусором, с палочками от мороженого, с непрожаренными шашлыками и липкими леденцами — остается островом счастья.

Бедные, бедные богачи!
Фоторепортаж
Владимир Грибанов 4

Политика

Санта Лючия 6

Валерия Новодворская
Пока торчит «чеченская
запоза» 8

Кирилл Светицкий

Эдуард Лимонов: «Мой мир
полов чудовищ и красавиц» 9

Беседа Дмитрия Быкова

Последние панки империи 12

Алексей Беляков

Хватит гнать «чернуху»
Интервью с Николаем 14

Травкиным

Анекдот — летопись диктатуры 16

Дора Штурман, С.Тиктин

«В сердцах кипит, бушует
месть, в глазах неистовая
злость...» 18

Михаил Зайцев

Экономика

Длинная волна: накроет
Россию или вознесет ее? 20

Георгий Микерин

Демократы не должны быть
империалистами 23

Интервью с Григорием

Явлинским

Нам не жить друг без друга? 24

Светлана Карташова

Купоны и «зайчики» дешевет 25

Максим Володин

Жизнь

Руки вверх, дурак!
Ефим Бершин 26

Самое грязное в мире... 29

ИТАР—ТАСС по материалам

«Вашингтон пост»

Бактерии: коварство и любовь 31

Сергей Толкачев

Река тайны 34

Алексей Дидуров

Парк культуры 37

Дмитрий Быков

Эдуард Кудрявицкий (фото) 37

Кинотеатр: жизнь после жизни 42

Екатерина Гончаренко

Жили люди... 44

Юлия Марьяшкина

Ползуший бульвар 46

Алексей Митрофанов

Культура

Евгений Бачурин: пытаюсь
примирить землю и небо 49

Максим Батшев

Нормальный поэт (Об Иосифе
Бродском) 54

Владимир Новиков

«Скажите, что идете к
Пляттам...» 57

Беседа Галины Замковец

Из фиолетовой тетради 60

Рассказы Тэффи

Дикие животныее сказки 63

Людмила Петрушевская

Собрание сочинений 63

Игорь Иртеньев

Слишком человеческое... 64

Людмила Лунина

Письма 2

Цитатник 15

С миру по нитке 28

Дневник И. 52

Видеокompас 59



54 Владимир НОВИКОВ:

Бродский подверг русский стих серьезному испытанию. Он не позволяет своей строке покоиться между двумя берегами белых бумажных полей, он погоняет ее, мучает утомительными перебросами.



57 Вдова Р.ПЛЯТТА Людмила МАРАТОВА:

— У него был культ одежды: свои костюмы он шил только у лучших портных, и для каждого сезона у него были специальные костюмы. Вообще он был чрезвычайно элегантен и аккуратен.

На первой странице обложки
фото ИТАР—ТАСС,
дизайн С.Стыриковича

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45

Телефакс: 921-29-85

Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуло Сегура, Петр Смирнов,

Владислав Старчевский

Коммерческий директор:

Юрий Бычков

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем:

Николай Бахрошин

Международный отдел:

Андрей Голубов

Отдел искусств:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 05.08.1994 г.

Тираж 87 000

Цена договорная

Над номером работали: П.Смирнов, Г.Подгурская, Л.Коновалова, А.Остроухов

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г. д. 7. Зак. 2764

Где вы, пропагандисты и агитаторы?

Читал с большим интересом в «Столице» № 26 размышления Мустафы Джемилева «Мы хотим жить в своем доме». Он пишет: «Во время выборов в российскую Госдуму почти половина принимавших в них участие моряков-черноморцев проголосовали за Жириновского». Факт не новый, армия вообще отдавала предпочтение Владимиру Вольфовичу, хотя Павел Грачев и пытался это отрицать.

Давайте задумаемся, о чем сие говорит. Ведь это очевидное свидетельство того, как плохо мы умеем использовать опыт предыдущих политических деятелей. Скажем, вожь Октябрьской революции посылал, прежде всего, немалое количество агитаторов и пропагандистов на флот и в полки. Вспомните «Оптимистическую трагедию» Вишневецкого. Люди в кожанках шли и говорили, созывали митинги и агитировали... Агитация сработала.

А мы? Кандидаты на выборные должности ездят по стране, рассказывая о своей политике и планах. Но практически никто не рассказывает о самих кандидатах, а информация о них должна быть самая разнообразная.

Накануне выборов в Госдуму в троллейбус, в котором я ехал по Садовому кольцу, вошли трое слушателей Военно-политической академии им. Ленина (ныне Гуманитарная академия вооруженных сил). Двое из них стали спрашивать третьего, за кого он будет голосовать. Тот ответил твердо: «За Жириновского!» «Почему?» — немного удивились приятели. «Так ведь он очень образован, — сказал третий, — свободно знает два языка, или даже три, не помню. Дипломат. А как говорит! Вы только послушайте!»

Вот и послушали. Так не пора ли учиться развора-

чивать и контрагитацию, негативную пропаганду, пропаганду «против»? Иначе армия снова добровольно и радостно отдаст свои голоса за того же «образованного» и «говорящего» лидера.

В.БУБЕНЦОВ

Москва

Растить здоровое поколение

Дети в России рождаются больными, часто инвалидами, медики уже несколько лет бьют тревогу, а положение становится все хуже и хуже. Не можем же мы на самом деле рассчитывать, что всех наших детей-калек из Домов ребенка усыновят американцы и шведы! А сами, в конце концов, с кем останемся?

Необходимо заниматься вопросом вплотную. Ввести обязательный анализ околоплодных вод, как делается во всех странах мира, обследовать всех молодых, вступающих в брак (это предложение выдвигают и врачи), запретить рожать алкоголикам и по достижении определенного возраста (имеются в виду первые роды).

Очень нужно, несмотря на наш голод на школьные учебники, разработать и издать интересный доходчивый учебник по медицине для школьников. Дети должны как можно раньше овладеть необходимым минимумом медицинских знаний и навыков, иначе им трудно ориентироваться в море различных бытовых медицинских проблем.

Здоровье нации — ее достояние, ее сила, ее основа. Почему до сих пор в России не желают понять этого?

И.КРИВОРУЧКО

Омск

Увы, повтор...

В 26-м номере «Столицы» фоторепортаж Павла Горшкова «350 из 20 000» об Икшинской воспита-

тельно-трудовой колонии для несовершеннолетних. Журнал вышел в конце июня, а 1 июня подобный фоторепортаж из колонии и рассказ о ней были опубликованы в «Вечерней Москве» (авторы, естественно, другие).

Конечно, просматривать все издания невозможно, однако столичные все же необходимо. Иначе подобные повторы, отнюдь не делающие чести журналу, всегда выдерживающему определенный высокий уровень, будут неизбежны. А ведь читателю, согласитесь, читать об одном и том же и видеть фотографии из одного и того же места не слишком интересно.

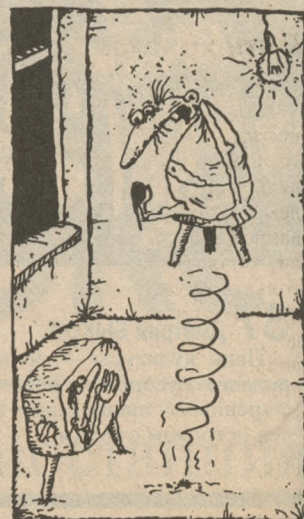
К.СТАРКОВ

Москва

А стол все-таки вертится...

Многие наши русские философы, в частности Бердяев, предупреждали об опасности вхождения в моду оккультных наук. В начале нашего века это увлечение было повальным. И теперь, уже в конце столетия, мы снова не удержались, вновь ударились в магию волшебных рук, чудесное звучание потусторонних голосов, таинственное столоверчение...

Только колдуны и чародеи теперь еще и выступают



АЛЕКСАНДР ЗАЯЦ

вечерами по телевизору, на сценах различных клубов и Дворцов культуры. Там же заодно можно вылечиться от радикулита и мигрени, избавиться от заикания, похудеть на 15 килограммов и вернуть себе прежний цвет волос.

Нет, я вовсе не противник точечного и бесконтактного массажа, я, например, верю в гипноз и аутотренинг и понимаю, что увидеть летающую тарелку вполне возможно. Однако всему есть мера и во всем должен быть разумный смысл. Нельзя бросаться в крайности, принимать на веру любые чудеса и волшебства, верить на слово всем и каждому. И наши ученые, а главное, наши удивительно всеядные (то ли действительно столь наивные и простодушные, то ли умело притворяющиеся такими) ведущие множества познавательных и информационных программ ТВ и радио должны наконец научиться отделять зерна от плевел, пропагандировать только то, что ценно, учить людей правильно обращаться с новыми знаниями. Иначе мы снова придем к ночным сборищам вокруг вертящихся столов и будем маниакально вызывать каждую ночь дух Иосифа Виссарионовича, чтобы, дрожа от ужаса и восторга, спросить у него, зачем он арестовал Блюхера...

В.КУПРИАНОВ

Воронеж

Пить хочется...

Наконец-то в Москву пришло долгожданное лето. Солнце. Жарко. Хочется пить. А с этим опять проблема. Автоматы с газированной водой давно исчезли, в палатках продают воду только бутылками. Но если ты один и тебе вполне достаточно выпить стакан воды? А купить один стакан воды практически невозможно.

Снова покупатель остается в проигрыше. Снова, вздыхая, покупают бутылку воды, не зная тол-



ком, что лучше: выпить всю ее сразу или таскать с собой в сумке открытую, рискуя пролить, до того момента, когда снова захочется пить...

А.УРАЛОВА

Москва

Летний снег

Я живу в ближнем Подмосковье, но часто бываю по делам и в гостях у друзей в городе. Приезжая сюда весной и в начале лета, всегда поражаюсь одному и тому же: кто устроил эту тополиную катастрофу в столице?

Разросшиеся тополя дают уже столько пуха, что иногда, при сильном ветре, просто невозможно идти. Пух набивается в глаза, ноздри, прилипает к лицу, волосам, одежде... Начинаются аллергические мучения. А квартиры, которые просто невозможно хорошо убрать из-за постоянного тополиного нашествия!

Люди сердятся, ругаются, но «воз и поныне там». Никто эту проблему не решает, и, кажется, даже не собирается. Не наводнение ведь, не цунами, не землетрясение... Масштабы значительно более скромные. Однако серьезные неприятности налицо. Не замечать их — самое простое.

А.НОВИКОВ

Голицыно

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА

Уважаемые
МОСКОВСКИЕ
читатели

«СТОЛИЦЫ»!

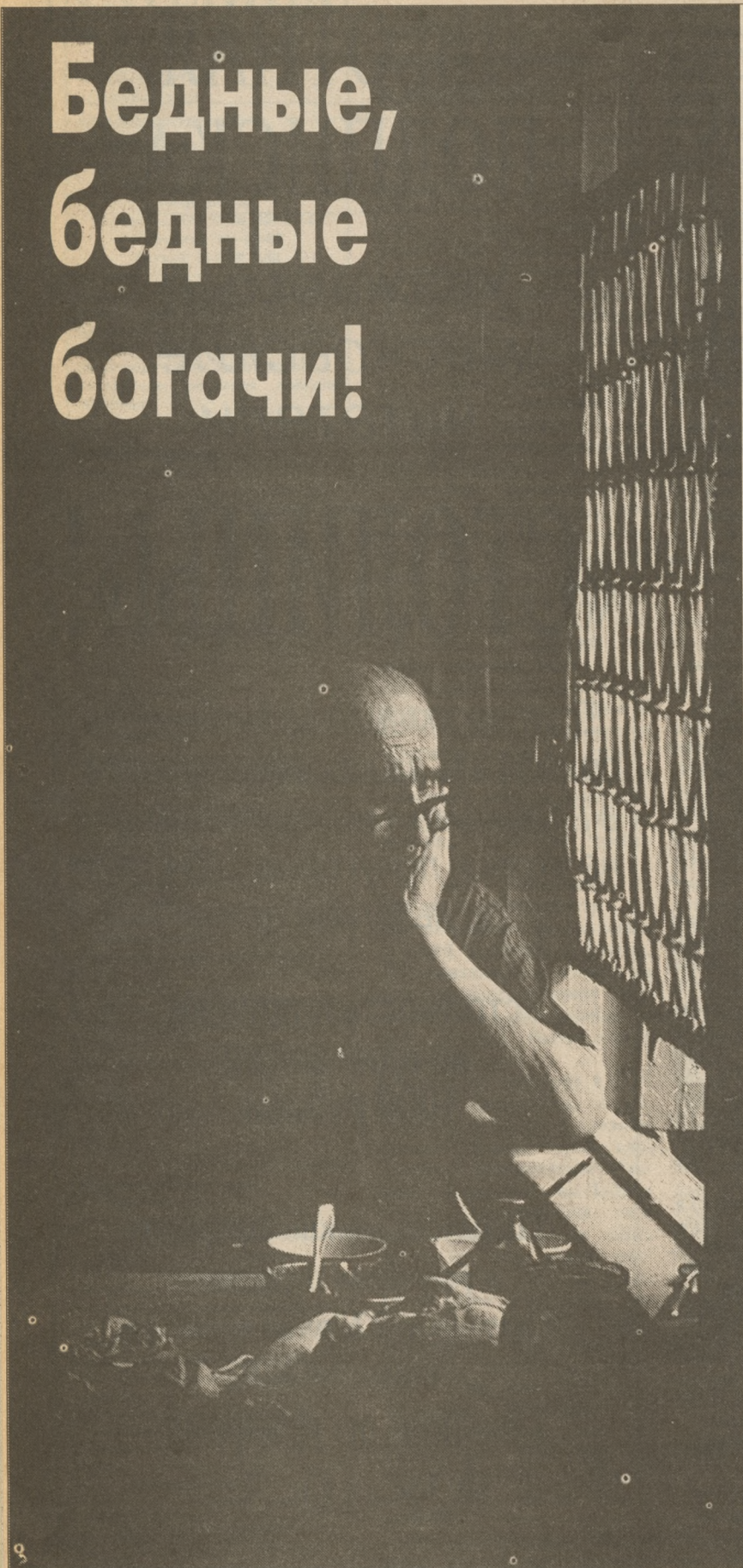
Если вы имеете возможность приехать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас на второе полугодие 1994 года по льготной цене:

**СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ
на один месяц
1000 рублей.**

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
**Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.**

Справки по телефону:
928-10-34

Бедные, бедные богачи!



Разумеется, слышал: лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Но, с другой стороны, бедным и здоровым быть куда предпочтительнее, чем богатым, но больным. Да и быть молодым, пусть и бедным, по-моему, лучше, чем богатым стариком...

Про нищенствующих не говорю. Не иметь хлеба и тепла — это ужасно. Это беда. Нищие (не обязательно те, кто просит подаяние на улице) — это укор, намек и вариант судьбы. Для любого из нас, никому не заказано.

Но поговорим о бедности и богатстве. Не о духовных — о материальных. Где мера богатства? Унитаз из золота? Бутерброд с икрой? Белая яхта в Черном море? Океан водки?.. А где критерий бедности? Нет «вольво»? велосипеда? Зимней обуви? Костюма от Армани?..



Санта Лючия

Запад пускает Россию в свою компанию:
он еще не дул ни на наше молоко, ни на свою воду

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Над всем Неаполем — безоблачное небо. Даром что Италия едва не попала в пасть к коммунистам. Спасибо Сильвио Берлускони и смиренным нынешним «неофашистам», выручили. Похоже, что человечество так и не выучится тушить пожар чем-нибудь, кроме потопа. Это у нас красные и коричневые играют за одну футбольную команду. В Италии, да и во Франции тоже, «неофашисты» выполняют своеобразную роль «санитаров леса», оздоравливая политическое поголовье избирателей от социалистических крайностей и составляя вполне разумный противовес красному краю качелей. Они эгоистичны, себялюбивы и на дух не воспринимают идеи уравнительности и пролетарского интернационализма. Демократия же комфортабельно расположилась в центре качелей, между двумя угрозами: красной и черной.

Одно это существование «над пропастью во ржи», причем у себя на европейских «зимних квартирах», могло бы серьезно испортить настроение делегатам от семерки, не говоря уже о самих гостеприимных хозяевах, одолеваемых мафией и «красными бригадами». Хорошо еще, что Берлускони выпускает бедную политическую элиту, посаженную в тюрьмы чистыми руками последователей Феликса Дзержинского.

Но сильные мира сего беспечно щебетали о своем саммите, словно юный Робертини Лоретти, не подозревающий о феномене отроческой ломки голоса. О, мой Неаполь! О, мой Запад, кувыркающийся в Неаполитанском заливе, словно утенок, который не видит под водой разинутую пасть черепахи! Бедным полоумным коммуно-патриотам из «Завтра» все время видится мировое правительство, вездесущие и могущественные масоны, новый мировой порядок, устанавливаемый из Вашингтона длинной клиентоной рукой...

Хотелось бы мне, чтобы это было правдой хотя бы наполовину. На самом деле Запад давно уже не ловит

мышей, тех красных мышек, которые сгрызли ему шнурки на его собственных шевровых ботинках. И если коммунизм в России временно рухнул, СССР временно распался, а ГКЧП временно проиграл, то Запад здесь ровным счетом ни при чем: он не дул ни на наше молоко, ни на свою воду. До сих пор Джералд Форд имеет бесстыдство рассказывать, каким приятным собеседником был Брежнев и какую замечательную волчью куртку он, Форд, ему подарил. То есть он не только имел несчастье дружески общаться с нашими динозаврами, но и не имеет такта об этом промолчать. Я думаю, что практически все американские президенты после 1945 года могли бы поделиться сходными (и постыдными!) воспоминаниями о совместно съеденных с коммунистами завтраках, ленчах, обедах, о скормленной СССР пшенице, о предоставленных кредитах, об объятиях, поцелуях, охотах — над могилами их жертв. О преданной Венгрии. Преданной Чехословакии. Преданной Прибалтике. О безумной надежде, что скифы дальше не пойдут, удовольствуются Восточной Европой. И о том, как американские президенты и английские лорды пили с этими скифами за разрядку в Хельсинки из диссидентских черепов и закусывали невмешательством во внутренние дела империи зла, разминаясь время от времени на совместных Олимпиадах, от коричневой стартовой отметки 1936 года до красной финишной прямой в Москве 80-го.

Так что Запад управляет миром на столько же, на сколько г-н Хлестаков управлял канцелярией. А жаль! В отличие от Хлестакова Запад обязан править миром. Иначе мир в очередной раз пойдет ко всем чертям и, к сожалению, вместе с Западом. Как мы ждали Билла Клинтона! Думали, вот приедет Клинтон, Клинтон нас рассудит. Объяснит нашему Борису Николаевичу, как надо капитализм строить. Поможет составить Указ о запрете коммунистической и фашистской деятельности. Оставит пятилетний план ликвидации колхо-

зов, совхозов, совков, военщины и родимых пятен социализма. Прикажет войска вывести из Грузии, Приднестровья, Балтии и Таджикистана. А Клинтон вместо всего этого сел в свой самолет и улетел обратно в Штаты, выступив с эстрады и одарив нас улыбкой и общими фразами. Чем же все это отличается от гастролей Лайзы Миннелли?

Бывает и хуже. Некоторые бывшие американские президенты прямо из аэропорта, не заезжая в отель, бросаются на шею нашим коммунистам, незадачливым путчицам вроде Руцкого и твердым ленинцам вроде Зюганова и не могут от них оторваться весь свой визит. Неудивительно, что при таких пристрастиях Ричард Никсон и Джералд Форд составляли одну исполнительную пару в Белом доме. Однако здесь американцам помог Уотергейт, а отнюдь не общественное негодование по поводу шашней с коммунистами.

Где мировой жандарм, рейнджер под звездным флагом, с американской конституцией в башке и с кольцом в руке? На эту роль может претендовать разве что Збигнев Бжезинский, в котором, к счастью, больше от польского шляхтича, чем от высокопоставленного лицемера.

Давайте посмотрим с птичьего полета на так называемый «мировой порядок». Саддам Хусейн жив-здоров и замышляет новые пакости. Фидель Кастро делает что хочет, сажает диссидентов пачками, и никакого Седьмого американского флота на горизонте не видно. Дай Бог США справиться хотя бы с Гаити, хотя на папу Дока силенок когда-то не хватило, как и на Брежнева с Андроповым. А вдруг из Гаити выгонят, как из Сомали? Не надо уходить. Надо драться. Но на Западе всегда наготове интеллигенты, которые начнут хором исполнять «левый марш», как в 20-е годы («Руки прочь от Советской России!»), так и в 30-е, и в 40-е (как липовый антифашист Лион Фейхтвангер), как в 60-е, когда юный Билл Клинтон, доктор Спок и их левые коллеги протестовали против жизненно необходимого вмешательства во Вьетнаме.

Так что, взлетая выше солнца и оглядывая с высот степи, наши семеро орлят могут обнаружить довольно безотрадную картину: красные кхмеры после камбоджийского тура подписания соглашения о гражданском мире и единстве выращивают новое поголовье крокодилов для тамошних миротворцев; при немалом давлении со стороны Запада Нельсон Мандела в ЮАР построит южноафриканскую модель социализма (каких-то пресыщенных эстетов не устраивал правый апартеид). Опять-таки западными молитвами Израиль отдает палестинским фундаменталистам, ветеранам интифады и террора, свою территорию, что вскоре приведет к тому, что у Запада не будет этой маленькой израильской фактории на Ближнем Востоке.

Блаженны миротворцы, ибо они не ведают, что творят. В Иране правят мусульманские фанатики, готовящие джихад. В Северной Корее дошли до публичного сожжения инакомыслящих (в сторону Запада) заживо. В Китае продолжают добывать посаженных в 1989 году сторонников американской демократии, а американская демократия торгует с Китаем при режиме наибольшего благоприятствования, торгует своим будущим, безопасностью и самим выживанием Запада в XXI веке, вскармливая собственным молоком китайскую угрозу, как некогда вскармили немецкую и советскую.

Россия до последнего времени торчала в Эстонии, как гвоздь в стуле. Единственное достижение «мирового правительства» — решение американского сената о приостановлении помощи России до вывода войск из Эстонии и героический отказ пригласить Ельцина в Нормандию на пикник. Где были американские демократы до сей поры со своими санкциями, ведь оккупация Балтии началась в 1940 году? И почему нашего представителя позвали в ту же Нормандию десять лет назад? Потому что СССР — это был бука, коза-дереза, а Россия пока, слава Богу, — серенький козлик?

Я желаю России ослабеть настолько, чтобы у Запада возникло, наконец, желание преподать нам полный курс демократии. Но для этого России, похоже, надо стать слабее Кубы (ведь к Фиделю с обучением демократии не смеют сунуться), а это сложно. Куда ракеты девать? А армию? Хоть бы моль съела...

Так что же делает семерка на своих саммитах? Играет в теннис, жарит стейки? По-моему, эти саммиты — что-то вроде собрания пикейных жилетов из незабвенных Ильфа и Петрова. Так и слышу обрывок беседы:



ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

«Ли Пэн — голова», «Ельцин — тоже голова», «Жириновскому я палец в рот не положил бы». И не кладут. Так что не надо быть Воландом и не надо знать бином Ньютона, чтобы предсказать, что Запад рано или поздно попадет под красный, коричневый или зеленый трамвай. И никакое заседание Массолита или семерки и платоническое там чириканье не помогут, потому что Аннушка подсолнечное масло уже купила, и не только купила, но и разлила.

Если хочешь править миром, держи мир в кармане. Но для этого надо и порох держать сухим. На что же Запад рассчитывает? А он как Робертино Лоретти. «Ах, может случиться, все может случиться...» Может случиться, что и пронесет. А пока продадим коммунистам ту веревку, на которой они нас повесят, а еще лучше — дадим им ее в кредит.

Но самые счастливые здесь, конечно, мы, россияне. Нас посадили за стол, позвали на именины, испекли нам каравай. Правда, я сильно подозреваю, что посадили бы и Ли Пэна, если бы он сел. Брежнев, Хрущев и Горбачев ведь сживали за столами, сживали, и по усам текло, и в рот попадало. Конечно, расширение семерки до восьмерки в экономическом смысле — это союз капуты с козой.

Впрочем, чего же ждать от посткоммунистических визитеров: если не уничтожат, то объедят. Хотя по сравнению с буревиствниками 20-х, 30-х и 40-х нас сегодня можно квалифицировать как мирную саранчу. Для россиян подобная трансформация — просто прогресс. В политическом же плане после хрущевских башма-

ков и сталинского френча ельцинский смокинг — просто подарок судьбы. Это надо поощрить. Ну подумаешь, Россия не выводит войска из Эстонии! Зато не вводит их в Чехию! Разрядка-с! А несчастным эстонцам не все ли равно? Выведут от них 2400 полуголодных, замордованных «дедами» солдатиков, так ведь 11 тысяч молодежавых, от 36 лет, ветеранов КГБ и СА все равно останутся. Эти самые военные пенсионеры, унеси их нелегкая. А 475 тысяч (то есть треть населения) колонистов, вернее, колонизаторов, что с этой пятой колонной делать?

Куда ни кинь, всюду клин. Ельцин явно забыл, что властью обязан чаяниям этих самых эстонцев, латышей, украинцев, врагов СССР и коммунизма в пятом колене. Но это мелочи. Россия все еще вытирает руки о скатерть, сморкается в рукав соседа, режет рыбу ножом. Но это она так дома привыкла. Зато ноги на стол уже не кладет и тарелку насильно не отбирает. А выгнать из-за стола и лишиться десерта — на это семерки не хватит. Она, как хорошая хозяйка, лучше сделает вид, что не замечает, как гость берет кушанье перстами. А у нас, россиян, есть все основания для ликования. Нам бассейн устроили, и мы целый день с вышки прыгаем. А если мы себя совсем хорошо вести будем, то нам туда даже воды нальют.

Санта Лючия! Санта Лючия!

Пока торчит «чеченская заноза»

Ни Крым, ни Приднестровье, ни сербские анклавы не могут быть официально признаны Россией как субъекты международных отношений, пока в российской ахиллесовой «пятке» торчит вопрос о независимости Чечни. Если мы заговорим о возможном признании своих маленьких союзников, Запад немедленно укажет пальцем на нашу «занозу» и, в свою очередь, заговорит о ее признании. Таким образом он несколько лет успешно шантажирует Россию, добиваясь политической форы для своих геополитических союзников — в ущерб союзникам нашим.

Кроме того, любой регион с нестабильной политической ситуацией очень быстро становится источником доходов — как для криминального бизнеса, так и для госчиновников самых разных уровней. Непонятное государственное положение Чечни позволяет нечестным гражданам по обе стороны условной границы успешно спекулировать, например, чеченской нефтью. И роль этой своеобразной «свободной экономической зоны» в пополнении карманов российских коррупционеров все время возрастает. Видно, минувшей весной терпение российских лобби, конкурирующих с «чеченским бизнесом», лопнуло, и они потребовали от президента России разобраться с Чечней окончательно. С другой стороны, этого же требовала и московская политика «просвещенного империализма» по отношению к нестабильным приграничным государствам, которая в последнее время набирает все большую силу.

Ловкость, с которой Россия озадачила Дудаева, заслуживает отдельного повествования. Убрав неприятную фигуру С.Шахрая с решающего поста и сделав некоторые приятные лично для Д.Дудаева заявления, Б.Ельцин как бы открыл путь для прямого диалога со своим чеченским коллегой-президентом. Однако здесь возникло несовпадение интересов: Ельцин хотел бы говорить о законодательном прикреплении Чечни к России, Дудаев же — о признании независимости своей республики. Противоречие следовало устранить до начала «переговоров о начале переговоров». В смутное время на Северном Кавказе истинные конституционность и законность мало волнуют местных политиков. Их больше интересует власть как средство для добывания денег себе и своему разветвленному роду. Противники Дудаева оставались до последнего времени разобщены именно потому, что боролись не против президента, а за «своих». Начало совместных действий гордых чеченцев из оппозиции под лозунгом «враг моего народа — мой друг» можно объяснить только тем, что Москва за кулисами официальной политики начала с ними объединяющую всех игру «Дудаева сбросить, а власть поделить». В нужное время из Кремля свистнули, и оппозиционные чеченцы вскочили на коней. Чем поставили президента в положение хуже губернаторского.



Кирилл
СВЕТИЦКИЙ

Запад, не моргнув глазом, принимает в гостеприимные объятия мирового сообщества Хорватию, Боснию и другие новообразования с неопределенными границами и националистическими режимами. В это время Москва не может позволить себе оказать серьезную помощь не только боснийским сербам, но и единокровным россиянам в странах ближнего зарубежья.

Дело в том, что для России он объективно остается самым удобным партнером из всех возможных. Дудаев все-таки был избран всенародно и уже приобрел опыт государственного управления. Чем выгодно отличается от своих оппонентов — эти, скинув ненавистный режим, могут устроить такую сумасшедшую драку, что нынешние безобразия покажутся раем законности. Сегодня Дудаев погружен в раздумья. Либо продолжать настаивать на признании своей независимости Москвой, но тогда Чечню не только залихорадит на порядок сильнее. У нее еще отберут, как минимум, Надтеречный район, граничащий со Ставропольским краем. Временный Совет, контролирующий эту территорию, официально обратился к президенту РФ с просьбой «восстановить в Чечне конституционный порядок». В переводе с политического на обычный русский язык это значит: «Придите и владейте нами и нашими войсками». Затем на освобожденной территории возникнет еще одна Республика Ичкерия, уже в составе России. Таким образом, у Дудаева украдут еще и название, что для последнего будет крайне огорчительно, поскольку сделает его политическое положение совсем двусмысленным. С другой стороны, можно отказаться от идеи тотальной зависимости, признать «руку Москвы» и вместе с последней одолеть мятежных «баронов». Но ради чего же тогда генерал три года копыя ломал?

Пока же Дудаев ломает голову над вопросом, как быть с фетишем независимости, всем остальным россиянам стоит взглянуть на ситуацию в контексте более широком. Подробности «чеченского розыгрыша» интересны не только сами по себе, но и, во-первых, как доказательство способности российских властей действовать продуманно и решительно против вооруженных противников сильной государственности. Во-вторых, если официальная Москва все-таки сможет окончательно решить «чеченскую проблему», все мы окажемся в совершенно новой психологической ситуации. Исчезнет последняя объективная преграда, мешающая России предпринимать цивилизованные, но решительные меры для защиты интересов россиян за рубежом. А ведь невозможность вступить за своих соотечественников не только подрывала российские политические и экономические интересы. Она еще и создавала крайне опасный психологический фон национальной униженности — плацдарм, с которого обычно фашизм начинает завоевывать массовое сознание. Если же последняя объективная преграда на пути политики просвещенного империализма будет разрушена, с субъективными недостатками нашей внешней политики народ уж как-нибудь разберется.

Эдуард ЛИМОНОВ: «Мой мир полон чудовищ и красавиц»

Я не из тех, кто гонится за гонимостью. Тем печальнее, что с любимыми публикациями о Лимонове у меня второй год проблемы.

— Лимонов нам не нужен, — категорично заявляют редакторы демократически-плюралистических изданий.

Вокруг Жириновского заговор молчания создать не удалось. Отыгрываются на Лимонове. Принято считать, что он как писатель исчез. Есть мифический персонаж, у которого что-то там было с негром и веселым Жири. То, что я думаю о такого рода плюрализме, с наибольшей яркостью выражено в последних строчках «Эдички».

Убеждения Лимонова и его политическая активность волнуют меня постольку, поскольку они влияют на его творчество. Легко и приятно читать его по разряду эпатажных вечных мальчиков, бравирующих своим свинством. Лично я не собираюсь скрывать, что Эдуард Лимонов представляется мне одним из лучших прозаиков современности. Это серьезное литературное явление, которое куда шире любых политических и стилистических рамок. Я рад, что он согласился встретиться со мной — человеком противоположных убеждений. Мне импонирует его умение и желание идти до конца, его переход в заведомо непопулярный лагерь в поисках энергетики, необходимой ему для творчества. Мне нравится его вызов литературному истеблишменту, его отличная физическая форма и интеллигентная манера разговора. И мне не хочется ждать, пока история русской литературы лет через пятьдесят расставит все по своим местам, подарив бессмертие двум-трем романам Лимонова и дюжине его рассказов.

С ним можно и нужно спорить. Но молчать о нем постыдно.

— Где вы живете, останавливаясь в Москве?

— Сейчас для меня нашли вот эту студию художника. Без телевизора, с телефоном, в старом московском доме. Раньше было еще колоритней — я жил в полуразрушенном сквате. Но здесь тоже ничего. Минимум мебели, карты по стенам. Комнаты странной формы, высокие потолки. Мне нравится.

— С вашим именем принято связывать раскол в «духовной оппозиции»...

— Все радикалы давно находятся в оппозиции к оппозиции. Я не причисляю к оппозиционерам талантливого, но фальшивого «националиста» Жириновского, — мой разрыв с ним

относится к ноябрю 1992 года. Аграрная партия вообще не имеет никакого отношения к оппозиции — это директора агропромов, заместители министров, хозяйственники... Раскол — ни для кого не секрет; думаю, к осени он оформится организационно. Тогда заявит о себе движение, соединяющее крайних националистов с крайними коммунистами. Мне нечего делать в одном движении, например, с Зюгановым или Рудским. Это личности серые, и их приход к власти ничего не изменит.

— Я готов признать, что у Рудского нет собственной позитивной программы. А у вас?

— У нас есть нечто большее: идеология. Я называю ее национал-

большевистской — в ее основе идея революции, национальной и социальной одновременно. Не следует думать, что это солженицынская национальная идея образца 1913 года, которую я назвал бы национал-капиталистической. Жириновский, кстати, тоже не имеет ничего против капитализма, грубо подмалеванного в национальные цвета. Сегодняшняя Россия — это как бы ампутированное туловище бывшего СССР, и у нее по-прежнему конституция интернационального государства. Тогда как конституция Франции начинается со слов: «Мы, французский народ, торжественно провозглашаем...» Это при том, что французов во Франции не более семидесяти процентов, а русских в России — 87. Наша конституция должна начинаться словами: «Мы, русский народ...» Русский национализм мыслится мне не реакционным, старым, консервативным, в духе брадатой газеты «Завтра», но ярко современным и блестящим. Плюс, конечно, социалистическим. Нужно понимать, что с 1985 года в России происходит нормальная буржуазная революция: до августа девяносто первого она была вялотекущей, потом стала настоящей, горячей, буйной, с захватом собственности.

Это не было движение сверху, я никогда не закрывал глаза на то, что нашу буржуазную революцию поддерживали определенные классы. Ее хотела вся интеллигенция страны за ничтожным исключением, хотела номенклатура, обладавшая административной властью, но не собственностью. Хотела даже определенная часть так называемых трудящихся, не сознававших, против кого эта революция будет направлена в конечном итоге...

Никакими верхушечными переворотами — Рудской вместо Ельцина и т.п. — это массовое движение победить нельзя. Революция неизбежна, но осуществить ее возможно только с некоторым количеством комиссаров — ярких и энергичных личностей, сегодня затерянных в народе, социально неудовлетворенных и готовых идти до конца.

Весь народ поднять нельзя, тем более что я вообще не знаю, что такое народ. Ненаучное это понятие. Мы рассчитываем поднять несколько миллионов. Чем поднять — прибавкой к зарплате? Демократы доказали, что это невозможно: обещания благ сегодня не поднимут никого. Мы можем пообещать как минимум героическую смерть, а для тех, кто вылезет из этой мясорубки, — варварский, но верный лозунг: «Тот был ничем, тот станет всем».



Э.Лимонов среди членов радикальной (националистической) партии

Наш электорат — те, кто сегодня голосует за Жириновского, Зюганова или Рудкого. Но умеренная оппозиция — наш непосредственный противник. Мы заглядываем не в «Завтра», а в послезавтра. Сразу после выборов я открыто заявил, что наши вчерашние друзья по баррикадам стали врагами. И Рудкой, и Зюганов, и Жириновский — рыночники.

— **Слушайте, но какая же тогда разница между Рудким и Ельциным?**

— В том-то и дело, что никакой. И Рудкой, и Хасбулатов, и их сторонники в парламенте — все выступали за реформы. В октябрьском столкновении не было никакой идеологической подоплеки — это было столкновение двух ветвей власти. Оппозиция сделала ошибку, поддержав одну из них. Ельцинский режим — впрочем, тут я оговариваюсь, Ельцин тоже фигура серая, — но режим, олицетворяемый им, в последнее время активно перекрашивается и эволюционирует. Ельцин идет даже дальше по пути «национализма», чем Рудкой в наиболее радикальных пунктах своей программы. Рудкой вообще человек бездарный — он, например, сейчас носится с идеей объединения СССР. Приехал, дошло до него. С этой идеей все, до последнего патриота, выступают уже лет пять.

— **Хорошо, какова ваша позитивная программа?**

— В плане национальном, я уже

сказал, надо начать с конституции. Оказавшись у власти...

— **Минуточку: вы надеетесь там оказаться путем кровопролития?**

— Кровопролитие — это моральный жупел, которым шантажируют нас, радикалов. Буржуазная революция в России оказалась весьма кровопролитна и отнюдь не чуждалась насилия: региональные войны, Карабах, толпы беженцев... В принципе, мы вполне можем прийти к власти и мирным, выборным, путем. В этом случае не будет никаких репрессий: какие-то люди будут отрезаны от власти, а сажать и выселять я не вижу смысла.

— **Ладно, вы у власти.**

— Не я конкретно: я никогда у власти не был. Так получается, что к кому бы я ни примыкал, меня не допускают к управлению. Я не входил ни в какие «Соборы», ни в ФНС, ни даже в редсовет «Советской России». У меня нет претензий в этом смысле. Но если речь идет обо мне, я начал бы с решения русского вопроса. Это прекращение дотаций на любые школы, где учат на национальных языках, на издание национальных газет и журналов: в частном порядке — ради Бога, но государственным языком будет русский. Затем — пересмотр границ: ваш Таллин нам не нужен, но отдайте нам нашу Нарву...

А в плане социальном — видите ли, я и Анпилову часто говорю, что не следует призывать к возврату и ре-

ставрации. Меня категорически не устраивает советский социализм семидесятых годов. Идеей восстановления прежнего порядка молодежь на борьбу не поднимешь, а я ориентируюсь прежде всего на молодежь. Мы забыли слова «доблесть», «мужество», «героизм»... Мы можем пообещать участие в строительстве нового порядка. Революция вообще, как известно, самое выгодное вложение денег, сил, жизни: если гниешь, то гниешь красиво, если побеждаешь — получаешь ВСЕ. Идеологию, имущество, власть.

— **Где у вас гарантии, что ваши победители не капитализируются в считанные годы, как было в СССР в двадцатых?**

— Что ж, на этот случай есть методы, скажем, культурные революции типа китайской. Когда семнадцатилетние студенты гнали бывших вождей в бумажных колпаках... Но вообще, буду откровенен, я не считаю, что революции надолго устанавливают справедливый строй. Отнюдь нет. Но они хотя бы на момент восстанавливают единственную справедливость. На короткое время из массы выделяются действительно сильные и талантливые личности.

— **Я понял: вам дорог процесс?**

— Тут может быть несколько точек зрения... (После паузы, решительно.) Мне как писателю, мне как персонажу — да, процесс. Из двух героев — Че и Фиделя — я выбрал Че.

Миф Фиделя дряхлеет вместе с ним, а Че... Вспомните, кстати: Батиста тоже ведь начинал великолепно. Фердинанд Маркос... Это были вначале молодые львы, националистических движений Азии и Латинской Америки...

— **Как вы относитесь к Мисиме?**

— Это был одно время мой идеал литератора. Люблю его великолепную, бессмысленную гибель. Еще люблю Жене, Селина, Буковски, Миллера...

— **Вы не антисемит? То есть я-то знаю, что нет, но...**

— Нет, не антисемит. Я единственный русский националист, которого издают в Израиле. Мой национализм вообще не базируется на идее национальной исключительности.

— **Как, по-вашему, современное западное общество деградирует?**

— Я не особенно представляю, куда ему деградировать... Это общество абсолютной несвободы, где человек связан по рукам и ногам, где у него отнято самое естественное право — право на бунт, будь это бунт моральный, культурный, социальный... Современная Россия дает право хотя бы поучаствовать в демонстрации Анпилова, как-то отвести душу. Там этого нет. Даже фашизм на Западе — кабинетный. Индивидуум порабощен абсолютно, он с рождения становится на конвейер, который его подхватывает и несет. Жизнь тускла, скучна и машинальна.

— **Ваша главная претензия к сегодняшней русской жизни, я полагаю, не нищета, а именно потеря достоинства?**

— Да все вместе. Нищета влечет за собой потерю достоинства, а главное — мы колонизируемы, мы страшно унижены. Это развал, впадение в варварство. Я был в Твери, где проводил предвыборную кампанию, много ездил по провинции. Меня поразили город Западной Двина, тысяч на шестнадцать жителей, где я провел пять предвыборных митингов — на деревообрабатывающем комбинате, на консервной фабрике и пр. В городе нет парикмахерской, ни единой столовой, отвратительная гостиница... Городская газета не знает, будет она завтра выходить или нет, помещение неотопливаемое, все сидят в пальто... Радио не работает, уже год нет дотации... На строительном комбинате плачут все — от директора до последнего рабочего, налоги — восемьдесят копеек с рубля. Одичание и развал.

— **Есть время, в которое вы хотели бы жить?**

— Меня устраивает теперешнее. Я человек активный. Это время, идеальное для политиков, нуворишей и

авантюристов. Можете причислить меня к любой из этих трех категорий, хотя нуворишем, по-моему, я не покажусь даже самому яростному оппоненту. Но подобных мне очень мало. Я отдаю себе отчет в том, что большинство людей во все времена нуждаются в нормальной стабильной жизни. Без разрывов, без стрессов. Им нужно размеренное существование, наследование имущества, уверенность, гарантии, комфорт... Я — из другой породы. Мой мир по-прежнему полон чудовищ, красавиц, столкновений... извержений вулканов...

— **Как вы относитесь к Христу? Я понимаю, что это странный вопрос...**

— Почему же, вполне закономерный... Нехорошо отношусь. Христос — жертва. А я не люблю жертв.

— **Вы боитесь смерти?**

— Смерть — профессиональная болезнь человека. Как угольная пыль в легких — профессиональная болезнь шахтера. Я отношусь к смерти фаталистически, потому что она неизбежна и когда-то все равно меня застанет. Не хотелось бы умереть жалко. Так, по-моему, умер Пазолини, если не гений, то, во всяком случае, одна из вершин XX века. А умер на пустыре... среди отбросов... еще машина несколько раз его переехала... и убил его то ли любовник, то ли наемный убийца — неизвестно кто. Так — не хочу.

— **Как вы чувствовали себя на войне? В Югославии, в Приднестровье?**

— Я писал в «Убийстве часового», что война — вещь грязная и страшная. Но, как ни странно, там я чувствую себя в наибольшей безопасности. Война — это свобода. Там люди невероятно свободны.

— **Вы хорошо стреляете, деретесь?**

— На дальние расстояния стреляю хуже, потому что не очень хорошо вижу даже в очках. В тире мишень сваливаю. Дерусь — в зависимости от ситуации. Почти все решает случай и ситуация.

— **У вас есть рассказ, по-моему, один из лучших, про то, как вы уже признанным писателем бродите по Централ-парку Нью-Йорка и сталкиваетесь с вооруженным маньяком. Раньше, пишете вы, эта встреча была бы столкновением двух зверей, оба почувствовали бы опасность и разошлись. На этот раз вы чудом спаслись от нападения. Как сегодня складываются ваши отношения с людьми городского дна?**

— Проблем не возникает. Я легко говорю на их языке, могу обсудить их проблемы и выпить с ними сколько потребуется.

— **Когда демократы надеялись при-**

влечь вас в свой лагерь, бывал миф, что вы крайне популярны на Западе. Сегодня вас любят изображать нищим. Как обстоят дела на самом деле?

— Следует помнить, что я писатель антиистеблишмента. Я опубликовался в Штатах сразу в престижнейшем издательстве «Рэндом хауз» — правда, на это ушло у меня семь лет. Но такая публикация сразу задает определенный уровень. С 1980 года я живу исключительно на литературные заработки — это могут позволить себе далеко не все литераторы. Сегодня мне во Франции весьма трудно заработать. У меня плохая репутация — «фашиста» и «национал-большевика». Меня знает каждая собака, я популярен, но меня неохотно рецензируют и столь же неохотно издают. Против меня идет настоящая кампания в прессе, и я хорошо понимаю, что значит быть затравленным. Если бы я умел жалеть себя, это казалось бы мне трагедией. Но поскольку я не склонен над собой рыдать — переношу все достаточно спокойно. Квартира у меня, по советским стандартам, более чем средняя — все ждут роскоши, а это обычная парижская квартира, практически на крыше, со скошенными потолками. В центре. Здесь я живу пока на гонорар за книгу «Лимонов против Жириновского».

— **Как складываются ваши отношения с Сапгиром, Холиным — поэтами, в чьем кружке вы начинали?**

— Я почти не вижу с ними. Во Франции дважды встречался с Сапгиром... Я не умею поддерживать старую дружбу, когда главным объектом разговора становится прошлое. Для этого нужно быть или очень вежливым, или очень ностальгирующим человеком. Я — ни то ни другое. Меня привлекают только живые отношения.

— **Какую музыку вы слушаете?**

— Слушаю мало. В последнее время нравятся бравурные такие марши.

— **Каков ваш идеал женщины?**

— Мои жены.

— **На каком возрасте вы себя чувствуете? Явно уж не на пятьдесят?**

— Мой внутренний возраст неизменен, а о настоящем я не вспоминаю.

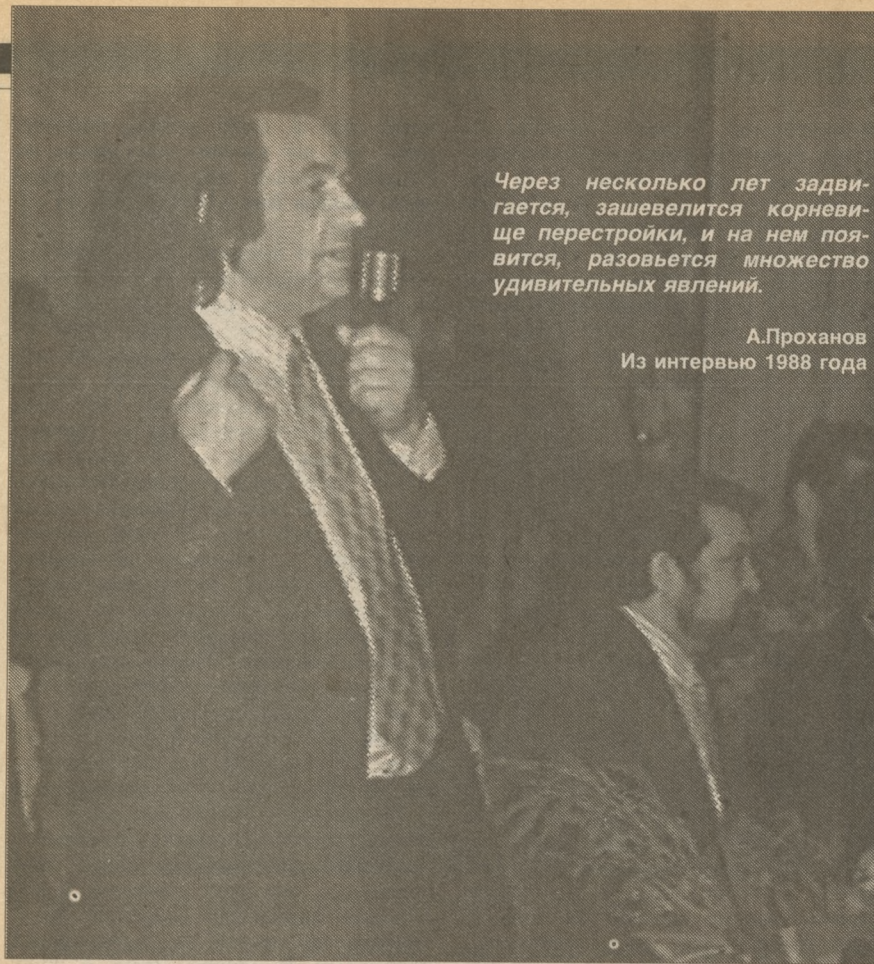
— **Какие условия вам нужны для творчества?**

— Никаких. Могу сесть за этот стол и начать писать.

— **Если вы придете к власти и начнутся репрессии — я могу рассчитывать на вашу протекцию или вам принципы дороже?**

— Можете, можете. Я выпишу вам мандат.

Дмитрий БЫКОВ



Через несколько лет задвигается, зашевелится корневище перестройки, и на нем появятся, разовьются множество удивительных явлений.

А.Проханов
Из интервью 1988 года

Последние панки империи

«Завтра» как явление
плюралистического авангарда

Алексей БЕЛЯКОВ

...Я смотрю на фотокарточку: вот красавцы в ряд стоят.

Между насупленным Ильей Константиновым и лукаво улыбающимся Бабуриным по-детски непосредственный, словно ожидающий от фотографа «птички», взгляд подавшегося вперед Анпилова. А вот Невзоров — со сжатыми губами, кажется, погружен в думу (наверняка государственную). Зато лицо Зюганова излучает добродушие. Стародубцев чуть печален. В нижнем ряду — Жириновский, которого даже не сразу узнаешь из-за непривычного отсутствия мимики. Генералы Руцкой и Макашов. Последний замер в напряженной позе, как будто уже собираясь встать

поскорей и заняться делом. И ближе всего к объективу — нервическое, но одухотворенное лицо Александра Андреевича Проханова. Видимо, в силу поэтической одержимости последнего всяческой мистикой количество участников группового портрета на первой полосе газеты «Завтра» равняется сакральной цифре — двенадцать. Хотя, исходя из соображений презентативности, сюда обязательно следовало бы поместить светлосый лик Баркашова (между Жириновским и Руцким, например), симпатичную физиономию Лимонова, а также за спиной Макашова хорошо бы смотрелась народолюбивая бородка Егора Летова.

Где вы, монументалист Глазунов? Где вы, спрашиваю? Такая «Тайная вечеря» лишь вашей кисти достойна.

Сказать, что газета «Завтра» эклектична, внутренне противоречива, — значит обнаружить полное непонимание сути явления. Мне, конечно, никогда не подняться до интеллектуальных высот таких «духовных оппозиционеров», как Александр Зиновьев, Шамиль Султанов или Александр Дугин, но, тем не менее, этими заметками я попытаюсь доказать глубокую концептуальность «Завтра»*.

Сразу заявлю: рассматриваемое издание следует определить как самый нетрадиционный еженедельник России. (Я, правда, не могу с уверенностью утверждать, что «Завтра» выходит каждую неделю: по подписке она не распространяется). В любом другом еженедельнике — «Московских новостях», «Литературной газете», «Столице», наконец, можно выделить некую устоявшуюся модель организации материалов. Обзор и анализ текущих событий занимает, безусловно, первое место. И как весомое дополнение, вторым эшелон, следует всяческая, условно говоря, «литература» — эссеистики, воспоминания, проза с поэзией.

«Завтра» же уделяет «сегодняшней» исключительно политической информации фактически две скромные по размерам рубрики: «Табло» и «Агентство «Дня». Да и то во второй, как известно, события не констатируются, не анализируются, а причудливым образом преломляются в виде этаких «записок на манжетах», подчас даже остроумных.

Остальное и основное пространство восьмиполосной газеты оккупировано интервью с видными оппозиционерами, невиданными по размеру публицистическими опытами, ну и бескомпромиссной патристической беллетристикой. (Кстати, один из недавних номеров «Завтра» был полностью отдан повести Проханова — про Афганистан, разумеется. Что поделывать? Главный редактор.) И при этом — заметьте! — ни строчки рекламы. Статью о русской духовности, подписанную Валерий Неверов, глава концерна «Гермес», считать рекламной, полагаю, не стоит. Нет, воля ваша, а дело мы имеем с изданием уникальным. Хотя, увы, недолговечным, как все уникальное. Но об этом позже.

Для начала же предпримем попытку исследования объекта.

«По своему дарованию Александр Проханов — великий авангардист», — пишет о своем главном редакторе его заместитель Владимир Бондаренко (серия «Жизнь замечательных россиян»). Вы тысячу раз правы, Владимир Григорьевич. Только я позволю себе перенести ваше лестное определение с Проханова-литератора, чье художественное дарова-

* В статье использованы главным образом материалы майских и июньских выпусков «Завтра».

ние представляется мне, простите за дерзость, вполне умеренным, на Проханова-организатора, пропагандиста, агитатора. Вот как раз в качестве главного редактора Александр Андреевич замечательным образом продемонстрировал свой авангардистский талант.

Постсоциалистический период идеологической сумятицы потребовал от мастеров культуры поиска новых радикальных методов эмоционального воздействия на аудиторию. Речь, разумеется, идет преимущественно о тех мастерах, которые в силу ортодоксальности ли, парадоксальности ли своей артистической природы не сочли возможным мириться с новыми политическими и экономическими тенденциями, увлекшими страну. Ведущую роль в сплочении таких натур, а также мировоззренчески родственных им политиков играл и играет «последний солдат империи» Александр Проханов.

Концепция заключалась в том, чтобы на почве полного неприятия «навязанной» русскому-советскому народу демократии и ее институтов собрать под крылом одного издания всех возможных антагонистов нового порядка. Фигурально выражаясь — обвенчать монархиста с коммунистом, генерала с неформалом. И как бы ни иронизировали по этому поводу оппоненты «Дня» (впоследствии «Завтра»), идея удалась. Удалась, несмотря на наличие целого спектра оппозиционной печати — от «Советской России» до «Русского порядка», от «Советского порядка» до «Русской России».

Неожиданный, стихийный авангардизм «Дня» и «Завтра» проявился в том, что на страницах издания соткалось во всей своей неизъяснимой мистической (!) прелести оксюморонное, иррациональное поле. В какой еще прессе можно встретить манифесты фашиста Баркашова по соседству с рассуждениями участника парада Победы генерала Вареникова? Где еще вы найдете декларации касательно духовной близости России и исламского мира и тут же хладнокровные рассказы наших боевиков об уничтожении сербских мусульман? В каком еще заветном месте пересекутся пути «почвенника» Белова, многие годы анафемствующего рок-музыке, и панка Егора Летова?.. Как это ни покажется оскорбительным для иных авторов «Завтра», но именно эта газета на сегодняшний день оказалась самым радикальным демократическим органом печати. Органом плюралистического авангарда.

В слепящем свете вышеприведенных определений особо пристрастного рассмотрения заслуживают лексика и стилистика «Завтра». Как издание плюралистического авангарда газета не имеет, да и не должна иметь, общего стилистического вектора. Подразумеваю отнюдь не авторскую индивидуальную манеру письма, но именно объединяющую литературную тактику, которая свойственна традицион-

ной прессе. Стилистический диапазон «Завтра» широк настолько, что, мнится мне, редакторская муза Проханова уже давно должна была быть жестко потребовать введения в газете ЧП и соответствующих, лимитирующих авангардистский разгул вердиктов. Но не дождутся того недоброжелатели.

Листая «Завтра», заинтересованный читатель нет-нет да и наткнется внезапно, с ностальгическим замиранием сердца, на сверкающий осколок соцреализма. «Юрий Владимирович мог часами сидеть где-нибудь в укромном уголке на Москве-реке и смотреть, как течет вода». Это отрывок из лирических воспоминаний А. Лукьянова об Андропове.

А то вдруг невольно залюбуешься-зачитаешься «умной» публицистикой А. Дугина. Вот он, штатный мистик-евразиец «Завтра», пишет об одном французском литераторе: «Аутентичный визионер, достаточно глубокий и доктринально подготовленный, чтобы не принимать первые попавшиеся фантомы субтильной реальности за «посланцев света»...» Тут ваш покорный слуга силится представить выражение лица одной из тех старушек, что продают «Завтра» в переломах. Вот вечером бабушка читает любимую газету, разложив ее на кухонном столе. Вот бормочет: «фантомы... э-э... субтильной... м-м-м... реальности». Поправляет очки.

Шучу, шучу. Бабушкам «фантомы» ни к чему. Бабушкам отроднее веселый и злой, вполне осязаемый, плотский юмор генерала Макашова, который, того и гляди, скоро увлечется созданием фривольных сатир для младшего офицерского состава. Свидетельством тому — дерзкая, полутабуированная лексика лихого генерала. Одно слово «бзделоватость» в его тексте чего стоит.

А как должны потрясти воображение обывателя исполненные саркастического, нигилистического пафоса статьи «профессионального» панка Сергея Жарикова о русском роке! В принципе, авангардизм «Завтра» выражается и в том, что его идеологи не чураются экстремистской панковской эстетики. И это, как ни поразительно на первый взгляд, находит благодарный эмоциональный отклик у читательской аудитории.

Но самые смелые лексические и фразеологические решения можно обнаружить в двух уже упомянутых рубриках — «Табло» и «Агентство «Дня»». В «Табло» активно используются свои жаргонизмы-номинации: Шумейко — «господин Шу-Шу», Черномырдин — «чирик», Ельцина уже давно именуют аббревиатурой интимно-инвективного свойства — «Е.Б.Н.», но в последнее время встречается и словечко «банан». Про партии «Выброс» и «Бля» и говорить не приходится.

В «Агентстве «Дня»» авангардистский дух «Завтра» нашел свое абсолютное воплощение. Тут мы имеем дело с публи-

цистическим феноменом, который возрос на обломках «большого стиля» советской журналистики — с ее неугомонным пафосом борьбы, но вместе с тем впитавшим в себя терпкие соки специфического жанра «разговоров у прилавка». Этическая сторона данного явления, на мой взгляд, обсуждению не поддается, в силу отсутствия у консервативного автора должных критериев оценки. Уповаю на помощь Дугина.

Приведу примеры, если кто позабыл, что имеется в виду. «У Костикова, когда он читает «Завтра», открываются жаберные щели». «Новодворская маткой ненавидит Россию». «Обнищавшее Российское ТВ собирает средства на колготки Сорокиной».

Подобно всякому авангардистскому образованию, «Завтра» не может являться устойчивой, стабильной конструкцией. В ее орбиту вовлекаются свежие силы вроде Руцкого, который, кстати, в 91-м году, после публикации в «Дне» приснопамятного «Слова к народу», обещал Проханову десять лет тюрьмы. Но в то же время газету покидают испытанные кадры типа знатного политолога С. Кургиняна, сильно обогатившего теоретическую базу оппозиции (о чем в «Столице» уже писал Д. Быков).

Однако рыхлость и неустойчивость авторского корпуса не самая, как мне представляется, большая беда для «Завтра». Постоянных ее читателей не может не тревожить ощущение некоторой публицистической усталости и снижения пафоса, которые наметились в последнее время. Если еще год назад каждый номер «Дня» Проханов, как военный романтик, сравнивал со снарядом, выпущенным по «беспощадному врагу», то теперь это все, скорее, напоминает беспорядочную хмельную пальбу былых десантников в тире перед закрытием ЦПКИО. То есть читателя по-прежнему заверяют, что борьба накаляется, и «Завтра» гудит, как вечеровой набат, однако былая «пассионарность» (еще одно любимое словечко «завтрашников») как-то меркнет.

И это закономерно, ибо любой авангардизм недолговечен. А уж в нашем, особом, случае и подавно. Кстати, характерно, что одна моя знакомая, до недавнего времени бывшая яростной поклонницей газеты «Завтра», вдруг перестала ее покупать. «Что такое?» — спрашиваю. «Да я теперь читаю «Аль-Кодс»! Вот там уж напишут так напишут!»

Однако, как бы то ни было, авангардист Проханов и его соратники, если, конечно, не намерены оставлять борьбу на страницах «Завтра», должны втайне благословлять ненавидимый ими «временный оккупационный режим», ибо, пока существует он, их неутомимая письменная деятельность будет востребована в той или иной мере.

Хватит гнать «чернуху»

Николай Ильич, как это вы, стойкий оппонент правительства, вдруг оказались... членом этого самого правительства, министром, хотя и «без портфеля»?

— Я не сказал бы, что «вдруг». Считаю, это произошло совершенно естественно, логично: то, чего удалось достичь в моем Шаховском районе (а сегодня уже вряд ли кто будет отрицать, что кое-что действительно удалось), требует осмысления, а затем, может быть, и распространения.

— Но, согласитесь, район находится в о с о б ы х, привилегированных условиях хозяйствования, поэтому и «удалось»...

— Да, это правда: нам в свое время были «сверху» даны особые права и полномочия в проведении реформ, разрешено действовать по-своему. Мне удалось убедить эти «верхи» в том, что рыночные реформы (я ведь ими начал заниматься не с 1992 года, как Гайдар, а еще с восьмидесятых — в строительстве) обязательно должны учитывать специфику и города, и района. То же — и с сельскими реформами, и с местным самоуправлением, и др. К нам, конечно, наведывались многие начальники, но только в этом году, я считаю, впервые был объективно рассмотрен наш опыт.

— Повлияла изменившаяся политическая ситуация?

— Просто люди другие. Раньше это были необъективные чиновники, так сказать, заинтересованные. Например, Петр Филиппов, считавший, что, если приватизация идет не «по Чубайсу», значит — неправильно... Теперь с нашим опытом серьезно ознакомились и Александр Лившиц, и Сатаров, и Смирнягин, те же Филатов и Филиппов, были у нас министр Хлыстун и вице-премьер Заверюха, был у нас и Черномырдин. В итоге все пришли к выводу: шаховской опыт заслуживает изучения, им могут воспользоваться те, кто пожелает, в других районах.

— Получив при этом ваши льготы и «особые условия»?

— Конечно! Пусть получают, но пусть — д е л а ю т! А для более эффективного продвижения всего полезного, что сделано в Шаховском, надо, решили, чтоб кто-то этим занимался на федеральном уровне, в правительстве. Так, видимо, и вышли на мою кандидатуру.

— Кто конкретно вам предложил стать министром? Черномырдин?

— Нет. Сначала я принял решение возвратиться в главы администрации района, а значит — уйти из депутатов Думы: ведь, согласно Конституции, совмещать должности главы и



«Министр без портфеля», лидер фракции ДПР в Госдуме Николай ТРАВКИН:

«То, что делает Говорухин, может превратить фракцию ДПР во врага любых реформ...»

депутата нельзя. О своем решении я поставил в известность Рыбкина, но тот сказал, что хотел бы, чтобы я все же остался в Думе (да и мне, честно говоря, не хотелось бросать фракцию на произвол судьбы). Но возможным это могло стать только в том случае, если должность главы администрации повысится до ранга министра. Тогда можно совмещать ее с депутатством в Думе... Этот вариант поддержали и Рыбкин, и Филатов, и Заверюха, и Сосковец, и Черномырдин, все были «за». Так я и оказался в министрах...

— Без портфеля. Что это значит? Без дела? Без кабинета?

— Без аппарата. Без штата помощников, без секретарей, без подчиненных: даже, строго говоря, без высшего начальства. Но — с обязанностями, с функциями, притом весьма определенными.

— С какими же?

— Сфера моей ответственности в правительстве — все, что касается местного самоуправления, сельских реформ, вообще экономических реформ в привязке к человеку...

— Несколько туманно. А какие-нибудь конкретные поручения от премьера Черномырдина вы уже получили?

— Не получил, но одно вот-вот, думаю, получу: все, что связано с Законом о кооперации и с расходованием бюджетных денег на сельское хозяйство.

— А что, денег селу опять не хватает?

— Наоборот, убежден, выделяется много лишних, не доходящих до адресата. С этим буду бороться.

— Это что-то новенькое: все селяне наперебой жалуются, что государство мало дает денег, а вы... Похоже, и министр Хлыстун, и ви-

це-премьер Заверюха в вашем лице найдут еще одного серьезного оппонента?

— Думаю, что они знали, кто такой Травкин... Вы же сами сказали вначале, что я — стойкий оппонент правительства. Но — здоровый оппонент, а не лишь бы «против».

— Вы — лидер фракции ДПР. Известно, что некоторые заметные деятели вашей думской фракции — Говорухин, Глазьев, ряд других — ваш переход в правительство восприняли резко отрицательно, вплоть до публичных обвинений в раскольнических действиях, даже предательстве...

— В партии ДПР вопрос этот обсуждался, я был понят и поддержан. А в депутатской ф р а к ц и и ДПР есть люди, не являющиеся членами партии ДПР, — это как раз Глазьев, Говорухин... Никакого раскола и тем более предательства с моей стороны нет! А вот то, что делает сегодня Говорухин, уводит фракцию из «центра», что грозит нам превратиться из здоровой оппозиции во врага любых реформ. Нельзя же гнать одну «чернуху»!

Я всегда пытался не зачеркнуть реформы как таковые, а откорректировать их тактику. Так вот, фракция ДПР не встала ни на радикально-идеологические позиции Говорухина, ни на радикально-экономическую точку зрения Глазьева. Их позиции — это позиции ни фракции, ни партии в целом, это их позиции личные, как депутатов, как политиков. И только! А для меня их позиция — сигнал, основа для определения списка нашей партии на будущие выборы...

— Сегодня вы считаете ошибкой то, что в свое время включили Говорухина и Глазьева в избирательный список ДПР?

— Нет, не считаю. Просто жизнь меняется, меняются и взгляды людей, это естественно. На тот период у нас с ними были общие взгляды. Сегодня — изменились.

Я убеждаю, например, Глазьева, что нельзя не реагировать на жизнь. Нет, он твердит: «У меня принципы»... Гробит бюджет, голосовал «против», вопреки мнению фракции. Конечно, слово его сейчас весомо: он председатель думского Комитета по экономической политике, но... Вспомним, как он стал-то председателем? Его ведь не за личные заслуги выбрали, а просто — по... разнарядке, выпавшей на нашу фракцию. Он это забывает. Даже Зюганов, который на словах все время (вплоть до последнего голосования по бюджету) поддерживал Глазьева в стремлении завалить бюджет, а с ним и правительство, в конце концов проголосовал... «за!» Как и вся фракция коммунистов...

Конечно, мы не можем требовать партийной дисциплины от нечленов ДПР, но — чего же мы добьемся в Думе, если каждый член фракции будет голосовать как ему вздумается?..

Григорий КРОШИН

Цитатник

Михаил ПОЛТОРАНИН:

«Шахрай похож на кружку с пивом, которое только налили из-под крана. Пусть пена отбурлит, и мы посмотрим, сколько там на самом деле...»

(«Московский комсомолец», № 135, 1994)

Руслан ХАСБУЛАТОВ:

«... Подогревать человека должна мысль!»

(РТВ, «Подробности», 20.07.94)

Наталья БЕХТЕРЕВА,
академик:

«Кто сказал, что неандертальцы — переход от обезьяны к человеку? Это может быть тупиковая ветвь. Уж больно их мало...»

(«Аргументы и факты», № 29, 1994)

Егор СТРОЕВ, бывший секретарь ЦК КПСС, избранный губернатором Орловской области:

«Люди, которые после нас пришли к власти, — пламенные ораторы, просветители, но не профессионалы.»

(«Московские новости», № 29, 1994)

Александр ЗАВЕРЮХА, вице-премьер:

«Эффективная работа с землей — основа основ стабилизации аграрной экономики.»

(«Сегодня», № 136, 1994)



ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Гунтис УЛМАНИС, президент Латвии:

«... Мы — ваши соседи, и одно ваше резкое движение локтем может обернуться для нас тяжелой травмой.»

(«Аргументы и факты», № 29, 1994)

Гавриил ПОПОВ,
председатель РДР:

«... Рабочее движение осознало, что в его флирте с бюрократией только ему приходится приносить жертвы во имя «любви», что ему пора «...» перейти к жесткой торговле, а то и к войне с бюрократией...»

(«Московские новости», № 29, 1994)

«Капитализм превращается в каннибализм, если те, кто вступает в рынок, не придерживаются морали; демократия становится неуправляемой, если люди не знают границ свободы и не проявляют сдержанности. Слабость и крах Веймарской Германии поучительны в этом плане.»

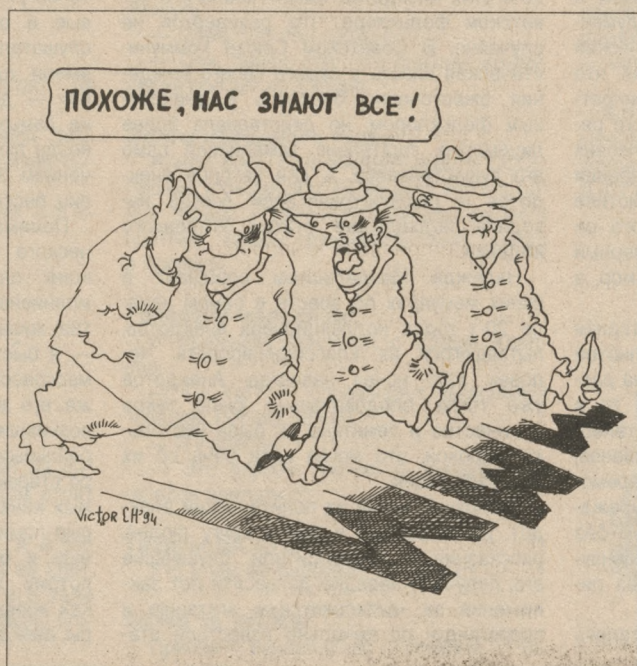
(«Вашингтон таймс», июль 1994)

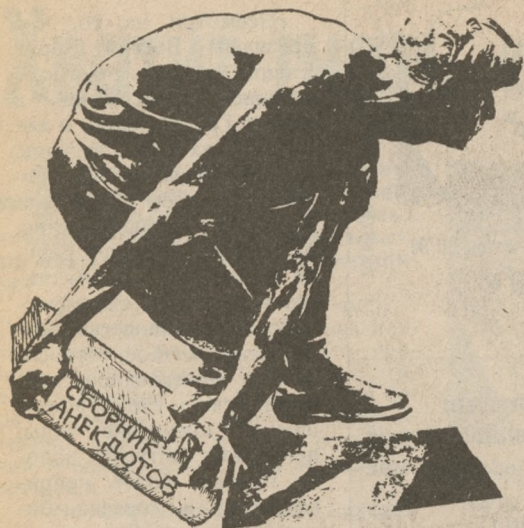
«Несмотря на то, что президент России Борис Ельцин принял участие в недавнем совещании в верхах Группы семи, в которую входят ведущие страны мира, он возглавляет в лучшем случае переходное правительство. Хотя пока еще идет борьба вокруг того, каким станет в конечном счете российское руководство, одно ясно: слабое, относительно прозападное правительство, существовавшее в последние годы, неизбежно уступит дорогу гораздо более неприглядному и гораздо более опасному кабинету.»

(«Джорнэл оф коммерс энд коммершл», июль 1994)

«Когда директор ФБР Луис Фри прибыл на отдаленную от Москвы дачу, первый заместитель министра внутренних дел России генерал Михаил Егоров встречал его стремительно кружащимися цыганскими танцами и танцовщицами, жареным молочным поросенком и множеством напитков. Егоров мягко вынудил Фри выпить стакан водки. После окончания веселья началась стрельба. Помощники директора ФБР, которые вряд ли были готовы к тому, что попадут в засаду, тревожно напряглись, а затем вновь расслабились. Два подвыпивших генерала российской милиции решили устроить импровизированный салют из двух стволов в честь почетного гостя. «Они открыли огонь в воздух для того, чтобы выразить уважение г-ну Фри, — сказал переводчик Егорова. — Конечно, американцы сначала были удивлены, но мы, русские, были ужасно счастливы.»

(«Ньюсуик», июль 1994
ИТАР—ТАСС)





Анекдот — летопись диктатуры

Дора ШТУРМАН
С. ТИКТИН

В старину анекдотами называли короткие, из уст в уста передаваемые, а часто и зафиксированные письменно, рассказы о происшествиях, имевших место в истории или ей приписанные. Еще в 1931 году известный русский писатель и политический деятель П.Б.Струве определял анекдот близко к такому его классическому толкованию. «Анекдот, — писал он, — это занимательный и забавный рассказ о каком-то действительно, не выдуманном происшествии, которое имеет, однако, помимо индивидуального и случайного содержания, типический и общий смысл».

Что из этого определения сохранил анекдот за собой в наши дни? Нередко он тоже бывает «забавным рассказом о каком-то действительно, не выдуманном происшествии». Но его «типический и общий смысл» настолько усилился, что гораздо чаще это не столько конкретный сюжет, сколько типизация целого ряда бытовых, исторических, политических и других сюжетов. С такой точки зрения советский анекдот бывает поистине страшен: для него нет ничего святого, он не знает запретных тем. А его «черный юмор» — подчас вообще уже не юмор, а какой-то зловещий «антисмех».

Ни в одном другом жанре тоталитарная эпоха не представлена с такой полнотой и так лаконично, как в анекдоте. Она рассматривается в нем одновременно то в лупу (мельчайшие частности), то в телескоп (широчайшие обобщения) и, главное, говорит на всех диалектах своего времени: в анекдоте непосредственно выражают себя все слои общества, причем без какой-либо позы, без страха, самоцензуры и цензуры, следовательно — без лицемерия.

Все тоталитарные режимы пытались

воевать с анекдотом, но неизменно терпели поражение в этой борьбе. Известно следующее, весьма откровенное высказывание Геббельса (одного, кстати, из основных персонажей немецкого антинацистского фольклора): «...Эти анекдотчики, неспособные справиться даже с обязанностями руководителя домашней партийной группы... делают ведущих деятелей нашей партии предметом своих дешевых шуток и издевок. Мы положим этому конец. Мы не допустим, чтобы наша партия, наше государство, наши установления высмеивались этими интеллектуальными ничтожествами. И мы защитим от них наши завоевания». Это было сказано в 1939 году.

До нас дошло около двухсот антинацистских анекдотов. По-видимому, это лишь небольшая часть германского подпольного юмора тех времен. Примерно 20% этих анекдотов имеют аналоги в советском фольклоре. Что, разумеется, не случайно. В Советском Союзе коммунистическая власть с самого своего рождения ожесточенно боролась с анекдотным фольклором, но действовала более лицемерно, тщательно замалчивая само его существование. А для авторов анекдотов и распространителей всегда находила подходящие статьи Уголовного кодекса.

Надежда Мандельштам сообщает в своих мемуарах об аресте в самом начале 20-х годов коллекционера анекдотов, пытавшегося их классифицировать. Человек этот исчез навсегда. Анекдотов уже тогда, следовательно, было такое количество и тематика их была настолько широкой, что могла идти речь об их классификации.

В эпоху Сталина за политический анекдот, рассказанный в узком кругу людей, рассказчик и недоносители, слушавшие его, получали нередко до десяти лет заключения за «антисоветскую агитацию и пропаганду» по печально известной ста-

тье 58-й. Но все-таки анекдоты рассказывали и в ту пору, даже в лагерях, хотя и не стали повсеместно, как в эпоху Хрущева.

По сообщениям из тогдашнего СССР, в конце 70-х — начале 80-х годов за распространение анекдотов давали до трех лет лагерей по ст. 190 УК РСФСР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»). Известно, что в это время ставился вопрос о специальном законе, карающем за распространение анекдотов, частушек и другого фольклора антисоветского содержания.

Заметьте: Геббельс говорил об «интеллектуальных ничтожествах». Но на анекдоте социально-политическом и историческом очень часто лежит печать высокого интеллектуализма неведомого сочинителя. И оценить его во всей полноте могут тоже только достаточно вдумчивые и осведомленные о происходящем слушатели. Политические анекдоты имели хождение (а до «большого террора» — даже предполагаемых авторов) и на самых высоких этажах власти. Люди везде люди. Перед смехом они, за исключением злобных вырожденков и полных тупиц, бессильны.

Помимо одоления цензуры у политического анекдота есть еще одна функция: он представляет собой «службу молниеносного реагирования» на события жизни. Сила его самоочевидна. Она — в быстроте отклика, в неуловимости и массовости распространения. Слабость же его в том, что слишком конкретные, возникшие по поводу частных событий с реальными персонажами анекдоты быстро стареют. Остаются навеки (даже из самых конкретных) лишь те анекдоты, которые помимо примет времени несут в себе еще и общечеловеческие параметры. А потому жизнь политического анекдота как жанра не обрывается отменой цензуры, анекдот вечен.

Краткий курс РСДРП—КПСС в народных легендах, сказаниях, песнях и стихах

кист-поэт Андропов заявил: «Сажать, сажать и сажать, не дожидаясь весны!»

Штурманы грядущей бури

Декабристы рано утром встали, умылись, оделись, позавтракали. И разбудили Герцена.

Рассказ ветерана первой русской революции

В 1905 году все так и было, как в книжках написано. В воскресенье 9 января жители Петербурга вышли на мирную демонстрацию. А им навстречу казаки, драгуны, жандармы... Офицер кричит: «Шашки наголо!»

Тут мы и порубили эту сволочь!

Кризис самодержавия

(Исполняется на мотив песенки «На тебе сошелся клином белый свет»).

Мой сосед объелся красною икрой.

Мой сосед объелся черною икрой.

Мой сосед объелся всякою икрой...

В это время правил

Николай Второй.

Хроника гражданской войны

После боя Чапаев и Петька на берегу Урала разулись, сняли сапоги и портянки.

— Василий Иванович, — говорит Петька. — А у тебя ноги грязнее моих будут.

— Конечно, Петька. Я же старше.

Ленинский план ГОЭЛРО*

Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей колючей проволоки.

Политическое завещание вождя

Когда Ленин умирал,

Сталину наказывал:

«Хлеб по карточкам давай,

Мясо не показывай!»

Великий перелом

Два старых большевика стоят на Дворцовой площади.

— А помнишь, Федя, как брали Зимний? — вспоминает один. — Горячее было время!..

— Да, — уныло отвечает другой. — Погорячились!

Кулаки наглеют

Как у наших у ворот,

У моей калитки

Коммунист повесился

На суровой нитке.

О партийной дисциплине

В пыточной камере НКВД висит на дыбе очередной «враг народа». Рядом стоит Берия, увещевает:

— Вот ты висишь и молчишь. А в это время в Кремле товарищ Сталин не спит, думает обо всем человечестве, и о тебе в том числе. А ты висишь и молчишь, эгоист ты этаким!

Восстановление социалистической законности

Надпись на могиле: «Спи спокойно, дорогой товарищ. Факты не подтвердились».

Торжество ленинских норм партийной жизни

Берия, Берия — вышел из доверия.

А товарищ Маленков надавал ему пинков.

Расцвет сельского хозяйства

Хрущев сказал: «Пусть те, кто рассказывают про меня анекдоты, запомнят, что я могу сажать не только кукурузу!»

Народ и партия едины

Косыгин, придя к власти, собрал совещание в Кремле: что делать с государственным аппаратом управления — сократить или увеличить? Мнения были самые разные.

— Давайте спросим у народа! — предложил Косыгин. — Как народ скажет, так и поступим. Вон у нас швейцар дядя Вася — из народа. У него и спросим. Дядя Вася!.. Эй!..

Швейцар проснулся.

— Как ты думаешь, — спрашивает Косыгин, — аппарат надо уменьшить или увеличить?

— Аппарат можно и уменьшить, — со знанием дела растолковал дядя Вася. — Но тогда змеевик надо сделать побольше!

Братская помощь

1968 год, по ночной Праге идут советские танки. Чешский ребенок не может заснуть:

— Мама, что там грохочет?

— Спи, сынок, спи. Это призрак коммунизма бродит по Европе.

Волна народного гнева

Конец 60-х. Солженицын еще в СССР. Письмо в редакцию: «Я не могу жить в одной стране с литературным власовцем и поэтому прошу разрешить мне выезд в Англию».

Развитой марксизм*

К Брежневу прилетел с крыши Карлсон.

— Ты кто? — спрашивает уважаемый товарищ Леонид Ильич.

— Я Карлсон.

— Это хорошо, чм-чм! А товарищ Энгельсон прилетит?

Тезисы ЦК КПСС

Кто у нас не работает, тот не ест.

Битва за урожай

Приняв руководство страной, че-

Канун перестройки

На хрена, скажи мне, Боря,

Если так живет народ,

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперед?..

Народ одобряет

Передайте Горбачеву,

Передайте лично,

Что от «Розовой воды»

Х.. стоит отлично!

Сиянье атомных электростанций*

— Можно ли кушать яблоки из Чернобыля?

— Можно. Но огрызки надо закапывать поглубже.

Демократизация и гласность*

Вопрос в анкете для вернувшихся из-за границы: «А зачем вернулся?».

Дети Страны Советов*

Идет по Москве король, а навстречу ему мальчик.

— Король, а короли! — говорит мальчик. — А народ-то голый!

Светлое будущее

Лектор из ЦК рассказывает на заводе о коммунизме. Закончил лекцию: «Вопросы есть?» Встает человек:

— Скажите, товарищ лектор! А деньги при коммунизме будут?

— Нет, — отвечает лектор. — Денег, товарищи, при коммунизме не будет.

— Ну-у!.. Опять, значит, денег не будет?..

«Краткий курс РСДРП—КПСС» составил, подверг хронологической периодизации и снабдил заголовками — научный коммунист В.ГРИБАНОВ.

Вступительная статья и анекдоты, помеченные звездочкой, взяты из подготовленной к изданию в Израиле книги Д.ШТУРМАН и С.ТИКТИНА.





Рабочие московской текстильной фабрики товарищества «Эмиль Циндель». 1900-е годы

РИА-НОВОСТИ

«В сердцах кипит, бушует месть, в глазах неистовая злоба...»

В России были не только еврейские погромы,
но и немецкие

Михаил ЗАЙЦЕВ

В конце мая 1915 года Москва напоминала фронтной город. И не враг бомбил древнюю столицу — сами москвичи уничтожили добрую часть родного города в патриотическом угаре.

События отразили копившуюся ненависть. Столкнулись два менталитета, две позиции, два образа жизни: холодный немецкий и разгульный русский. Сказалась и негативная роль прессы, особенно патриотической, которая, по сути, разжигала национальную рознь.

Через полгода после начала войны стали открыто говорить о предательстве русских немцев. Участились аресты за шпионаж. В октябре 1914 г. и в апреле 1915 г. в Москве случились первые немецкие погромы — уличная толпа разгромила несколько магазинов, но быстро рассеялась.

В Москве, где влияние немцев было велико, их глубоко ненавидели, особенно купцы, мелкие и средние промышленники, видевшие в немцах сильных конкурентов, смыкаясь по этой позиции с русской интеллигенцией. Перед первой мировой войной

немцам (или предпринимателям с немецкой фамилией) принадлежали все химические заводы России, около 90% электротехнической промышленности, более половины металлургических и металлообрабатывающих заводов, почти половина текстильной промышленности. Засилье немцев было не только в промышленности, но и в торговле. Большинство выборных Московского биржевого общества носили немецкие фамилии. Из шести старшин Биржевого комитета — два немца.

Майские погромы 1915 года в Москве начались с пустячных, казалось бы, инцидентов. Рабочие ситценабивной фабрики Гюбнера потребовали увольнения всех немцев и остановили работу. Следует сказать, что российское правительство уже давно приняло решение о высылке немцев из страны, и к 20 мая было выслано только из Москвы более 2000 человек, начиная с владельцев крупных предприятий и директоров компаний, кончая простыми чертежниками и рабочими. Газеты ежедневно пестрили списками десятков и сотен фамилий высланных немцев. Пикантность си-

туации в том, что на фабрике Гюбнера остались только эльзасцы, которые пользовались покровительством французского правительства и высылке не подлежали. Но рабочих не убедили разъяснения, и они, подняв над толпой национальные флаги и портрет Николая II, двинулись к Прохоровской мануфактуре. На последней тоже было брожение из-за заболеваний холерой, в которой обвинили, естественно, немцев. Полиция подоспела вовремя и, запретив врата Прохоровской фабрики, разъединила рабочих. Митинговавшие с наступлением темноты разошлись по домам.

Другой инцидент произошел в центре города. В генерал-губернаторском доме, на Тверской, размещался комитет вел. кн. Елизаветы Федоровны, известный своими благими деяниями. Часто здесь давали работу неимущим женщинам. Но 26 мая заведовавшая раздачей заказов Ю.Н.Можарова объявила, что из-за отсутствия материала работы нет. Женщины заволновались, кто-то заплакал, некоторые побойчее стали обзывать Можарову «немецкой мордой», досталось и великой княгине. Можарова ответила грубостью, и толпа в несколько сот человек попыталась ворваться в губернаторский дом. Вызванная полиция успокоила женщин и направила их с жалобой к главноначальствующему Москвы генерал-адъютанту князю Ф.Ф.Юсупову, графу Сумарокову-Эльстону. Тот принял прошение и обещал разобратся.

О случившемся доложили градоначальнику А.А.Адрианову. Но тот лишь заметил, что разгонять толпу не следует. На следующий день манифестации повторились. Гюбнеровские рабочие с царскими портретами и флагами двинулись в Замоскворечье. Один из фабрикантов — Н.И.Прохоров — дозволил до градоначальника и попросил остановить толпу. Генерал Адрианов ответил, что манифестация носит мирный характер и он разгонять ее не станет.

События тем временем приняли угрожающий характер. Гюбнеровцы и присоединившиеся к ним рабочие Рябовской фабрики решили идти к градоначальнику, чтобы заявить о своих требованиях. Полицейстер генерал Миткевич-Жолток попытался рассеять толпу. Но градоначальник заявил, что примет депутацию рабочих, и отдал приказ полиции не вмешиваться.

Толпа же направилась к мануфактуре Цинделя, на Дербеневку. Здесь и произошла первая стычка. Управляющий, московский мещанин Карлсен, после переговоров согла-

сился допустить на фабрику депутатов, чтобы те могли проверить присутствие на фабрике немцев. Но самые нетерпеливые полезли через забор. Карлсен сгоряча ударил одного из них, и толпа, открыв ворота и сбив с ног полицейского пристава, погналась за управляющим. Ворвавшись в контору, изломал и уничтожив все, что попало под руку, разъяренные рабочие избили Карлсена и затем вытащили окровавленного управляющего во двор, чтобы показать народу.

Именно в этот момент на фабрике появился градоначальник, который повел себя несколько странно. Он, не вмешиваясь в происходящие события, приказал полицейскому офицеру произвести дознание и уехал.

После отъезда градоначальника рабочие, невзирая на присутствие полиции, потащили Карлсена к реке и бросили в воду. Собравшаяся на берегу толпа с криками «Бей немца!», «Добивай его!» бросала в него камни. Двое городских попытались спасти управляющего — спустили лодку без весел и втащили в нее Карлсена. Но толпа забросала камнями и лодку. Раненый вместе с лодкой пошел ко дну; городским едва удалось спастись. Дочь Карлсена, сестра милосердия, прибежала на берег, упала на колени и умоляла пощадить отца. Полицейстеру Миткевичу едва удалось вырвать девушку из рук озверевшей толпы.

Следующей была небольшая фабрика Р.Шрадера, разгромленная в один миг. Толпа ворвалась в квартиру директора фабрики Германа Янсена, уже выселенного из Москвы, и в соседнюю квартиру русской подданной, потомственной дворянки Бетти Энгельс. У нее пряталась семья Янсена — жена, его сестра и теща. Сестру Янсена, голландскую подданную, и Б.Энгельс, два сына прапорщика которой сражались в русской армии, утопили в водоотводном канале; двух женщин избили так сильно, что одна умерла на месте преступления, а 70-летняя теща Янсена скончалась в больнице.

Градоначальник Адрианов, ворвавшись в присутствие, распорядился удалить с предприятий всех немцев, а полицейские участки на фабричных окраинах усилить нарядами полиции.

С семи часов утра следующего дня у многих фабрик начали собираться массы рабочих. Вскоре они двинулись к центру города, попутно громя немецкие фабрики и квартиры. После полудня Красная площадь заполнилась народом и начался погром расположенных в Верхних торговых рядах (ныне ГУМ) магазинов Цинде-



Немецкая колония XIX в.

ИТАР-ТАСС

ля и Эйнема. К собравшимся стекались подкрепления, с Красной площади толпы с флагами и царскими портретами растекались по соседним улицам. Часа в три начался сплошной погром магазинов, причем не только немецких. К шести часам вечера погромы охватили центр города и окраины.

Вначале погром носил идейный характер. Манifestанты, подойдя к магазину, требовали показать им документы, которые удостоверяли бы подданство или национальность хозяина магазина. Дело доходило до смешного: одна из групп несла не только портрет русского монарха, но и изображение Вильгельма. Заподозренным предлагалось плюнуть на этот портрет, и если хозяин магазина выполнял требование, то его оставляли в покое. Отказавшихся почему-то не оказалось, и манифестанты вернулись с совершенно заплеванным портретом кайзера, но без добычи.

Так было, пока к демонстрантам не присоединились профессиональные громилы с Хитрова рынка и из Охотного ряда, пока не добрались до винных погребов. К шести вечера крушили всех подряд. Погром сопровождался грабежами. Награбленные вещи увозили на извозчиках или продавали тут же. Позже много награбленного добра нашли не только в Москве, но и в Рязани, Туле, Владимире.

Погром сопровождался пожарами и вселенской пьянкой. Первым пострадал большой винный магазин Вильборна на Ильинке, за ним последовали еще несколько винных погребов. Бочки и бутылки разбивали, содержимое выпивалось. На Сухаревской площади образовалось целое море вина — около него ползали на четвереньках пьяные бабы и лакали с мостовой.

Полиция абсолютно бездейство-

вала. Более того, генерал Адрианов даже возглавил манифестацию, и его шествие во главе погромщиков вселяло уверенность — разрешение идет сверху.

Всю ночь буйствовали погромщики, и лишь наутро с Ходынки, из летних лагерей, прибыли войска, которые применили оружие.

Погромы перекинулись было в губернию, но граф Муравьев твердой рукой пресек их в самом зародыше. За три дня погромов были зверски убиты несколько человек. Все торговые улицы Москвы — Тверская, Кузнецкий мост, Петровка, Мясницкая — разгромлены. Разбито 732 магазина, склады и т.п. Убытков насчитали более чем на 50 миллионов рублей. Пострадали 113 германских и австрийских подданных, 489 россиян с нерусскими фамилиями и 90 человек с чисто русскими фамилиями. Полицейский пристав Диевский, переживший декабрь 1905 года, говорил, что ни тогда, да и никогда в жизни не видел такого ожесточения, такой разъяренной толпы. «Это были точно сумасшедшие какие-то, ничего не слышавшие и не понимавшие».

Но не все поддержали погромщиков, например, рабочие машиностроительного завода Кертинг на Петербургском шоссе (впоследствии чугунолитейный завод им. Войкова) не поддались на провокации люмпенов и продолжали работать. Правда, после погрома рабочие обратились с заявлением, в котором просили, «чтобы германское имущество... было секвестировано и обеспечено на пользу всего русского народа, а не разрушено и уничтожено».

Погром оказался неожиданностью не только для московской полиции. В Петербурге о нем узнали лишь из газет. Московские власти не удосужились сообщить в столицу о происходивших событиях. Генерал Адрианов отговорился занятостью, а князь Юсупов, не подчиняясь формально МВД, просто не пожелал этого сделать. И вечером 28 мая генерал-майор В.Ф.Джунковский, бывший когда-то московским губернатором, выехал в Москву. Лишь благодаря его энергии погромы были остановлены. В июне была назначена сенатская ревизия. Министр внутренних дел и главноначальствующий Москвы князь Юсупов оказались в недосягаемости, а против градоначальника Адрианова начали следствие, и он подал в отставку. Расследование было направлено лишь на установление причин, вызвавших погромы, и не касалось возмещения убытков, поэтому многие фирмы оказались полностью разоренными и закрылись.

Длинная волна: накроет Россию или вознесет ее?

Человечество всегда привлекала возможность предугадать пути, по которым оно будет развиваться. Еще не утихли страсти по Нострадамусу — появился афганский математик, вычисляющий на школьной доске страшные даты будущих катаклизмов; пророчества Ванги, прогнозы Павла Глобы... Где здесь вымысел, а где правда? Существуют ли законы, которым подвластно развитие общества?

В 1994 году «Столица» дважды публиковала материалы, авторы которых представили свои научные прогнозы развития общества — «Поверим алгеброй историю» (№ 5) и «История как частный случай физики» (№ 10). Сегодня нам представился случай посмотреть на эту проблему с точки зрения экономики. Комментарий к вышеупомянутым материалам и свой прогноз предлагает директор центра исследования и развития «Эрнст и Янг Внешконсульт» Георгий МИКЕРИН.

Следует быть очень осторожным, выражая свое отношение к двухстраничным публицистическим выступлениям. Первое из них было опубликовано под рубрикой «Прогноз», а второе — под рубрикой «Гипотеза», обе рубрики дают возможность сослаться на презумпцию истинности: кто не согласен — пусть докажет, что это не верно. Лично я воспринимаю обе публикации, прежде всего, как исключительно серьезные предостережения. Особенно нас должна озаботить возможность гигантской пертурбации, которая может потрясти Россию всего лишь через несколько лет.

Историк Евгений Никифоров предсказывает: в 1999 году «либо с этим обществом произойдет мутация, т.е. изменение генотипа, либо оно вообще погибнет». Физики Олег Доброчеев и Юрий Батурич (помощник президента по национальной безопасности) пишут, что дата «1999 год» также присутствует в их расчетах (и с тем же мрачным предсказанием).

Я же могу подтвердить предостережение историка и физиков, исходя из своих профессиональных занятий — анализа научно-технического и социально-экономического развития. Еще короче это можно было бы назвать анализом цикличности долгосрочных инвестиций (движения капитала). Так же как и Евгений Никифоров, я уже двадцать лет занимаюсь изучением циклов: инвестиционных, научно-технических, социальных и политических. Самое краткое представление о результатах теоретического и эмпирического изучения этих циклов можно получить из двух публикуемых таблиц.

Конечно, совпадение исторических событий может проявиться только в чем-то существенном, а в деталях

каждое из них погружено в свою собственную конкретику. И все же: возможно ли прогнозировать события общенационального и общечеловеческого масштаба?

В России всегда был велик интерес к предсказанию событий, к построению рядов таких «событийных» дат. Пушкин и Велимир Хлебников, А.Л.Чижевский, Л.Н.Гумилев... Единственное русское имя, ставшее нарицательным в мировой экономической науке и бывшее под запретом на родине вплоть до конца 80-х годов, — имя Н.Д.Кондратьева, от которого получили название долгосрочные периодические пульсации мировой экономики: кондратьевские большие циклы конъюнктуры, или «длинные волны».

Основой для установления долгосрочной периодизации Кондратьеву и всем последующим исследователям служила, прежде всего, экономическая статистика: в первую очередь — движение капитала («основных капитальных благ») и изменения связанных с этим показателей. Потом появились статистические ряды, характеризующие инновационно-технологические процессы (движение «интеллектуального капитала»), изменение социально-психологических и социально-политических факторов, что привело теоретиков к неким «интеграционно-парадигмальным» построениям.

Все послекондратьевские работы по долгосрочной исторической периодизации в основном базируются на американской статистике — прежде всего экономической. Даже самые современные исследования российских ученых проведены также на американских данных. Но вот к каким выводам невольно приходишь, анализируя периодизацию, о которой идет речь. Во-первых, американская

история не просто обладает хорошей «статистичностью» — ее «статистичность» чрезвычайно чувствительна к общемировым, глобальным изменениям. Во-вторых, обнаруживается, что история России, особенно в моменты, значимые для всего человечества, обладает исключительно сильной и очевидной «событийностью». И самое главное — российская «событийность» уж очень удачно совпадает с периодизацией, получаемой для всей двухсотлетней промышленной эпохи на основе американской «статистичности».

В предлагаемой читателям периодизации нет ничего, что усложнило бы понимание и требовало специальных знаний. А вот являются ли исторические совпадения случайными или нет — это уже вопрос если не веры, то, во всяком случае, доверия. Здесь нет и не может быть абсолютных доказательств, подобно тому, как и для доказательства существования или несуществования Бога.

Заслуживает доверия долгосрочная периодизация, которую предложил один из величайших экономистов XX века Йозеф Шумпетер (в «совковой» литературе его одаривали сомнительным комплиментом: «буржуазный Маркс»). Позже многие пытались подкорректировать его периодизацию, но это были лишь попытки подогнать историю под свои причинно-следственные гипотезы.

Продление временного ряда Кондратьева—Шумпетера до настоящего момента, с учетом вполне заслуживающих доверия данных, полученных российскими исследователями, позволяет получить еще две точки: 1952/53 и 1980/81 гг. Последняя, десятая точка — прогнозируется.

Итак, рассмотрим таблицу 1.

Периоды и фазы промышленной эпохи
(по Н.Д.Кондратьеву — 1925 г., Й.Шумпетеру — 1939 г., С.М.Меньшикову и Л.А.Клименко — 1989 г., в скобках — дополнения автора)

| Кондратьевские "длинные волны" | Подъемы | | Спады | | |
|--------------------------------|--------------------------------|----------------------------------|---|-----------------------------|--------------------|
| | нижняя точка | фазовый переход | верхняя точка | фазовый переход | нижняя точка |
| фазы ну-мерация | оживление (анимация) | насыщение (сатурация) | застой (стагнация) | преобразование (реформация) | |
| Первая | 1785/87 - (1800) - ЕкII; ПI | 1813/14 - (1827) - AI(1) | 1842/43 - (1855) - AI(2) | 1869/70 - (1882) - AI(2) | 1896/98 - HI(1) |
| Вторая | 1842/43 - (1855) - HI(2) | 1869/70 - (1882) - AII(1) | 1896/98 - (1911) - AII(2) | 1924/25 - (1938) - AIII | 1952/53 - AIII |
| Третья | 1896/98 - (1911) - HII(1) | 1924/25 - (1938) - HII(2)/Лен | 1952/53 - (1966) - Ст(1) | 1980/81 - (1994) - Ст(2) | 2008/09 - Ст(2) |
| Четвертая | 1952/53 - (1966) - Хрущ | 1980/81 - (1994) - Бреж | 1980/81 - (1994) - Андр; Чер; Горб; Ел | (2008/09) | |

Продолжительность всех четырех долгосрочных (капитальных) периодов — около 56 лет; отдельных полупериодов экономического спада и подъема (они совпадают с демографическими циклами) — около 28 лет; отдельных фаз, для которых введены названия, несколько отличные от принятых при анализе периодических изменений, — около 14 лет.

14-летняя (среднесрочная) периодизация может быть представлена как последовательность четырех фаз продолжительностью 3,5 года. Такое деление на фазы аналогично общепринятому анализу «коротких деловых циклов» или краткосрочной периодизации, которую мы сейчас затронуем не будем.

Таким образом, все мировое развитие представляется наложением друг на друга пульсаций различной (но постоянной для каждой пульсации) периодичности.

Попробуем «пощупать» на тех же временных рядах «событийность», к которой, возможно, особенно чувствительна Россия.

Простейшая последовательность — правители России. Обнаружено, что периоды их правления (выделяя для некоторых из них первый и второй этап) весьма точно совпадают с капитальной периодизацией. Случайны ли эти совпадения? Скорее всего, случайны, но чем черт не шутит, когда выдумывает свои истории.

При анализе наложения фаз среднесрочных на фазы долгосрочных периодов возникают некоторые ассоциации: «средние» преобразования в «долгих» застоях — их всего четыре за два века (через каждые 56

лет), и каждый раз — событие, связанное с конституцией и кровью. И эти события нельзя считать простой случайностью — каждый раз они продуманно готовились.

1825 год — подготовленный декабристами конституционный проект встретил активное неприятие и кровавую расправу;

1881 год — подготовленное убийство Александра II именно в тот день, когда он должен был наконец обнародовать манифест, прак-

тически содержащий российскую конституцию;

1936—1937 годы — принятие «сталинской» конституции, подготовленной людьми, которые (вместе с тысячами других) были преднамеренно уничтожены;

1993 год — долго готовившаяся новая российская конституция, состоявшаяся после кровавых октябрьских событий.

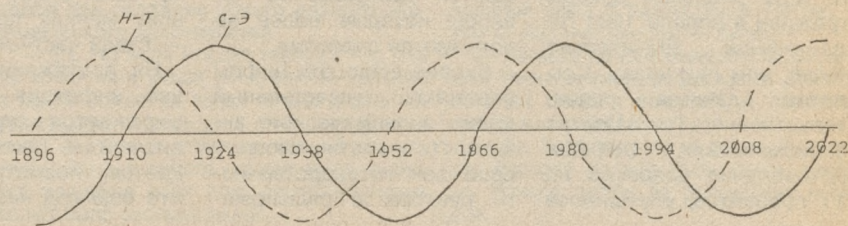
Следуя принятой периодизации, до 2008—2009 годов продлится долгосрочный период промышленной эпохи, после чего, возможно, начнется новая эпоха — ее уже окрестили «информационной». Но пока будет продолжаться «понижительная» тенденция в развитии мировой экономики с коренным «преобразованием» (в соответствующей фазе долгосрочного периода) базовых технологических принципов и организационно-экономических структур.

Исходя из этой периодизации, в ближайшие три-четыре года следует ожидать «оживления» (в соответствующей фазе среднесрочного периода) мировой, в том числе и российской экономики. К 1997 году наступит «насыщение», а если предшествующее «оживление» окажется слишком бурным, то «пресыщение» и последствия его могут оказаться чрезвычайно разрушительными.

С 1997 года до начала третьего тысячелетия могут произойти катастрофические для всего мира события, равные по значению мировой войне

Долгосрочные и среднесрочные периоды и их фазы (XX столетие)

| С-Э изменения | долгосрочных периодов | | | | фазы среднесрочных периодов |
|--------------------|-----------------------|------------------|-------------|-------------|-----------------------------|
| | III длинная волна | IV длинная волна | | | |
| ОДНО-НАПРАВЛЕННЫЕ | 1896/98 | 1924/25 | 1952/53 | 1980/81 | оживление |
| | 1901 | 1929 | 1956 | 1984 | насыщение |
| РАЗНО-НАПРАВЛЕННЫЕ | 1905 | 1932 | 1959 | 1987 | застой |
| | 1908 | 1935 | 1963 | 1991 | преобразование |
| ОДНО-НАПРАВЛЕННЫЕ | 1911 | 1938 | 1966 | 1994 | оживление |
| | 1914 | 1941 | 1968/69 | ок. 1997 | насыщение |
| РАЗНО-НАПРАВЛЕННЫЕ | I м.в. 1917 | II м.в. 1945 | хол.в. 1973 | ? ? ? | застой |
| | 1921 | 1948 | 1977 | ок. 2005 | преобразование |
| | 1924/25 | 1952/53 | 1980/81 | ок. 2008/09 | |



или иному сравнимому с ней потрясению для всего человечества. Следуя историческому опыту, можно ожидать серьезно и загодя подготовленных акций, которые коснутся, возможно, глобальных информационных сетей — из-за инерционного неприятия наступающей информационной эпохи.

При построении таблицы 2 дополнительно учтено только известное из ряда исследований явление опережения научно-технических изменений по отношению к изменениям социально-экономическим примерно на один 14-летний период, т.е. одну фазу долгосрочного периода. Это явление проиллюстрировано также волнообразными кривыми. Добавление сделано уже после того, как была прорисована сама историческая картина таблицы 2 (без крайнего левого столбца), и может служить еще одним аргументом при рассуждениях о том, случайны ли все эти совпадения. Исходя из этого, 1994 год можно считать началом следующего периода научно-технических изменений, или вхождением человечества в информационную эпоху.

А главным «случайным совпадением» является то, что именно в фазах «насыщения» среднесрочных периодов в XX веке происходили мировые экономические кризисы, мировые войны и крупные политические изменения (революции и «перестройки»). Все эти события распадутся на две четкие группы: военные и невоенные. Периоды военных событий попадают в зоны разнонаправленного научно-технического и со-

циально-экономического развития, а периоды невоенных событий — в зоны однонаправленности.

Таким образом, «насыщение», переходящее в «перенасыщение» или в «пресыщение», всегда чревато крупными мировыми событиями. А Россия оказывается как бы лакмусовой бумажкой в этом процессе. Подобные периоды потрясений позволяют предположить, что общечеловеческий разум, не имея другой возможности выразить себя, каждый раз весьма жестоким способом выбирает направление дальнейшего движения, тем самым сохраняя себя и развиваясь.

Ну а после заканчивающегося «застойного преобразования» именно на 1994 год приходится начало фазы «оживления» (в среднесрочном периоде), т.е. период «преобразовательного оживления». И если хоть чуть-чуть верить, что не так уж случайны все совпадения, то мы должны готовиться к наступлению того самого периода в двойной рамочке и с тремя вопросами, что означает общечеловеческое военное событие, возможно — мировую войну. Может, это не так уж противоестественно и вполне соответствует объективному развитию: появление Жириновского и его поддержка российским электоратом. Еще год назад сама возможность подобного развития событий никем всерьез не воспринималась.

Очень хотелось бы, чтобы все высказанные предположения стали так называемым «саморазрушающимся прогнозом». Но как россий-

ский рынок сам по себе не построится, так и этот прогноз может быть опровергнут только конкретными действиями. Все негативные проявления человеческого разума могут быть нейтрализованы одним способом — самим человеческим разумом, осознавшим эти проявления.

А как соотносятся «случайные совпадения» дат с важнейшими вехами развития человечества? От ветхозаветного Сотворения Мира нас отделяет 5754 года, и получается, что текущий 56-летний период в точности совпадает с 103-м на этой шкале. А если считать от Вознесения Сына Человеческого (по Новому Завету), получится ровно 35 долгосрочных периодов. Соответственно, оба этих грандиозных периода (от текущего 1994 года) кратны 14 годам, но имеют 14-летний сдвиг (на одну фазу долгосрочного периода), т.е. периоду «бытийности» предшествует соответствующий период «духовности».

И опять: не случайны ли все эти совпадения? Проверить невозможно, можно лишь поверить или не поверить. Трагическая же судьба исследователя, желающего узнать, что там, по ту сторону знания, заключается в том, чтобы все подвергать сомнению и никогда ни в чем не быть до конца уверенным. Только булгаковский Воланд мог так уверенно предсказать: «Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!»

Россия на подъеме

По сообщению «Голоса Америки», отражающему позицию правительства США, «Россия продолжает экономические реформы, хотя успехи часто остаются незамеченными на фоне сообщений о все новых и новых проблемах». Несмотря на 25-процентный спад промышленного производства в первом квартале этого года, реальные доходы граждан в апреле 1994 года были значительно выше, чем год назад. Согласно данным правительства Центра экономических реформ, потребление возросло на 11 процентов, улучшилось

качество питания, вырос спрос на автомобили и мебель. Как отмечал главный экономист Всемирного банка Чарлз Блитцер, «неверно утверждать, что экономика и уровень жизни в России находятся в свободном падении. Спад производства отнюдь не всегда означает снижение доходов; просто прекращается производство товаров, которые более не пользуются спросом».

Скорее всего, эти цифры отражают существенный сдвиг экономической активности из отживающего свой век государственно-

го сектора. По данным Анатолия Чубайса, «приватизировано более 20 тысяч крупных и средних государственных предприятий», на долю которых приходится более 40 процентов валового внутреннего продукта страны. Акционерами приватизированных компаний стали 40 миллионов человек. Кроме того, примерно 100 тысяч магазинов и предприятий сферы обслуживания — то есть более половины всех мелких предприятий — стали частными.

На протяжении 5 месяцев инфляция в России выражается однозначной цифрой — около 8 процентов, несмотря на то, что еще год назад многие

предрекали гиперинфляцию. Резко возрос и объем сбережений. Что касается трудовых отношений, то отмечается явный спад забастовочного движения: число забастовок в этом году в 10 раз меньше прошлогоднего уровня.

Однако впереди еще много работы. Необходимо развивать рынки капитала, совершенствовать юридическую инфраструктуру. Наблюдаются признаки того, что Россия начинает пожирать плоды своих подлинно исторических реформ, ведущих к свободному обществу, основанному на свободе рынка.

Подготовлено по материалам ЮСИА

Демократы не должны быть империалистами

Григорий Алексеевич, в связи с избранием украинского и белорусского президентов изменится ли ситуация в экономике трех соседних государств?

— Сегодня нет каких-то серьезных оснований полагать, что результаты президентских выборов в Белоруссии и на Украине сказались на экономических связях этих республик и России. Пока еще программы обоих президентов остаются неясными. Ситуация в Москве в этом отношении тоже ни о чем определенном не говорит. То есть абсолютный императив, который сейчас существует относительно расширения границ российского рынка, создания единого экономического пространства Украины, Белоруссии и России, пока еще не сформулирован в каких-либо четких заявлениях лидеров этих государств.

Позиция же, которую заняла Россия по отношению к Белоруссии полгода назад в связи с объединением денежных систем, была откровенно имперской.

— В чем же, на ваш взгляд, эта «имперскость»?

— Ну, смотрите... Вначале ведь наши радикал-реформаторы возражали против объединения двух денежных систем. Потом — они согласились, но... только при условии, что Центральный банк Белоруссии становится филиалом российского. А на самом деле речь должна была идти не о подчинении белорусского банка российскому, а о заключении банковского союза между Россией и Белоруссией, в котором формально эти два государства имели бы равные представительства. Реально же Россия, учитывая ее несопоставимо больший экономический потенциал, будет иметь гораздо больше голосов при принятии решений. Таким образом, с точки зрения демократической процедуры это два совершенно несопоставимых подхода. Было очень странно видеть, когда люди, которые всегда больше всех ратовали за суверенитет и прочее в таком духе, когда речь коснулась конкретных вопросов, проявили чисто имперский подход.

— Но, согласитесь, банк в условиях объединения валют должен быть один?

— Так при банковском союзе, о котором я говорю, система и будет работать как единый банк! Мы действительно не можем себе позволить ситуацию 1992 года, когда у нас было десять—двенадцать банков, печатающих рубли. И конфликтующих то и дело между собой.... Это и было одной из причин, почему тогда не получилось у нас никакой финансовой стабилизации.

— Вы, Григорий Алексеевич, сторонник интеграции экономики бывших союзных республик. Кто в сегодняшней России поддерживает эту идею?

— На мой взгляд, сегодня большинство народонаселения не имеет пока своего



Лидер партии «Яблоко»

Григорий ЯВЛИНСКИЙ:

«...Детские разговоры о том, что «Россию грабят», будут абсолютно несостоятельны в условиях свободных цен и открытого рынка.»

четкого мнения на этот счет... Все еще существуют, например, наивные представления о «разделенном экономическом пространстве», что с экономической точки зрения просто абсурдно.

Дело вот в чем. Если мы не хотим печатать много лишних денег, чего все очень боятся (и правильно делают), то должны понимать, что заменой этому печатанию могут быть только рынки сбыта. Представьте себе, к примеру, Волгоградский тракторный завод: если вы завтра откроете для него рынки сбыта на Украине, в Казахстане, в Узбекистане, везде, то потребность его в кредитных ресурсах упадет на... три четверти! Просто потому, что он тогда может продавать свою сегодняшнюю продукцию. Это принципиально важно для нашей экономики. То есть открытие рынков — путь к снижению, подавлению инфляции. Это первое.

Второе. Все эти детские разговоры о том, что «Россию грабят», будут абсолютно несостоятельны в условиях свободных цен. Если цены станут свободными, то... кто же кого будет «грабить»? Рынок сам все установит: по какой цене покупают, по такой и покупают... Не покупают — значит, будет другая цена. И все!

— Теперь у всех свои валюты, что, согласитесь, является осложняющим фактором при создании нового единого экономического пространства.

— Да. Но если Россия говорит, что она не хочет ни с какой республикой быть ни в каком союзе, то тогда только очень неуважающие себя люди в этих республиках могут сказать в ответ на это: «А мы хотим!»... Хотя с самого начала было видно, что введение всех этих республиканских валют было бессмыслицей...

— И что же, вступая теперь в «рублевую

зону» через банковский союз, государство должно распрощаться со своей валютой?

— Отнюдь! Я абсолютно не возражаю, чтоб у них оставались свои собственные валюты. Это их игра: если им так хочется, чтобы у них была валюта, на которой нарисован, скажем, их любимый президент, на обороте — его жена, на более мелких купюрах — его дети, внуки, невестки... — ради Бога! Если население будет этим деньгам доверять — на здоровье! Только при условии, чтобы они, эти национальные деньги, не наносили общей валюте вреда, вот и все. Более того, если они все-таки как-то умудряются ввести у себя сильную валюту, то просто в один прекрасный день будет проведена денежная реформа, в результате которой общие эсэновские деньги останутся лишь для безналичных расчетов, а в расчетах наличными там будет использоваться их местная валюта.

— Так в чем же дело? В отсутствии политического решения?

— Я открою вам один маленький «секрет»: политическая концепция уже есть! Вернее, была. Она уже была согласована и подписана десятью президентами, десятью лидерами государств. Ее подписал президент Ельцин, ее подписал председатель парламента Белоруссии Шушкевич, всего было десять республик «За». Они подписали торжественно 18 октября 1991 года в Кремле «Договор об экономическом сообществе». Но потом, в Беловежье, все это разломали...

— Так будет ли союз бывших советских республик?

— Нет, я лично против политического союза, например, с Белоруссией и Украиной. Против — сегодня по крайней мере. И думаю, что буду всегда против военного союза с этими государствами.

— А вы считаете, что эффективный экономический союз славянских республик возможен без политического союза между ними?

— Я считаю, что политические наши взаимоотношения — такие, какие они сейчас, — это нормально. Должны быть независимые государства, связанные лишь экономическим союзом.

— Но ведь этот экономический союз упрется рано или поздно в политику...

— Вот когда упрется, тогда и поговорим. Военные союзы на западных рубежах страны нас не интересуют.

— А на южных?

— Это — другое. Там нам потребуется военный союз с Казахстаном. Потому что там — Афганистан, там — Китай.

— То есть на юге бывшего СССР, с вашей точки зрения, возможен и даже желателен союз и военный, и политический, и экономический?

— Да. Хотя тоже не со всеми. И сделано это Россией должно быть очень аккуратно. Исходя сугубо из российских интересов...

Григорий КРОШИН

Нам не жить друг без друга?

14 июля в гостинице «Рэдиссон-Славянская» состоялась презентация доклада «Проблемы реинтеграции и формирование экономического союза стран СНГ», подготовленного Международным фондом «Реформа» и Отделением экономики РАН.

Проблема реинтеграции с каждым годом после распада Союза становится все острее и острее. Хотя бесконечные дебаты на эту тему не приблизили ее к решению и существует масса нюансов на политико-экономическом уровне, которые сдерживают порыв «воссоединения», давно уже стало ясно, что реинтеграция неминуема, хотим мы этого или не хотим. Операция по разделению «сиамских близнецов» — СССР дала тяжелейшие осложнения, поскольку, хоть у них и было, как положено, несколько голов и глаза разного цвета, но кровеносная система, как оказалось, была одна на всех.

По словам первого вице-президента фонда «Реформа», директора Института внешнеэкономических исследований РАН академика С.А.СИТАРЯНА, если в 1990—1991 годах во внешнеэкономическом обороте России 60 процентов приходилось на долю стран СНГ, а остальные 40 — на «дальнее зарубежье», то, согласно последним данным, цифры по странам СНГ снизились с 60 до 20 процентов. «Внешнеторговый оборот России со странами дальнего и ближнего зарубежья в январе—июне этого года составил 75,7 триллиона рублей (из которых 15,9 трилли-

на пришлось на страны СНГ), в том числе экспорт — 46,1, импорт — 29,6.

Это связано с разной скоростью и направленностью экономических реформ в бывших республиках Союза, распадом единой денежной системы, отсутствием налаженной системы платежных отношений, нескоординированным процессом структурной перестройки. «Наша позиция по экономическому союзу состоит в том, — сказал г-н Ситарян, — что этот процесс должен идти поэтапно, без какого-либо силового нажима, но с четко выраженными ориентирами и интересами».

Как заметил директор Института международных экономических и политических исследований РАН академик О.Т.БОГОМОЛОВ, «сегодня мы сталкиваемся с двумя тенденциями в развитии государств на постсоветском пространстве. С одной стороны — стремление укрепить национальную государственность, воспользоваться всеми плодами суверенитета и национального самосуществования, создать самостоятельное хозяйство. С другой — вся система международных отношений подталкивает отдельные государства к тому, чтобы укреплять между собой интеграционные связи». Как

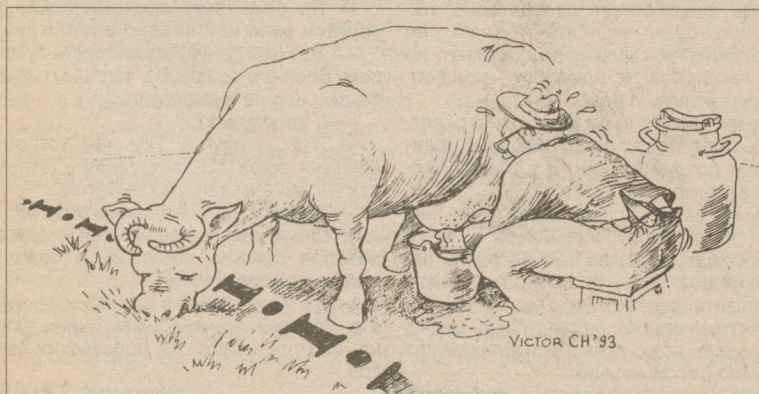
правило, эти стремления превратно толкуются на Западе, и часто попытки восстановления хозяйственных связей воспринимаются как проявление неоимперской политики России, хотя инициатором этого, как правило, выступает не Россия.

Реинтеграция и создание единого экономического союза — работа тонкая и филигранная. Страны Балтии, например, считают, что прежде необходимо урегулировать многие политические вопросы и только потом налаживать экономические связи. Нескоординированность действий важных государственных ведомств, таких, как МИД, Министерство финансов, Минэкономики и др., отсутствие расчетных механизмов, платежной системы — все это обуславливает трудности восстановления связей. В определенной мере избрание президентом Лукашенко в Белоруссии и Кучмы на Украине может облегчить процесс достижения договоренностей в области экономики. Но торопить реинтеграцию — опасно.

На встрече был задан вопрос: зачем принимать решения, если нет механизма их реализации? «Лучше принимать решения, чем вообще ничего не делать. Это хоть какое-то движение, — ответил г-н Ситарян. — Давайте будем придерживаться логики: «В начале было слово». Но, кажется, независимо от наличия механизма реализации этот процесс уже необратим, он движется сам по себе, и, быть может, в одно прекрасное утро мы просто вновь проснемся в едином экономическом пространстве, так и не заметив никаких видимых изменений».

Трудно сегодня сказать, кому более выгодно восстановление разорванных хозяйственно-экономических связей — России или бывшим республикам нерушимого Союза. Но одно можно сказать точно: рыба-мутант, пересаженная из грязной, вонючей лужи в чистую воду, немедленно погибает. Так и для всех республик бывшего СССР излишняя экономическая самостоятельность стала жестоким тестом на выживаемость, выдержали который не все. Хорошо это или плохо — не знаю, но одно благо это принесло — разжались смертельные клещи, которые мы называли «братскими объятьями советских народов», народы эти посмотрели наконец друг другу в лицо, и теперь все дальнейшее их поведение будет зависеть только от добровольного желания.

Хотя, может, это рок, и нам действительно не жить друг без друга.



ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Светлана КАРТАШОВА

Купоны и «зайчики» дешевеют

А доллар вечно зеленеет...

Дефицит госбюджета в Латвии давно достиг полутора десятков миллионов латов и к концу июля—94, по прогнозам, должен был перевалить за 20 миллионов. Заводы повсеместно стоят. Настал расцвет огородничества — народ пытается прокормиться дедовскими методами. Покупательная способность латвийского населения, как, впрочем, в каждой из республик бывшего СССР, падает. Торговцы разоряются пачками. Громадные налоги плюс неналаженная система их сборов привели повсюду к результату, прямо противоположному, чем ожидалось. По сравнению с первым полугодием 93-го упало даже количество собранного налога с оборота, и это несмотря на полуторное повышение его ставки. Неважно в Латвии и с акцизными платежами, которых в казне за полгода собралось едва ли треть от запланированного на год. Наибольшая напряженка с акцизами на бензин и дизельное топливо, а также на табачные изделия. На начало июля—94 рижские «короли» бензоколонок, например, сдали в казну лишь 5 процентов планируемого налога. Правда, с сигаретами ситуация должна улучшиться в самое ближайшее время: на каждую пачку наклеют марку — и плати за нее акцизный сбор. Большие налоги введены на игровой бизнес — значит, жди тотального сокрытия доходов и в этой сфере.

Покрывая недостатки, государство вынуждено залезать в кабалу к коммерческим банкам, аукционы долговых обязательств чуть ли не в каждой бывшей советской республике проводятся с завидным постоянством. Приобретают весомость и разговоры о долгосрочных (3- и 12-месячных) облигациях, которые смогут приобретать мелкие частные вкладчики. В общем, все как у людей: сначала берутся кредиты в западных банках, затем в местных, а следом идет привлечение частных вкладов. Дальше отступать уже некуда: «акции» (приватизированные сертификаты) раздаются за так. Конечно, на подходе у многих солидные суммы от стран «Общего рынка». В конце июля, в частности, в Латвии ожидалось распределение около 100 миллионов долларов от МВФ. Но на этот раз может и не пройти

такой номер, как погашение межгосударственных долгов за энергоносители.

А вот в Белоруссии на финансовых делах республики явно отразились выборные баталии. Бывший премьер Кебич, скажем, клялся повысить курс белорусского рубля, раздобыв для этого в Австрии кредит в размере 100 миллионов долларов. Под шумок пытался укрепить свои позиции глава Нацбанка Белоруссии, предлагавший снизить все цены в 10 раз. Рецепт прост — 10-кратная деноминация бумажных «зайчиков». Пустая затея, конечно, но народу идея нравилась. Ведь с прошлогоднего июня инфляция в республике превысила 3200 процентов, а минимальная пенсия успела снизиться до 3,59 доллара по официальному курсу.

То ли дело Россия, которая по заботе о пенсионерах — явный лидер среди стран СНГ. Еще бы — минимальная пенсия была в июле почти 19 долларов! Впрочем, стоило упомянуть, что, по оценкам европейских экспертов, Москва заняла 3-е место среди самых дорогих городов мира — после Токио и Осаки. Однако сама по себе инфляция в России потихоньку начинает подчиняться совместным усилиям правительства Черномырдина и Центробанка под руководством Геращенко. По крайней мере, им так кажется. А вот о контроле над валютным

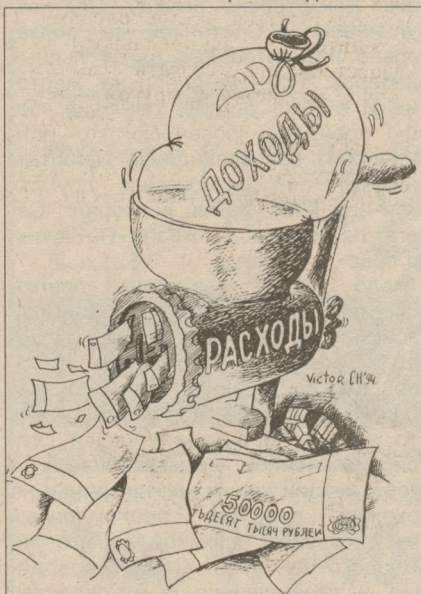
курсом можно рассуждать без оговорок. Дневной оборот ММВБ упал, а Центробанк, ко всему прочему, приступил к активной скупке валюты и на внебиржевом рынке. (Кстати, золотовалютные резервы ЦБР на начало июня—94 составляли 5,6 млрд долларов.) Но если финансовые «киты» более-менее послушны Центробанку, то мелкая валютно-обменная сошка всячески пытается обойти всевозможные запреты. Все ведь настолько регламентировано, что спустя пару месяцев россиянин может подстеречь даже лимитированная продажа наличной валюты. Тысяча с лишним московских «менялен» живет в постоянном страхе отлучения от лицензий, а то и просто суда: различные «рейды», проверки и комиссии трясут их чуть ли не ежедневно. Не говоря уж о вооруженных налетах грабителей, но это, впрочем, иная тема.

Тем временем у осторожных узбеков свои заботы: они принимают превентивные меры в предвкушении наплыва фальшивых российских купюр, связанного с денежной реформой в республике и сопутствующей ей непреходящей паникой в народе.

Небезынтересна ситуация и на Украине, где на удивление многим курс карбованца стабилизировался на уровне 44—46 тысяч за доллар. Как всегда, «виновата» нехватка местной валюты. Это у них прямо как запой. То в декабре—январе Нацбанк прикрыл эмиссию, но потом все-таки одумался, то Кравчук издал указ об особом добровольно-принудительном кредитовании посевных-уборочных работ, и поскольку, по мнению экспертов, для полного выполнения этого указа у комбанков кишка все-таки слабовата, новая денежная эмиссия неизбежна.

А на Молдавской межбанковской валютной бирже доллар по отношению к лею заметно пошел вниз, и, судя по всему, скоро уйдет в прошлое практика обязательной продажи 35 процентов валютной выручки Национальному банку. Возможно, к началу августа курс доллара снизится аж до уровня 3,5 лея за один бакс. Крепчает лей, что и говорит.

Максим ВОЛОДИН



ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Руки вверх, дурак!

Моего приятеля стукнули по голове.
И не только его...

Ефим БЕРШИН

Приятель вообще-то мужик здоровый — отставной офицер, тренированный. А став журналистом, прошел все «горячие точки» бывшего СССР. И — ничего. Ни разу не царапнуло. А тут, в десяти шагах от собственного дома — и на тебе. После одиннадцати возвращался темной улицей домой, и сзади его какой-то дубиной оглушили. Потом, потерявшего уже сознание, били ногами по лицу, вышибли зубы, ну и грабанули, конечно. Семь тысяч рублей и диктофон. В диктофоне как раз пленка была с материалами с таджикско-афганской границы. Да черт с ней, с пленкой. Слава Богу, жив остался. Врачи несколько месяцев отхаживали.

А тут еще один. Зашел в гости, попивал в моем редакционном кабинете чаек, «за жизнь» трепался. Простился, а минут через тридцать вползает назад: весь в крови, одежда разодрана. В чем дело? Оказывается, пошел к метро не по улице, а подворотней, решил спрямить путь, время сэкономить. Подошли трое и с ходу — в челюсть. Завалили, попинали ногами, отняли шапку, куртку. Денег не было. И это средь бела дня, в центре Москвы.

С одного знакомого скрипача на днях кроссовки сняли. Прямо с ног. Ему уже за шестьдесят, а подскочили к нему двое вьюношей со взором горящим — на двоих меньше сорока будет. У рядовых скрипачей ныне в кармане, как вы понимаете, в лучшем случае, сигареты и ключи от квартиры, где деньги не лежат. Ну и сняли кроссовки. Так босиком и дошлепал до дому.

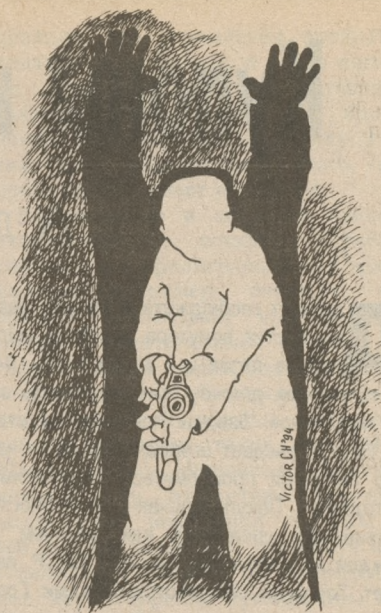
Что-то близко снаряды падать стали, подумал я себе. Люди все не то чтобы даже знакомые — близкие. Причем с материальной точки зрения — сплошная рвань. Ну, банкиров шлепают — понятно за что. За крупные деньги. За влияние. За власть. Ну, рядовых носителей частнособственнической идеи, твердо или даже робко вставших на путь капиталистического предпринимательства. Тоже как-то еще понять можно. Пусть делаются. Стремле-

ние к равенству и справедливости у нас ведь в крови. Но тут, кроме чести и достоинства, — дым от дешевой сигареты. Их-то что трогать, господа налетчики? Раньше, бывало, в Одессе в районе Молдаванки или припортового сквера, а также в Киеве на Подоле, если «гопстопники» на такого нищего нарывались, ему же еще и двадцать копеек давали — на мороженое. Меня вот тоже как-то в парке, в Сыктывкаре, лет пятнадцать тому назад окружили. Давай, говорят, деньги. А какие деньги у начинающего поэта со стихами, не вкладывающимися в общепринятые нормы? Хотите, говорю, стихи прочту? Посмотрели как на полоумного и сунули в карман железный рубль. Выпей, говорят, потом проспись.

В последнее время «добрые» налетчики перевелись. Потому что в налеты пошли те, кому, видать, неведом кодекс не только уголовный, но и воровской.

Так вот. Шлепаю я недавно по Садовому кольцу от Театра кукол к Сухаревке. Время близится к двенадцати ночи. Троллейбуса в этот час уже не дожждаться. Такси, сами понимаете, не про нас. Хоть бы в метро успеть. Надо сказать, Садовое кольцо в этом районе и в это время очень интересно. Я не про пейзаж. На отрезке между Цветным бульваром и Сретенкой вы обязательно наткнетесь на пяток пьяных разборок. Причем довольно жестоких. И я тоже увидел, как один «боец», пройдясь «розочкой» (то есть бутылкой со специально отбитым днищем) по физиономии другого, стоя над ним, упрямо повторял: «Сергея, ты не прав по жизни. По жизни не прав».

Надо сказать, выражение прелюбопытнейшее. Я как-то, занятый своими нетленными делами, прозевал момент его зарождения. И теперь иногда гадаю, откуда оно явилось. И все больше склоняюсь к тому, что это — порождение нашей особой, изначальной демократизации и глобализации наших же, ни на чьи не похожих проблем, преломленных неустоявшейся психикой нашего же молодого человека. Когда руководящие и стремящиеся к руководству



ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

кадры все время вещают от имени народа, спорят до посинения, полагая, что именно каждому из них в отдельности известна абсолютная истина, то у неруководящих кадров тоже появилась необходимость пинать друг друга от чьего-то имени. Слово «жизнь» оказалось для этого дела очень даже подходящим, всеобъемлющим. Оно даже глобальней, чем слово «народ». Да и представьте себе, что юный убивец, стоя над поверженным собутыльником, провозглашает: «Сергея, ты не прав. Так считает народ!» Абсурд. Чувшь. Не приживется. Исходя из этого, я полагаю, что у уличных забулдыг языковой вкус получше будет. Но это я так, к слову. Да и вообще лучше бы не рассуждал, а смотрел по сторонам.

Но поздно. Когда я поднял голову у кинотеатра «Форум», передо мной уже стояли двое. Один — длинный и с виду нескладный. Второй — покороче, крепкий в руке пистолет. Судя по очертаниям — «ПМ». Хотя в темноте мог и ошибиться. Бежать — поздно. Кричать — не в моих правилах. Да и кто услышит? Драться с тремя вооруженными — невозможно. Тем более что я, как можно догадаться, — хлипкий интеллигент. По внешнему и задумчивому виду они меня, скорее всего, и вычислили.

— Пошли, — коротко сказал крепкий.

— Не могу. В метро опаздываю, — наивно ответил я.

В этот момент я почувствовал, как в бок уткнулось что-то твердое. Оглянувшись, увидел сзади третьего, сжимающего в руке пистолет. Судя по очертаниям — «ПМ». Хотя в темноте мог и ошибиться. Бежать — поздно. Кричать — не в моих правилах. Да и кто услышит? Драться с тремя вооруженными — невозможно. Тем более что я, как можно догадаться, — хлипкий интеллигент. По внешнему и задумчивому виду они меня, скорее всего, и вычислили.

— Руки вверх, дурак! — сказал третий, ухмыляясь. То есть так и сказал: дурак.

Завели за кинотеатр, окружили, стали, конечно, требовать денег. Было у меня рублей пятьсот, на которые я мечтал купить каких-нибудь сигарет у метро. Но делать нечего, надо отдавать. Однако, видимо, от волнения, я полез в карман слишком поспешно, чем вызвал странную реакцию грабителей: они моментально отпрянули.

— Руку! — кричат. — Вынь руку из кармана!

— Но, позвольте, как же я вам дам денег, если не полезу в карман? — спросил я, постепенно соображая, что они испугались предполагаемого оружия, которое я мог вытащить из кармана. Хотя, чтобы противостоять их пистолету, я должен был достать из кармана как минимум крупнокалиберный пулемет. Короче, вытащил я руку без пулемета и без денег. Облегченно вздохнув, стали они меня обыскивать. Нашли те самые пятьсот рублей, зажигалку и две оставшиеся сигареты. А в сумке — кучу рукописей и писательское удостоверение, что их очень возбудило. Поверить в то, что у меня нет денег, они категорически не могли, сопровождавая свое недоверие упорной фразой: «Все писатели богатые».

Всем глупые. Вся страна давно перестроилась, а они все еще живут старыми представлениями. Как мог, я пытался объяснить, сколько стоит ныне поэтическая строка. И, выслушав меня внимательно, тот, что с пистолетом, объявил:

— А сейчас мы тебя шлепнем, что бы в милицию не донес.

Господин Солженицын во время одного из своих выступлений на пути из Сибири в Москву заявил, что в России опять должны появиться сословия. Чтобы кучковаться на партийном, а сословным, так сказать, путем. Нет, я не задаюсь вопросом, все ли запишутся в дворяне или кто-то все-таки останется на конюшне. Но я, лежа на своем продавленном диване, торжественно объявляю: сословия в России уже появились. Во дни небывалой дележки собственности проявились как минимум три сословно-уголовных вида.

К первому относятся люди, которые пьют коньяк и принципиально не пьют портвейна. Они благодаря силе, должностям и прочей «крутизне» ближе всех расположены к собственности и крупным деньгам. Можно смело сказать, что такой на улице с ножиком не пойдет. Пошлет другого. Да и то не на улицу, а в чей-нибудь офис. Этот вид, можно сказать, уже сформировался полностью, и он нам,

прохожим, почти не опасен.

Второй вид представляет собой полную противоположность первому. Он слаб физически и морально, а от употребления плохого портвейна почти полностью деградировал. У него нет сил даже для того, чтобы выйти в подворотню с кистенем. Не говоря уже о том, чтобы жить на зарплату или пенсию. Он даже вовсе не уголовный — просто сословный, сословненький. Однако, хочешь не хочешь, а приобретать чего-нибудь надо. Причем желательно нетрадиционным путем. Хотя этот путь, выведший тысячи людей на улицы и в переходы метро, чтобы просить милостыню, трудно назвать в России нетрадиционным.

И, наконец, третий вид — самый загадочный, динамичный и непредсказуемый. Это те, кто пьет что ни попадя и промышляет мелким грабеджом.

Почему непредсказуемый? Раньше, как мы помним, грабители были в основном учтенные. О них знали соседи, знали дружинники, знали участковые. Теперь ни дружинников, ни участковых нет. Конечно, и мне инспектор доставлял некоторые неудобства, пытаюсь обвинить в тунеядстве за то, что я упорно не желал устроиться токарем на близлежащий завод, чтобы за станком дожидаться выхода первых книжек. Но он же меня и охранял. Хотя, думаю, никакой участковый сегодня бы уже не помог. Потому что дело даже не в том, что появилась масса грабителей, а в том, что появились неиссякаемые источники для их прироста.

Судите сами. Рабочие тридцати тысяч предприятий России не получают сегодня зарплату по несколько месяцев. Попробуйте угадать, кто из них, надвинув на глаза фуражку, вый-

дет завтра в ночь на промысел? То есть потенциальных налетчиков выявить сегодня практически невозможно. А, судя по обилию юных лиц на темных аллеях, в налеты идут иные студенты и старше школьники. И даже первоклассники, отнимающие конфеты у своих соседей из детского сада, можно сказать, готовятся туда же. Потому что уголовное сознание постепенно пронизывает все общество.

Конечно, путем невыплаты зарплат мы снизили инфляцию до пяти процентов в месяц. И я радуюсь этому факту вместе с Клинтонем. Но ведь на Клинтон не выходят из-за угла с пистолетом! Поэтому студентам можно не повышать стипендию — пойдут и украдут сколько надо. И школьники, говорят, теперь на уроках физкультуры лучше занимаются, качают мышцы, готовят себя к будущему поприщу.

Но самое странное то, что господа налетчики — удивительно глупы. Они никак не сообразят, что люди четвертого сословия, которые и являются объектом их внимания, неспроста месяц грязь пешком в ночное время. Это те люди, которые с трудом наскребают на метро. И будь я налетчиком, непременно оставил бы их в покое.

А может, я и не прав. По жизни.

Радостно могу сообщить взволнованному читателю, что меня все-таки не «шлепнули». То ли просто пожалели, то ли еще элементарно «шлепать» не насобачились. Отпустили с миром, даже не накоптив, пообещав только, что, если «заложу ментам», из-под земли вырывают. Хотя пятьсот рублей все-таки забрали. Не погнушались. И на том спасибо.



ПРОИЗВОДСТВЕННО-
КОММЕРЧЕСКАЯ
ФИРМА **КГК**

только у нас вы можете сразу купить

дешево

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
Делегатская, 7, м. "Цветной бульвар" (за театром кукол)

Тел. 973-90-57, 973-90-56.

Перекуем алкоголиков на преступников

Недавно в России освобождены более 30 000 человек из тюрем для алкоголиков, которые являлись неотъемлемым звеном в железной цепи советского правопорядка с 60-х годов, рассказывает своим читателям «Нью-Йорк таймс».

В отличие от некоторых программ в Соединенных Штатах и Западной Европе, где для освобожденных психобольных предусматривается возможность дальнейшего лечения, здесь нет никаких, даже малейших надежд на последующие меры.

Многие освобожденные заключенные говорят, что их первое ощущение свободы будет отмечено водкой.

«Конечно, я это отмечу, — ребята очень рады, что система развалилась и с этим ГУЛАГом покончено, — сказал один заключенный, вышедший из ворот тюрьмы, весело размахивая потрепанной сумкой.

Это необычное массовое освобождение вызвано не состраданием или заботой о гражданских правах. Правительство заявило, что нуждается в койках в связи с неизбежным наплывом осужденных, преступников, которые, по словам сотрудников правоохранительных органов, скоро будут ими задержаны в соответствии с новым указом о борьбе с преступностью.

Но даже некоторые правительственные чиновники расценили это решение как абсурдное. «С одной стороны, мы делаем это для борьбы с преступностью, — указывает Анатолий Шевченко, эксперт-нарколог в Министерстве здравоохранения. — С другой — мы готовим почву для того, чтобы люди превратились в будущих преступников».

Тюрьмы, известные как лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), являлись трудовыми лагерями, созданными для того, чтобы принудительно лечить больных алкоголизмом. Они были известны, главным образом, как источник рабочей силы и поверхностного лечения. Пьяницы, иногда по приказу милиции, а иногда по просьбе родственников, отправлялись в тюрьмы на срок от 2 месяцев до двух лет.



С МИРУ ПО НИТКЕ

Трепещи, чиновник!

Канадские министры, похоже, начали соревноваться — кто больше уволит служащих вверенных им ведомств в целях экономии средств. Так они откликаются на призыв внести свою лепту в сокращение дефицита федерального бюджета.

«Великий почин» положило на днях министерство национальной обороны, которому, конечно, проще играть роль аскета-волонтера, поскольку его штата с лихвой хватило бы на 4—5 иных министерств. Предполагается сократить 8,4 тыс. человек гражданского персонала, но на добровольной основе. К тому же увольняемым предлагают солидную денежную компенсацию. Если все намеченные к сокращению соблаговолит согласиться, это обойдется казне в 220 млн долларов, но все же бюджетную экономию принесет.

С размахом за решение

Не надо мелочиться...

При оплате долгов мелочиться не следует. В этом пришлось убедиться южноафриканцу Бернару Кунене, когда служащие суда в Кругерсдорфе наотрез отказались принять в счет погашения штрафа килограмма полтора звонкой монеты.

Ему посоветовали обратиться в банк и обменять свой увесистый пакет на несколько купюр. Однако там запросили за услуги 7 рандов сверху, а их-то у безработного Кунене и не было. Круг замкнулся, и пришлось ему предстать на следующий день перед правосудием в качестве злостного неплательщика с перспективой провести несколько месяцев в тюрьме.

Однако судья проявил к

поставленной перед ним задачи взялось и министерство транспорта, объявив, что намерено ликвидировать 14 359 рабочих мест за счет сокращения персонала железнодорожного транспорта, береговой охраны и авионавигационной службы. Не поздоровится и чиновникам в аппарате министерства — в кабинетах станет просторнее примерно на 2,3 тыс. человек.

Вообще для чиновничьей Оттавы наступают черные дни. Хуже всего придется «белым воротничкам» третьестепенных по важности ведомств и учреждений — 15 из них, преимущественно консультативного профиля, подлежат полному упразднению. В общей сложности «теплых» мест в столице лишатся около 300 тысяч высокопоставленных чиновников. В перспективе же, если дать волю Марселю Массе, министру по межправительственным делам и по вопросам обновления государственной службы, чиновничья Оттава вообще может чуть ли не обезлюдеть: представитель министра заявил, что у его босса «на мушке» еще 350 управлений, агентств, советов и палат с общим штатом 2 тыс. номенклатурных, то есть назначаемых кабинетом министров, сотрудников.

Не секрет, что в средствах российский бюджет нуждается ну никак не меньше канадского. Может, перенять опыт борьбы за его пополнение?

обвиняемому снисхождение и вместо камеры отправил его в сопровождении полицейских обратно в банк. «Эс-корт» произвел на кассиров должное впечатление, и назойливого клиента на этот раз обслужили быстро и бесплатно. Конфликтная ситуация тем самым разрешилась, но где Кунене собрал свое «сокровище», так и осталось в тайне.

Остается добавить, что штраф в 150 рандов (около 45 долларов США) был выписан за перегоревший габаритный фонарь на выдавшей виды машине. При подобных расценках в России ГАИ наверняка смогла бы за пару дней решить все свои финансовые проблемы. Но вот если наши водители станут расплачиваться мелочью, то штрафы, пожалуй, потянут уже килограммов на 100.





Самое грязное в мире...

Наводняемое загрязняющими веществами, попадающими сюда с суши, из водоемов и с воздуха, страдающее от гражданской войны, которая идет на его берегах, запруженное туристами и оказавшееся в самом центре одного из самых крупных процессов политических и экономических трансформаций в мире, Черное море, самое загрязненное в мире, умирает мучительной смертью.

Всего лишь за 30 лет это море, знаменитое со времен Овидия и Геродота своими жестокими штормами и еще более жестокими обитателями, превратилось из продуктивнейшей в мире акватории в сточную яму для половины Европы — место сброса огромных количеств фосфора, неорганического азота, нефти, ртути и ДДТ, производимых 160 миллионами людей, живущих в бассейне Черного моря.

Из 26 видов рыб, которых вылавливали в Черном море рыбаки в 60-е годы, осталось только пять. Менее чем за десять лет общий улов

скумбрии сократился примерно с 700 тыс. тонн в год до 100 тыс. тонн.

Более 1 миллиона дельфинов резвилось в Черном море 30 лет назад. Сейчас их популяция сократилась примерно до 200 тысяч. Многие из них заражены свиной чумой — по всей вероятности, она передалась им от отходов крупных свиноферм в дельте Дуная. Местный вид тюленей исчез. В 1993 году некий болгарский предприниматель, занимающийся строительством отелей, взорвал последний грот, служивший для тюленей прибежищем.

Устрицы и мидии, которых назы-

вают «почками моря», потому что они фильтруют воду, также исчезают. «Легкие моря» — густые заросли полезных видов водорослей и морской травы, занимавшие когда-то площадь размером 4200 кв. миль вдоль северо-западного шельфа, — сократились до одной десятой своего прежнего размера.

Начиная с 1970-х годов вспышки холеры стали обычным явлением, потому что практически отсутствуют установки по обработке сточных вод. Пляжи регулярно закрываются из-за дурно пахнущих загрязнений и периодического распространения вредоносных поверхностных микроскопических водорослей и другого фитопланктона, душасящего все живое. В 1991 году в период бурного распространения этих водорослей погибло, по оценкам ученых, 50 процентов донных рыб. вдоль побережья Румынии.

В конце прошлого года в весьма неблагоприятных условиях началась реализация поддержанного ООН и Всемирным банком плана, объединяющего различные проекты по спасению Черного моря. Базирующаяся в Стамбуле и руководимая английским гидробиологом Лоренсом Ми Программа регулирования и защиты окружающей среды Черного моря располагает рассчитанным на три года бюджетом всего лишь в 25 млн долларов. Эти деньги предназначены для координации исследований и для того, чтобы наметить неотложные меры по очистке моря.

В этом году Украина стала последней из шести приморских стран, одобрившей международную конвенцию о защите Черного моря от загрязнения. Эти страны — Грузия, Россия, Украина, Румыния, Болгария и Турция — недавно приступили к переговорам о заключении второй конвенции, которая должна установить квоты для лова рыбы.

Проблемы велики. Экономическая разруха и политический хаос в бывших советских республиках — в России, в опустошенной войной Грузии и в нетвердо стоящей на ногах Украине, а также в Болгарии и Румынии не служат хорошей основой для очистки моря, на которую понадеялись миллиардные суммы.

Несмотря на то, что теоретически все страны признали необходимым предварительно оценивать воздействие крупных проектов на окружающую среду, на практике происходит совсем по-иному. В феврале недалеко от Одессы без какой-либо оценки началось строительство нового нефтяного терминала.

«Технически — это незаконно, но у нас здесь больше нет никаких за-



Мидии—природный фильтр морской воды

конов, — сказал Валерий Михайлов, директор Украинского научного центра экологии моря в Одессе, который должен был бы представить подобный доклад. — Если этот терминал откроется, то он уничтожит все те пляжи, какие у нас еще остались».

Крах экономики стран, примыкающих к Черному морю, обескровил исследования его проблем. 27 из 40 судов, составлявших некогда солидный советский научно-исследовательский флот в Черном море, были пришвартованы в Стамбуле. Их новая миссия — доставка «бизнесменов с дипломатами» из России и других бывших советских республик в Турцию, где они закупают дешевый текстиль, одеяла и консервы для перепродажи дома.

Но еще до того, как человек начал сбрасывать отходы в Черное море, и сама природа отнюдь не была добра к нему.

Сформированное около 8000 лет назад перемещающимися тектоническими плитами, это огромное озеро размером 160 тысяч кв. миль неожиданно соединилось с мировыми океанами Босфором — узким проливом длиной 19 миль, ведущим в Средиземное море. Эта особенность — ее можно сравнить с олимпийским бассейном, дренаж которого осуществляется через замочную скважину, — создала огромные проблемы для Черного моря.

Отсутствие хорошего дренажного механизма практически создало два

моря: это верхний слой — один из самых продуктивных в мире, и нижний — огромный мертвый водный резервуар. На глубине ниже 450 футов Черное море не содержит кислорода, и там не может быть жизни. Только в слоях, расположенных выше, обитают рыбы и другая морская живность.

Перемешивания этих двух слоев не происходит по той же причине, по какой не смешиваются масло и вода: нижняя часть настолько соленая и плотная, что, по оценкам ученых, для какой-нибудь молекулы потребовалось бы 100 лет, чтобы переместиться со дна моря к поверхности.

На глубинах менее 450 футов и особенно вдоль северо-западного побережья Черное море когда-то было богато жизнью. Его самая северная часть — Азовское море считалось вторым по продуктивности источником рыбы в мире на каждый квадратный акр вслед за Чесапикским заливом. Продуктивность каждого акра Черного моря в пять раз превышала соответствующую продуктивность его большого соседа — Средиземного моря.

Огромные «луга» красных водорослей на дне шельфа давали большие количества агара, который используется и как основание для выращивания культур бактерий, и для изготовления естественных красителей, и как сырье для фармацевтической промышленности. Заливы и лиманы обеспечивали богатую добычу мидий и устриц. Они изобило-

вали креветками, крабами, осетрами, бычками, западноевропейской сельдью и лобанами. В общей сложности более 2 млн человек жили за счет рыболовства на Черном море.

«Мы были помешаны на рыбе», — вспоминает Николай Продайвода, рыбак из рыболовецкого колхоза в 20 милях к северу от Одессы, где лозунг «Наша цель — коммунизм» все еще украшает стену полуразвалившегося сарая для лодок.

Бригада Продайводы обычно вылавливала 20 тонн рыбы ежедневно. Сейчас они рады улову в 700 фунтов. Рыбаки стали металлургами, разнорабочими, ушли в строительную промышленность. Когда Продайвода вытаскивает сети, они часто оказываются покрытыми сверху нефтяной пленкой. От сетей идет дурной запах тухлых яиц из-за сероводорода, другого продукта умирающего моря. Порой в воде бывает так много кислот, что его руки покрываются нарывами и с них слезает кожа.

Более 300 рек выливают в морские воды смертоносный «бульон», содержащий фосфор, нитраты и нефть, отходы с заводов, городов и ферм. В Варне местные шутники рекомендуют потенциальным самоубийцам не бояться захлебнуться, поскольку яды, присутствующие в воде, убьют их до этого.

Самыми вредоносными из этих рек являются Дунай, Днестр и Днепр.

За прошедшее десятилетие количество отходов, поступающих по Дунаю, возросло по меньшей мере в 10 раз. Эта водная артерия, проходящая по территории Германии, Австрии, Словакии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Румынии и Болгарии, протяженностью 1776 миль сейчас сбрасывает в Черное море ежегодно около 60 000 тонн фосфора, 340 000 тонн азота, 1000 тонн хрома, 900 тонн меди, 60 тонн ртути, 4500 тонн свинца и огромное количество нефти — 50 000 тонн. Эту реку, вдохновившую Иоганна Штрауса на создание вальса «На прекрасном голубом Дунае», композитор вряд ли бы узнал. Ее цвет сейчас — нечто среднее между светло-зеленым и черным. Когда Дунай ярко освещает солнце, огромные пятна нефти плещутся радужными разводами на его волнах.

Подобно человеку, море — живое существо. Вырежьте ему легкие, отбейте почки, и оно умрет. Загрязнение Черного моря влечет за собой те же последствия.

ИТАР—ТАСС по материалам «Вашингтон пост»

Бактерии: коварство и любовь

Ученые бьют в колокола. Называвшиеся ранее чудодейственными антибиотики один за другим выходят в тираж.

Микробы оказались куда более опасными и хитрыми существами, чем считали медики, уповавшие на магическое вещество, которое когда-то открыл доктор Флеминг. Но могли ли мы предполагать, что один за другим антибиотики станут переходить на вражескую территорию, объединяясь с микробами в борьбе против человека? И не окажется ли бактерия самым страшным врагом человечества, когда даже СПИД будет побежден?

Почти девять месяцев доктор Синтия Гиберт боролась за жизнь своего шестидесятилетнего пациента с диагнозом — заболевание почек. В ход был пущен огромный диапазон антибиотиков. От хорошо испытанных и никогда не подводивших до самых новых. Однако при повторных анализах в крови снова и снова обнаруживались энтерококки — бактерии, медленно разрушающие красные кровяные тельца.

Специалист высокого класса по лечению инфекционных заболеваний, доктор Гиберт, работающая в Вашингтонском медицинском центре для ветеранов, признается, что с таким феноменом она столкнулась впервые. История таинственна, и развязка ее драматична. Иногда анализы показывали совершенно чистую кровь. А иногда отдельные виды бактерий шквалом наводняли кровь пациента, появляясь по некоему зову из никому не ведомых нор. При этом вели они себя очень хитро. Дожидались, пока антибиотики уничтожат более слабых «собратьев» по бактериальному семейству, а потом нагло, не скрываясь, вылезали наружу, с явной иронией относясь к антибиотикам, подобно тому, как крутой гангстер снисходительно улыбается при виде малыша, угрожающего ему игрушечным пистолетом. За короткое время «гангстеры»



размножились до катастрофических величин, и неторопливо, со вкусом, не обращая внимания на пущенное против них оружие, пожирали кровяные клетки.

В одно прекрасное утро доктор Гиберт, набравшись смелости, зашла в палату к своему пациенту. «Я знаю, вы пришли мне сказать, что я умру», — вздохнул он. «Мы делаем все, что можем, — ответила доктор, — но они размножаются словно бестии».

Спустя несколько дней пациент умер от тотального заражения крови бактериальной инфекцией. Ни один из известных науке антибиотиков — чудодейственных средств XX века, не смог остановить победное шествие бактерий — самых примитивных организмов на земле.

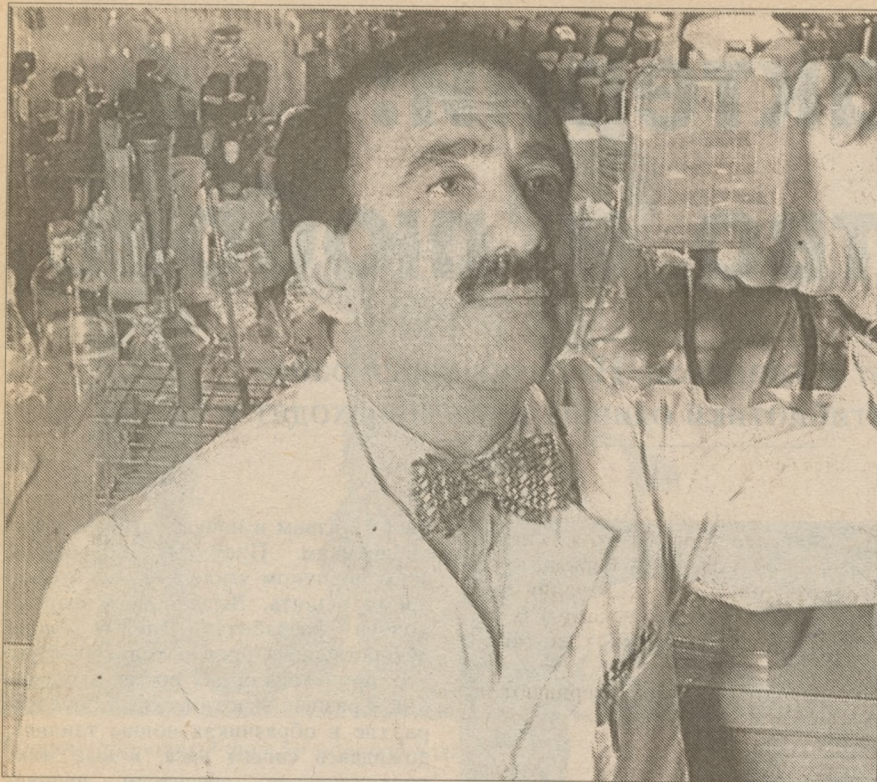
С 1928 года, когда Александр Флеминг выделил из плесени пенициллин, человек и биологический микромир вступили в борьбу якобы на равных. Но вскоре стало ясно, что лидерство в этом состязании ведет микроб, который вместо лобовой атаки использовал обходные маневры. В 1946 году, после нескольких лет активного использования пенициллина на свет божий вдруг вылез стафилококк, который преподнес медицине большой сюрприз: он

был неуязвим и нечувствителен к антибиотикам. Проблему борьбы с этим новичком удалось на некоторое время решить. Выдающиеся фармакологи разработали новые виды лекарственных препаратов. Зачастую это происходило во время экспедиций в разные экзотические точки мира, где в образчиках почвы таились, дожидаясь своего часа, новые микроскопические спасители человечества.

Не тут-то было. Болезнетворные бактерии перегруппировались, дав жизнь мутантам, которые снова перестали поддаваться воздействию лекарственных средств. С открытием новых препаратов появлялись новые виды бактерий. И так происходило постоянно.

Однако до поры до времени дела обстояли не так драматично: лекарственное оружие в целом успешно сражалось с такими болезнями, как туберкулез, пневмония, гангрена, сифилис, гонорея, и с другими недугами, вызываемыми бактериальной инфекцией. Но и в этих случаях антибиотики были не всемогущи: люди умирали и продолжают умирать при слишком поздно поставленном диагнозе, когда невидимые человеческому глазу враги уже разрушили некоторые жизненно важные системы человеческого организма.

«В 80-е годы мы находились под властью иллюзии, что удалось победить почти все инфекционные заболевания», — комментирует ситуацию доктор Бим из Буффаловского медицинского центра. Действительно, научные бонзы самоуверенно считали, что теперь придется бросать вызов раку, сердечным заболеваниям и другим хроническим недугам. Автор книги «Почему мы умираем?» доктор Шервин Наланд писал: «Триумфальное шествие науки в борьбе с инфекционными заболеваниями вдруг дало сбой, неожидан-



Доктор Стюарт Леви изучает врага

но уткнувшись в свод триумфальной арки».

Как это ни тревожно звучит, но любая из бактерий, вызывающих инфекционное заболевание, имеет сегодня двойника-мутанта, который противостоит, по крайней мере, одному из ста существующих антибиотиков. Но есть «экземпляры», сопротивляющиеся всем ста антибиотикам. Противостоящий лекарствам возбудитель туберкулеза встречается сегодня в одном случае из семи. И, таким образом, около пяти процентов больных туберкулезом умирают, несмотря ни на какие антибиотики.

В 70-х годах со стороны Южной Африки стали надвигаться грозные тучи в виде устойчивых штаммов микробов, «проскальзывающих», несмотря ни на какие ухищрения, на лезвии хирургического скальпеля в организм человека, а также штаммы бактерий, вызывающих неизлечимый детский менингит. Грозная тень этих туч накрыла вскоре страны Европы и США.

В начале нынешнего года Федеральная центральная служба по контролю за эпидемиологической обстановкой и лечению инфекционных заболеваний сообщила о появлении стойких пневмококков в сельских районах Кентукки и близ Мемфиса. Невидимые враги распространялись централизованным способом, подобно тому, как дейст-

вует хорошо отлаженная почтовая служба. Из единого центра «посылочки» рассылаются по разным адресатам с тем, чтобы получатель, в свою очередь, разослал несколько таких сюрпризов по другим адресам.

В 1992 году, по данным Центральной эпидемиологической службы, от бактериальных инфекций, не поддающихся воздействию антибиотиков, умерло около 14 тысяч больных, причем в борьбе за жизнь врачи влили в их организмы все известные виды антибиотиков и их комбинаций. Дело было не в том, что инфекционные заболевания совсем никак не реагировали на антибиотики. Все решало время. Пока врачи искали наиболее действенные комбинации медикаментов, самые коварные бактерии подбирали ключи к жизненно важным центрам человеческого организма и полностью парализовывали функции кровяной плазмы, легких, сердца.

И здесь встала проблема чудовищных финансовых затрат на игру в прятки с микробами. Из-за того, что наиболее верный, «положенный по инструкции» антибиотик часто не оказывал воздействия на пораженный болезнью организм, пациенту приходилось перепробовать несколько (порой — десятки) видов лекарственных препаратов, что в национальных масштабах тех же США выливается в кругленькие суммы: от 100 до 200 миллионов долларов. И

эта сумма уходит лишь на поиски, а не на само лечение.

Патриархи медицины утверждают: «Как ни крути, микроорганизмы одерживают верх, ведь они старше нас по возрасту, а следовательно, мудрее».

Действительно, они умнее, и в первую очередь в том, что касается их способности эволюционировать. В этом нет никакой мистики. Ибо газели, чтобы не попасть в пасть ко льву, научились уносить ноги от хищников. Все в природе подчиняется закону естественного отбора, открытому Дарвином.

Когда в человеческий организм вводят пенициллин, предназначенный для борьбы против различных видов бактерий, то многие «малышки» погибают. Однако у небольшой группы бактерий по случайности оказываются мутировавшие гены, которые обладают иммунитетом к лекарственным препаратам. И они выживают, как выжили газели, обогнавшие своих более медлительных собратьев, впоследствии передавая гены сопротивляемости своему потомству. А между прочим, одна лишь бактерия при благоприятных условиях способна дать потомство в количестве 16 777 220 себе подобных крошек в течение суток.

Наиболее коварные мутанты в качестве презента могут даже подарить свои гены неродственным им микробам. В потоке наводнившего кровь лекарственного средства одна из бактерий присасывается к другой, и «любовники», приоткрыв поры, обмениваются петельками сложной спирали ДНК. Этот процесс медики образно сравнивают с опасным видом секса без предохранительных средств. Таким способом, к примеру, вибрионы холеры вырабатывают сопротивляемость к тетрациклину при помощи микробов-старожил, давно освоившихся в кишечнике человека и не причиняющих ему вреда. Но в определенный момент старожил предаст человека, выдавая все секреты человеческого организма микробу-чужаку. Специалист в этой области, автор книги «Парадокс применения антибиотиков» доктор Стюарт Леви пишет, что использование антибиотиков элементарным образом способствовало благоприятному развитию иммунитета к лекарственным препаратам у микроорганизмов.

Умные «микродьяволята» начинают выступать в тех качествах, о которых никто никогда не подозревал. Болезнетворные бактерии могут сопротивляться тем антибиотикам, с которыми они еще ни разу не

встречались. «Это можно назвать предвосхищением, всевидением — как угодно, но ясно видно: новые враги, пользуясь услугами неведомых нам лощманов, учатся обходить самые скрытые подводные камни без малейшего для себя вреда», — говорит доктор Леви.

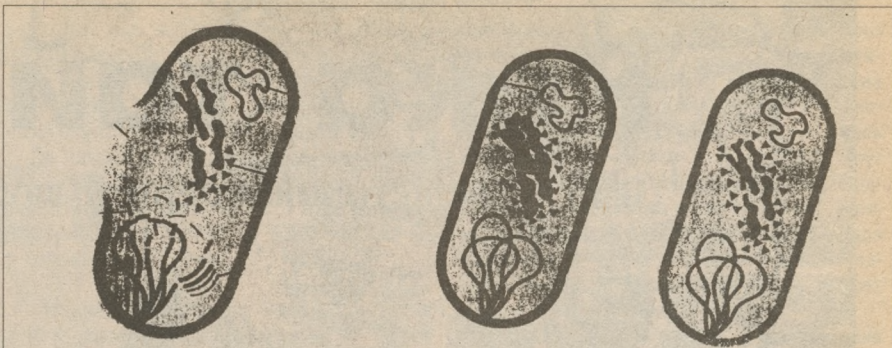
Каким образом медицина попала в эту ловушку? Страстно желая покончить с болезнями, врачи и пациенты невольно создали благоприятные условия для их развития. Пациенты часто требуют лечить их антибиотиками даже при обычной простуде. Врачи же назначают антибиотики, не выяснив до конца, вызвано ли заболевание внедрением микроорганизмов или иными причинами.

Опасность подкрадывается и с другой стороны. Никто не в состоянии более или менее точно контролировать, какие дозы антибиотиков дают фермеры домашним животным, способствуя тем самым увеличению массы их тела при экономии кормов. А ведь дозы эти превышают человеческие порой в тридцать раз. При этом никого как бы не беспокоит тот факт, что антибиотики остаются в мясе животных даже после тщательной переработки. Многие штаммы сальмонеллы, обнаруженные в мясе домашней птицы, плюют с высокой колокольни сразу на несколько видов антибиотиков. «Супермикробы», затаившиеся где-то в недрах клеток, проползают в человеческий организм по этим каналам.

Последствия этого печальны: люди, живущие на антибиотиках, более уязвимы для болезней.

Несколько тысяч человек в США ежегодно умирают от микробов, затаившихся в мясе животных и птицы. Совсем недавно стал известен случай, когда трое детей скончались на месте, съев гамбургеры в ресторане, пользующемся безукоризненной репутацией. Около шести миллионов американцев ежегодно заболевают от инфицированной пищи. В последнее время представители центральной эпидемиологической службы обратили внимание на бурную деятельность некоей биотехнологической компании «Кэлджин», сбывающей на рынке помидоры и другие овощи, в клетках которых содержатся гены, оказывающие сопротивление такому антибиотику, как канамицин.

Тревогу вызывает появление разновидности стафилококка, вызывающего пневмонию и заражение крови. В клинических условиях этот стафилококк успешно борется буквально со всеми известными науке антибиотиками, кроме одного —



При атаке на клетку обычной бактерии антибиотик способен разрушить ее стенку, разорвать ДНК, остановить биосинтез белка.

Если же в ДНК бактериальной клетки появился ген-мутант, такая клетка может оказаться совершенно неуязвимой для данного антибиотика.

ванкомицина. «Если и ванкомицин перестанет действовать, то случится катастрофа», — делится своими тревогами доктор Бим. — Ситуация будет схожа с 50—60-ми годами». В те десятилетия стафилококк унес жизни десятков тысяч людей.

Исследователи уже поговаривают и о появлении нового супермикроба. Его прародителем, возможно, станет энтерококк, заражающий кровь больного (он-то и убил пациента доктора Гиберт). Сопротивляемость энтерококка увеличивается быстрыми темпами. В 1989 году только в одной из нью-йоркских больниц был зафиксирован случай сопротивляемости энтерококка лекарствам. А в 1991 году об этом сообщили уже 38 больниц крупнейшего города Америки. Ричард Робертс из Корнелльского медицинского техникума уверен, что близок тот час, когда и у стафилококка появится ген, оказывающий сопротивление ванкомицину. «Ванкомицин — последняя наша надежда», — говорит он.

Следует ли ожидать появления нового чудо-лекарства, которое спасет человечество? До середины 80-х годов в исследовательских группах фармацевтических компаний в разработке постоянно был новый антибиотик. Американский рынок антибиотиков был перенасыщен, и казалось, единственным направлением работы было насыщение антибиотиками рынков развивающихся стран, в которых то и дело появлялись очаги холеры, дизентерии и других болезней.

Сейчас болезнетворные микроорганизмы опережают ученых примерно лет на пять. И одна из важных задач в этой гонке — понять, каким образом бактерии нейтрализуют действие антибиотиков. Способы эти еще далеко не ясны. Бактерии могут утаивать фермент, который лишает лекарства их лечебного действия. Они могут изменять ка-

чество своих стенок так, что антибиотики будут не в состоянии проникнуть туда. А иногда микробы просто изгоняют антибиотик, и тот трусливо прячется в кусты. «Вот почему на попытки сломить стойкость бактерий может уйти от пяти до десяти лет», — говорит доктор Миллер.

Фармакологические компании, между тем, от самых современных методов генной инженерии, которые не во всем себя оправдывают, опять возвращаются к дедовским способам поиска антибиотиков. Они поворачиваются лицом к природе и просят помощи у нее. Агенты компаний рыщут по всему земному шару — от диких джунглей до дна морского — в поисках образчиков почвы, где могут обнаружиться признаки новых антибиотиков.

Но самым мудрым шагом, как считают многие ученые, было бы отказаться от антибиотиков в пользу других лекарственных средств. Жизнеспособности бактерий могли бы повредить высокие температуры или кислотные радикалы. Отказ от антибиотиков — хотя бы временный или частичный — мог бы прервать эволюционный процесс болезнетворного микромира, и этот сбой, в свою очередь, позволил бы медикам выиграть время, которого осталось в обрез. Ведь не возвращаться же нам ко временам средневековья, когда человеческий организм не мог бороться с самыми элементарными инфекциями! Но тогда люди умирали от недостатка и отсутствия лекарств, а сейчас — от их избытка.

По материалам зарубежной печати
подготовил С.ТОЛКАЧЕВ
Фото из журнала «Ньюсуик»

Река тайны

Две истории о первой любви



Алексей ДИДУРОВ

Однажды, очень давно, я сказал одной девушке слова, страшнее которых она за свою юность не слышала. А несколько позже другая девушка такие же слова мне повторила, как свои. И долгое время после этого для меня ничего ужасней тех слов не выпадало, хотя я жил тогда не в раю.

...Этот дом в ложноклассическом стиле еще до войны прозвали «генеральским»: сюда селили военных в больших чинах и только по направлению из наивысших сфер. В те годы, о которых вспоминаю (лет тридцать пять назад), отсюда разносились по нашим плебейским окрестным дворам темно-золотые звуки похоронных маршей самой высокой пробы и выделки, превращая горе кого-то из обитателей «генеральского» дома в краткий районный музыкальный праздник.

В этом доме, на третьем этаже, жила в ту пору девушка. Была она на три года старше и на три класса выше меня. И вот сходил однажды я с их классом в поход.

В том походе она в меня влюбилась. Так сильно и нежно, что я, считавший до тех пор девочек беспредельно интересными только ниже их пояса, впервые почувствовал удовольствие от возможности положить ей руку на плечо, когда она со мной — только со мной! — дежурила у костра в ночную смену и, глядя в пламя, напевала мне тонким и всегда тихим голосом свою любимую песенку о кленах и влюбленных, которую я потом нигде никогда ни от кого ни разу не слышал больше.

Все было при ней, она была классически сложена и выпускницей звалась по всем статьям, включая статью. Бери — и возрадуйся! Но я вдруг, неожиданно для себя, ощутил, что я-то к ней не так, как она ко мне. Что я ей не ровня в чувствах и поэтому права у меня на нее нет: я ее просто «хочу», а она меня — любит. И что самое-то самое: ее и это устраивает.

О ту пору достигли мы походом пристани «Большая Волга», что на стыке канала имени Москвы и Волги-матушки. И стояли тогда в том месте, на двух берегах, лицом друг к другу два гранитных ги-

гантских изваяния вождя нашего народа и всемирного пролетариата: на противоположном от нас берегу — Ленин в пальто, а на нашем, у самой пристани, — Сталин в шинели. И в сапоге Сталина была дверь. В нее, улучив момент, моя выпускница и повлекла меня за руку.

Внутри, в ступне сапога, помню, шибанули сырость, мгла, смрад от людского дерьма и пустые бутылки под ногами. Вверх вела винтовая лестница, и где-то в голове вождя вроде сиял свет. В каменном черепе генералиссимуса, примерно на уровне его челюстей, оказался настил, усеянный и умащенный тем же, что и внутренность его ступней. Это было беспощадно ясно видно: в дыры зрачков Сталина, как в бойницы, бил снаружи свет летнего дня. И еще сквозь них виднелась русская равнина до горизонта, легендарная река, а за ней, на абсолютно голой и безлюдной местности, каменный лысый колосс в пальто нараспашку и с кепкой в руке.

Я смотрел глазом Сталина как замороженный. За спиной услышал мерзкий звук катящейся бутылки — выпускница

подошла сзади ко мне и тихо сказала: «Сделай со мной это». Я почувствовал, что не в силах вернуться. И ответил: «Не могу». Это была правда. Я не мог к ней повернуться, стал более деревянным, чем настил подо мной. Она тихо и размеренно повторила: «Сделай это, я очень тебя прошу. Если ты этого не сделаешь, у меня ни от кого не будет детей». Я сказал: «Нет».

Тогда она бессильно ткнулась мне в спину лицом и стала быстро опадать... Вмиг очнувшись, я обернулся и еле успел подхватить ее, уже падающую на изгаженные доски. ...Нельзя пересказать, чем был мой путь с нею на плечах по узкой лестнице, местами без перил. Помню, когда вышел на свет божий из сталинской пятки, то, свалив на землю полуживое тело выпускницы, полетел через нее кубарем и распластался на полчаса. Она пришла в себя раньше меня, дала мне оклематься и четко произнесла: «Вернемся к этому в Москве».

В Москве ее возвращение «к этому» решили затруднить родители. Ее отец работал главным цензором военного издательства, связи имел любые, быстро навел справки обо мне в школе и милиции, из коих заключил, что я его дочери не пара. Родители решили отправить ее заканчивать школу в Ленинград. Дочь попросила разрешения у них проститься со мной. Отец рыкнул: «Нет». Мать согласилась. Но с условием, что прощаться будем перед их домом, в пределах видимости из окна.

Я был вызван по телефону. На улице признался ей, что не люблю ее. Она поблела, помолчала и вдруг произнесла с неожиданным участием в голосе, что на этом самом месте мне однажды тоже скажут такие же слова. И я сразу вспомню этот день и ее. Сказав, ушла.

...Нет, я не забыл о ней. От ее подруг, бывших одноклассниц, которым она писала, я узнал, что ее выдали замуж, что она с мужем учится в Ленинграде в одном институте. Эти же подружки, когда я на втором году попал служить срочную в Ленинград, дали ей адрес моей казармы. Она пришла ко мне, принесла конфет и апельсинов. Сидя рядом у стены казармы, рассказала, что отец через свои связи посылал ее во все соцстраны к тамошним светилам лечиться от бесплодия: все разводятся руками, говорят, что она просто создана природой для чадородия, что ее аппарат идеален и редкостно здоров, но в чем дело, никто понять не может.

Слава Богу — она потом все-таки родила. В том возрасте, когда рожают единицы. Ее выхаживали и готовили так, как будто она должна была родить второго Христа. Она родила мало сказать тяжело. Но сумела. Я радовался, как отец ребенка. Ну, почти. Его зовут, как меня. Хеппи-энд.

Не в курсе, родила ли она второго Христа. Но уж точно родила меня, как чело-

века. До нее я был фавненком, только этого никто не ведал, кроме нее. А она меня таким полюбила и сделала из полузвереньша мужчину без применения своего, как она выразилась, «аппарата».

Да святится имя твое, здесь по разному-образным причинам не приведенное! До твоей высоты спокойного и простого самоотречения в любви не дошел и нынче, а хочется.

...Примерно в то же время, пробегая как-то мимо кирпичного дома на Делегатской, я увидел в угловом окне первого этажа сценку, заставившую меня попридержать галоп: в маленькой комнатке, освещенной настольной лампой, находилась девочка, очень знакомая на вид, красивая — почему и знакомая, — в ночной рубашке и с распушенными волосами. Все это длится треть или половину минуты, я тороплюсь дальше, вспоминая, что уже встречал ее, сразу привлекавшую взгляд: всегда смурная, наспуленная, одинокая, она одновременно заинтересовывала своей миловидностью и грустной, мрачноватой маской на лице, где только глаза были горячими и пронзительно живыми, как все карие юные глаза.

После этой ночи я стал замечать за собой, что как бы само собой, невольно выстраиваю свои маршруты по округе так, что они ложатся через кирпичный дом на Делегатской. Долго себя обманывать я не умел и не хотел (это качество и сейчас усложняет мне жизнь) и сознался себе, что хожу там, надеясь на встречу с этой девочкой. Потом я узнал от нее, что и она меня приметила, показывала меня брату и матери, когда я сбавлял шаг перед тремя ее окнами. Я уверял себя, что маску Царевны-Несмеяны (про которую пели во всех дворах модную тогда песенку) столь юная особа носить будет лишь по самой серьезной причине, и предполагал за такую трагическую какую-то историю в стиле, высоко чтимой в подростковой среде, серии «Библиотеки приключений» («Рассказы о Шерлоке Холмсе»), «Наследник из Калькутты», «Земля Санникова» и так далее).

И вот я стал изменять привычную дорогу ради возможности пройти мимо ее дома, понимая, как и чем рискую: ведь там меня мог увидеть со своими дружками мой главный в районе враг: Слива-младший. Так и случилось. Шагая однажды мимо заветного кирпичного дома, я нарвался на Сливу-младшего с компанией. И тут, когда, казалось бы, про меня все было ясно, я увидел среди вражеской стенки явно индифферентного хилового мальчика с санками. А закон каменных джунглей гласит: хочешь победить кодлу — ломи сквозь «основного», а хочешь ударить — проламывай «крайнего». И я ринулся на тоненькую фигурку пацана — и тут заметил, что к нему из прохода во двор бежит та, ради которой я и попал в «котел окружения». Она летела со всех

ног к мальчику, я к ней — с той же скоростью... У санок мы сошлись. Она крикнула мальчику: «Микки — домой!» А сама схватила меня за руку и дернула в сквозной подъезд. Там ступени раздваивались на два марша: один — под лестницу, другой — на промежуточную площадку. Спасительница толкнула меня в подвал, а сама бабахнула дверьми, как только кодла ввалилась в подъезд. Послышались рычание и сбение давки, снова — грохот дверей, и все стихло...

Я сидел под лестницей, и голова шла кругом. А что сильнее всего заставляло сердце биться (не считая, конечно, страха), так это то, что меня спасла сама Она! Спасла осмысленно, умно! Немыслимое везение! Фантастическое стечение обстоятельств! Куда там «Наследник из Калькутты!».

С перил свесилась она: «Пойдем!», не поверил своим ушам, и, видимо, она об этом догадалась. И повторила: «Ко мне пойдем. Ну?»

Прижимаясь к стенам, как героикраснодонцы, мы в пять минут добежали до ее дома. Она позвонила в квартиру, открыл младший брат. Пока в комнате за дверью она раздевалась и переодевалась, мы с мальцом разговорились: «Микки» зовет его сестра, а себя величает «Хэлен», на английский манер. Сестра ему сказала, что меня надо на час спрятать, пока Слива-младший, который, кстати (очень «кстати!»), на сестру глаз положил, ищет меня всей шарогой по двору.

Вышла к нам Хэлен, дала мне чашку с горячим чаем: «Слива-младший встретит тебя здесь — вообще зарежет, он дурной». «Он твой парень?» — спросил я у чая в чашке. «Меня от него тошнит. И он это знает».

Я летел до дому впереди поэмки и, кажется, над ней.

Но через неделю оказался в ее подъезде, причем вопреки ее воле и своей. В тот кошмарный день мы с ребятами играли в детском парке в хоккей. В пылу игры я еле расслышал, что меня кто-то окликает, и глянул на насыпь снега за бортом площадки — там стояла Хэлен.

Я ошалел от счастья, разум мой самоустранился, и я метнул шайбу... в Хэлен!.

Через полчаса мне, полуживому от горя, из квартиры Хэлен ее подружка принесла записку: «Идиот! Приходи через неделю — мой лоб больше всей головы и синий». Все ночи напролет — недели полторы проторчал я у нее в парадном и перед окном. Коротал эти ночи, сочиняя поэмы о своей любви под вой вьюги и сухой шорох поэмки, а под утро, сунув очередное свое произведение в дверную щель для почты, бежал в школу.

Впоследствии выяснилось, что те поэмы читала вслух Хэлен ее мать, ибо дочь не могла различать текст заплывшими глазами. Таким печальным образом я приобрел первую горячую поклонницу

моей поэзии: читая, мать плакала от восторга и умиления. О том же, что это я уложил ее дочь на полмесяца в постель, мать так и не узнала никогда. Вот почему, как только опухоль сошла на нет, я был приглашен на семейный чай. «А по-моему, лучше дома, чем вне дома!» — разливая цейлонский чай «из старых запасов», стойчески, с грустной усмешкой и тревожно глядя мне в глаза, огласила свою позицию тетя Тома — мать Хэлен и Микки. Нужно отдать ей должное, однажды избрав линию на легализацию и официальность наших с Хэлен отношений, тетя Тома не изменяла ей никогда.

Тем временем мои отношения со Сливой-младшим дошли до его угрозы меня убить. В результате сложных междворовых переговоров участь мою должен был решить человек, с чьим мнением Слива-младший не мог не посчитаться. Но все должно было выясниться утром. А впереди была ночь...

«Эту ночь я буду с тобой!» — серьезно, как никогда, сказала Хэлен и внимательно посмотрела мне в глаза. Я опешил. В следующий миг, собравшись с мыслями, предложил отправить мою мать к тетке. «Нет — сказала Хэлен. — Я знаю, куда мы пойдем. Не пожалеешь». — «С тобой хоть в преисподнюю!» «Почти угадал! — она засмеялась. — Я мать предупредила, что заночую у деда Семки». Вон куда и к кому мы идем начинать нашу совместную, во всех смыслах, жизнь?.. Почему? «Ответ принесется с ветром» — как поет американец Боб Дилан. А дед Семка — старый друг семьи Хэлен, смирившийся с моим в этой семье присутствием.

Взявшись за руки, мы бежим с Хэлен по переулкам вниз, к Цветному бульвару, во двор ближе к Садовому кольцу — там в подвале и живет дед Семка. Мы целеустремленно парим — ее платье реет! — над горбатыми проулками, бывшими когда-то крутыми лесными берегами Самотеки, сто лет назад, а то и больше, загнанной в трубы под бульваром... Перед дверью в Семкино жильё Хэлен вдруг останавливает меня за руку и чуть не по слогам требует: «Запомни — ничему не удивляйся!» Она стукнула в маленькую дверь кулачком. Дверь распахнулась — и в обрамлении нитей дешевого стекла, свисавших с притолоки, пред нами предстал хозяин подвала. Хэлен сразу ввела его в курс: «Мы и на ночь!» Он весело захохотал в ответ: «А чего! Что ни дыхнет — все пихнет! Милости прошу!»

Потом дед Семка зачем-то нацепил на грудь лежавшую на комодике орденскую планку и заявил: «Шас, шас побегу, а то без закуски не свадьба!» Я смекнул: орденскую планку дед Семка надед, чтоб без очереди в «Гастрономе» нам на стол что-нибудь взять. «Чтоб не скучать, сходите, достаньте себе из невода!» — с этими странными словами дед Семка, как парашотист в люк, оттолкнувшись от косяков, выбросился за дверь.

Хэлен кивнула головой: «Он прав. Пошли на реку». «Куда?!» — переспросил я ошарашенно. Она ухватила за ребра посудную пузатую тумбочку, взяв в ней предварительно китайский фонарик, и за сдвинутой тумбочкой обнаружилась дощатая дверца, привычно распахнув которую, Хэлен за лучом из фонарика, как на позолоченном канате, стала спускаться по ступеням в подземный ход. Введя меня за руку в глубину норы, Хэлен объяснила: у деда Семки был сосед, до революции среди эсеров — лучший специалист по подкопам. Ходы рыл в тюрьмы, в банки, на склады оружия. Вот он на случай ареста и прорыл выход из подвала к Самотеке.

Еще минута пологого спуска — и у ног в бетонном гулком жерле, уходящем в плотный мрак бесконечности, перекачиваются, бурля, торопливые волны древней московской речки Самотеки. А на вбитых в ложе реки ржавых строительных крюках зацеплены постромки невода. Хэлен, как дух подземного царства, наклонясь, подхватывает сеть. В луче фонарика каплями сверкает запотевшая непочатая бутылка водки, а невод с такими же еще — полегчал лишь слегка.

Через три минуты мы, продрогшие, но довольные, приступаем к «сугреву»: я слышал от одного приятеля, что девушки знают и передают друг дружке верный старый способ заглушить страх при потере девственности — крепко поддать. По жилам устремляется во все уголки тела веселый кипиток, окружающее мягко трогается с места и плывет, как берег мимо яхты, в каюте которой я уже обнимаю свою любимую.

Глупо грустить на берегу реки Самотеки, которая, если вникнуть в ее название, сама течет, как и жизнь, и сама знает, куда, зачем, почему и как. И этой ночью, к моей хмельной радости, я отплыву по этой мудрой великой реке жизни в страну душевного света — в результате неизведанных и нескончаемых отныне и вовеки телесных утех, до какого отплытия мы попируем с любимой в компании фантастического деда Семки — многоопытного зрителя этой реки, одинокого и святого рыбака на ее берегу, ловящего рыбку большую — «поллитру» и маленькую — «четвертинку». Славен будь, скромный и незлобивый провожатый наш, дед Семка, согласившийся надломить с нами хлеба перед долгой счастливой нашей одиссеей!

...Я осторожно, как бинты с ран, стал совлекать одежды с любимой девочки, а ее ладонь, легшая на мою, была легка и бессильна. Но я почему-то стал безумно уступчив и нежно гладил символически остановившую меня руку полночи, пока полубогаженная юная богиня не заснула, устав от тяжести выпитого и недовершенного. Я же, перебрав с этим не меньше, обливаясь радостными слезами, пошел (чтоб ее не будить) переваривать

свой небывалый кайф в эсеровской выделке подземный ход, невесомым лучом китайского фонарика вылавливать в черных водах подземной Самотеки предощущаемую истину.

Там сидел я до новорожденного утра, и слезы мои капали в жидкий стремительный поток — слезы первого счастья в личной жизни. Я не удивился, когда за спиной послышалось трудное сопение и гулкое рыгание — ко мне, стучаясь биллярно головой о свод, добрался дед Семка. «Отдыхаешь после божеского дела?» — похлопал он меня по плечу. «Какого?» — отрешенно спросил его я. «Как какого? Девку дамой сделал?» «Нет», — улыбаясь, вздохнул я. «Ну и дурак, как сказал Чапаев!» — мрачно сплюнул в волну старик. Потом, глядя, как уносится вязкий плевок в бездну с потоком, резюмировал: «Упустил шанс — не вернешь, парень. Недолет не прощается!»

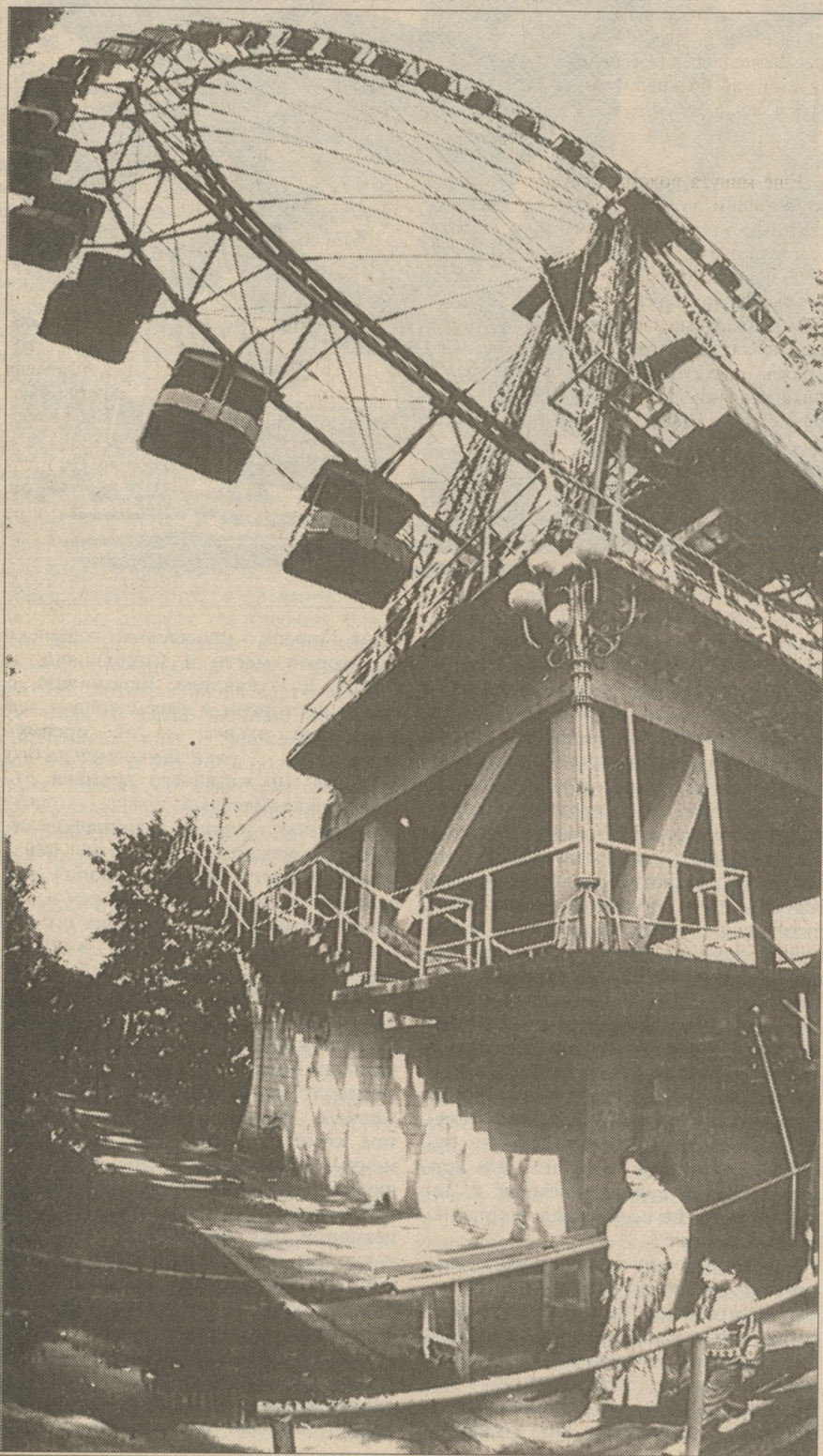
Утром решилось окончательно: моя война со Сливой-младшим окончена, никто меня не убьет. На радостях я кинулся домой к Хэлен. Она встретила меня равнодушно. Предложила прогуляться, всю дорогу молчала. Не выдержав, я спросил, в чем дело, что за перемена, что случилось?.. Она, скосив в сторону свои отчужденные глаза, ровно, как диктант, отчеканила мне, что она меня не любит и не станет моей никогда. Что тут со мной сделалось — описывать не хочется...

Года три назад я их встретил — тетю Тому и Хэлен. Дочь выглядела намного старше матери. Мать посмотрела на меня сквозь век, а дочь — сквозь тысячелетие. Меня потом крутило и трясло от горя сутки. Это было как удар ногой в живот. Тем более, что за двухминутную беседу (они торопились, я торопился) узнал, что Микки пьяным выпал с балкона — насмерть, что Хэлен с мужем (не расписанным), садистом и алкашом, разошлась и растит сына (а не дочь, как когда-то мечтала), мальчик нервный, трудный.

Мы говорили среди луж и парящего асфальта — только что отгрелема летняя буйная гроза. Разговаривая с ними, я поймал себя на том, что слышу какой-то очень давно знакомый звук, как-то связанный с моими собеседницами и со мной самим. Глянув под ноги, увидел, как хлещет сквозь решетку водостока дождевая вода в подземелье «Мосводоканала» — и вспомнил подвал, деда Семку, лаз в московский Тартар... Глядя двум женщинам из моей юности вслед, подумал: пока мы жили с тех пор, под нами, подо мной, под Москвой, в темной трубе неслась, сама с собой разговаривая, московская река Забвения...

Парк культуры

Ностальгическое путешествие

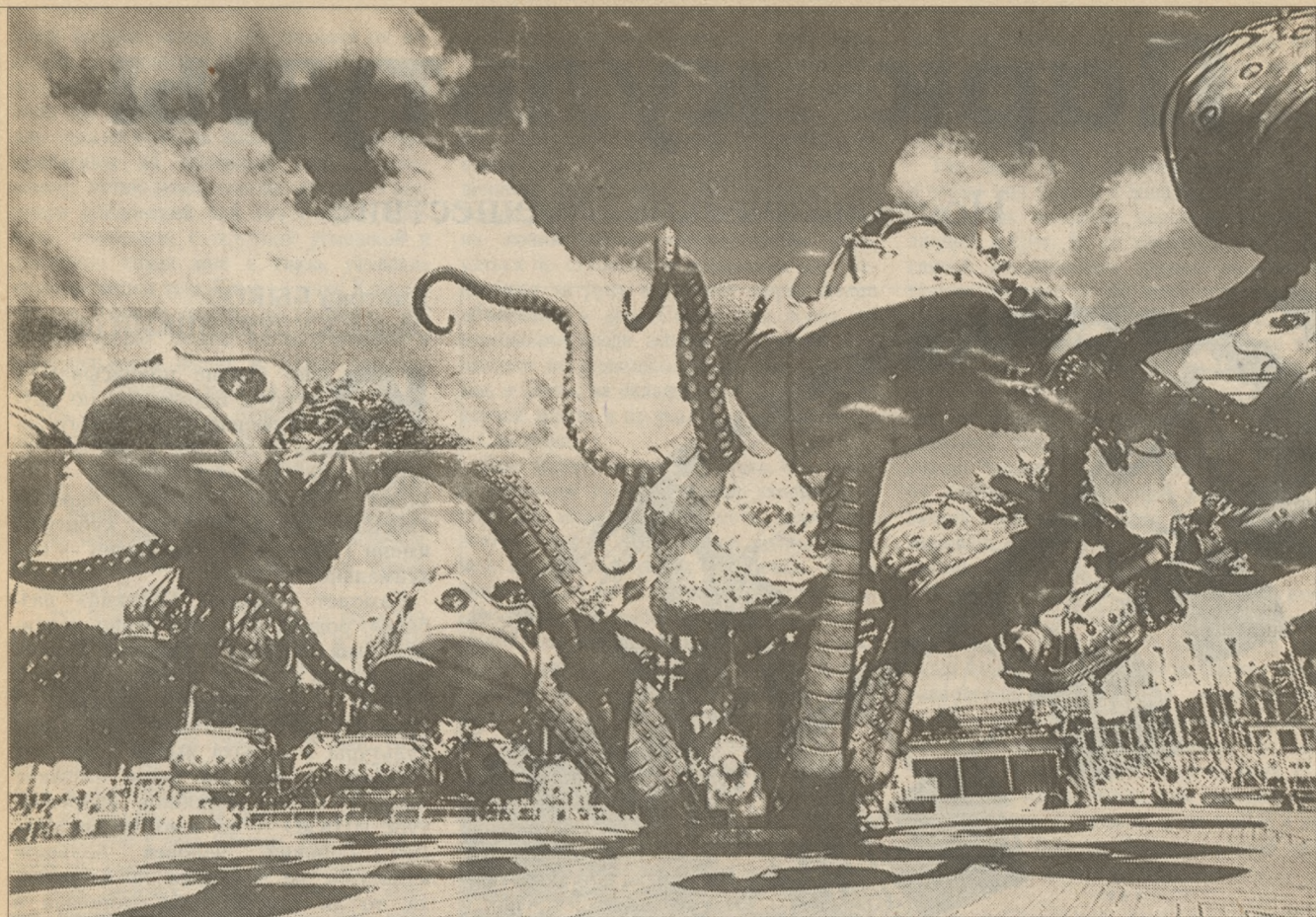


Дмитрий БЫКОВ
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

Юрию Олеше приписывается острога, исходящая, по другим сведениям, от самого автора «Песни о соколе»: у нас все теперь имени Максима Горького — самолет «Максим Горький», пароход «Максим Горький», Парк культуры имени Горького и сама жизнь — максимально горькая.

Самолет «Максим Горький» разбился, родина классика давно переименована обратно в Нижний Новгород, жизнь стала не слаще, но как-то кислее — от прежней Москвы и прежней жизни остался один Парк культуры и отдыха имени Горького. Почему он получил такое название плюс к своей неудобной аббревиатуре ЦПКиО — не ясно: то ли Максим Горький, человек большой культуры, не чуждался также отдыха, то ли сам по себе здоровый и спортивный стиль этого парка как-то ассоциировался с социалистическим реализмом — как бы то ни было, самый крупный парк Москвы, впадающий в Нескучный сад, по-прежнему гордо носит все свои имена. Тем самым он напоминает о том, что жизнь у нас хоть и не мед, зато не скучная.

ЦПКиО — срез Москвы, ее годовые кольца. Все эпохи оставили здесь свои полуистершиеся следы, и поход в глубь парка — поход в глубь времени. К моменту своего создания в 1928 году этот парк был почти окраиной — за ним начинались прелестные в своей дикости Ленинские горы, и по еще чистой Москве-реке летели разноцветные лодки. Тут было много ветра, воздуха, простора. Ажурный Крымский мост поныне как-то дышит здоровьем, силой и молодостью: глянешь на него с Фрунзенской — и сердце отзывается предвкушением счастья. Возможно, это происходит потому, что для трех поколений пробег по Крымскому был связан с ожиданием входа в детский рай: тут были аттракционы, петушки на палочке, пруды, фонтаны и колесо обозрения, видимое километров за десять. Летняя Москва без Парка Горького немислима. Для всех парочек среднего достатка он служил и служит



универсальным развлечением — местом, где можно поесть шашлыков, посмотреть кино под открытым небом, раскатать кабинку большого колеса при восторженном визге спутницы и до одурения целоваться в аллее, пользуясь ее сравнительным безлюдьем. По большому счету это пролетарский Версаль, и путаница его парковой архитектуры только на руку местным влюбленным, которые всегда умудряются обнаружить здесь темные уголки.

От тридцатых годов здесь осталось то лучшее, что в них было при всех мерзостях режима: дух спортивной бодрости. «Где в майках багряных и синих над веслами гнутся тела, где остроугольных косынок стрижиные рвутся крыла, — в серебряных парках культуры звенит мой ребяческий плач» — это пронзительная тоска Нонны Слепаковой, ее стихотворение «Тридцатые годы», и какая нам, москвичам, разница, что тоскует она по тогдашнему Крестовому острову: мы принимаем ее ностальгию на свой счет. Я, например, еще помню облупленных девушек с веслом, а набережная Нескучного поныне сохранила прыгунью с отбитой рукой, застывшую в вечном изгибе, как бы в ожидании пинка сзади. Тот же Нескучный сберег памятник поз-

днего ампира — белую беседку недалеко от Ленинского проспекта, которая в лунном свете имеет вполне античный вид. Традиционный бег в мешках, эстафеты, заплывы, забеги и викторины ушли в прошлое вместе с профессией массовика-затейника; на обветшалых эстрадах Парка культуры уже не устраиваются встречи с творческой интеллигенцией и не читаются лекции «Есть ли жизнь на Марсе», но я отчетливо помню себя пятилетним, взбирающимся в дождливый день на подмостки и читающим Агнию Барто пустым скамейкам. В возрасте более зрелом мне случалось подрабатывать на этой же эстраде чтением стихов вместе с дюжиной других молодых поэтов, чьи возлюбленные составляли основную аудиторию; иногда заходили случайные слушатели присесть с бумажной тарелкой шашлыка. Эти эстрады звали лучшие времена, и Зеленый театр не всегда был закрыт на вечный ремонт.

В таком бодро-спортивном, культпросветэстрадном виде парк законсервировался до начала семидесятых, когда в нем появились первые рискованные аттракционы из социалистических луна-парков. Аттракционы были едва ли не единственным показателем, по которому

Парк Горького решительно отеснил на вторые места и Сокольники, и ВДНХ, и Измайлово. Вспоминая, с каким восторгом я рассматривал все тогдашние чудеса — по преимуществу ракетно-космического свойства. До недавнего времени существовал «Веселый поезд» — жизнерадостная гусеница в колпачке, катавшая визжащих детей по неизменному кругу. Я очень любил эту гусеницу за приветливую морду и абсолютное бескорытие — она стоила копейк десять, по-моему, и была дешевле всех прочих увеселений. Рядом с ней была комната смеха, по форме поразительно похожая на размещившийся тут же туалет, и однажды я их перепутал, таща приятеля в женскую часть сортира с восторженным воплем: «Пошли, пошли, там комната смеха!» Все эти рудименты сегодня упразднены, но я помню, например, первый детский шок от «Музыкального экспресса» — самой невинной по нынешним временам карусели, на которой орут до сих пор. Ни один детский сериал семидесятых годов не обходился без аттракциона «Ветерок» — именно на нем снят тот знаменитый эпизод из «Фантазий Веснухина», в котором сквозь вечернюю листву сияют разноцветные огни, на цепочках летают

кабинки, и молодая Алла Пугачева ангельским голосом поет: «Куда уходит детство, в какие города?... Филиппа Киркорова, кажется, еще не существовало в природе. Помню, с какими слезами мы с другом сразу после армий смотрели этот эпизод в хронике застоя, который нам отчего-то запомнился как время относительно счастья с островками счастья абсолютного — походами в Парк культуры.

Как раз в мои послеармейские времена, в конце восьмидесятых, Парк Горького, как и Сокольники, служил юношам моего поколения идеальным местом для знакомств. Одновременно он слыл довольно бандитским районом — оборзевшая раскрашенная молодежь ходила туда доказывать, как нелегко быть молодым. В те времена расплодилось очень много неформалов — хиппи, панки, любера, девочки неопределенных занятий и вполне определенного типа, рокеры и металлисты, скейтбордеры и просто хулиганье, у которого не хватило ума на собственную идеологию. О парке рассказывали ужасные вещи: вроде того, что при входе в Нескучный сад любера повесили на цепях металлиста, и он до сих пор там висит; редакция даже откомандировала меня в парковое отделение милиции, размещенное, к сведению любителей, аккуратно за прудом, близ шашлычной. Усталый и снисходительный милиционер долго показывал мне фотографии из картотеки — все больше раскрашенные люди в хайратниках или с ирокезами. На мой вопрос о разгуле проституции в парке отдыха от культуры (мы его так называли и очень гордились своей иронией) мент сказал, что настоящих проституток нет, они выбирают места попрестижнее, а есть такие, которые просто потрахаться любят. Все это делало парк местом слегка порочным и оттого вдвойне притягательным. Немудрено, что после армейской голодухи мы разгульной мужской компанией ходили туда кого-нибудь снимать — чаще всего безуспешно. Перед армией я тут попрощался с Москвой, и был особый резон в походах сюда два года спустя: вот, я вернулся!

Надо сказать, что на закате восьмидесятых, в разгар гласности, парк вернул себе былую славу. О нем заговорили и подняли почти до символа: кафе «Времена года», ныне пребывающее в развалинах, было в самом деле крутым местом, и вечерами становилось небезопасно ходить по темным аллеям. Мы с друзьями умудрились-таки однажды познакомиться с тремя девушками, которые первыми спросили нас, который час. Мы



были мальчики начитанные, прессу просматривали регулярно и расценили это как обещание наслаждений знойных во тьме потушенных свечей. Была осуществлена в складчину полная программа, состоявшая из большого и малого колеса, «Музыкального экспресса», «Ветерка» и мороженого в вафельных стаканчиках; девушкам оказалось по шестнадцать лет, и все они фанатели от Валерия Леонтьева, а одна даже знала его адрес. Разговор довольно быстро иссяк, и кто-то из нас навел его на криминальную ситуацию в парке и вокруг. «А что такого, — сказала обладательница адреса Валерия Леонтьева, — у меня тут есть мальчик, так если кто во «Временах» на меня не так посмотрит, он с ребятами тут же все сделает, как надо»... После этой реплики мы избегали на нее смотреть и заговорили о музыке. Девушки очень любили «Аббу», и, кажется, уже существовал «Модерн токинг». Под конец меня это стало забавлять. «А знаете, девочки, — сказал я, — есть еще классный такой чувак Чарльз Диккенс. Металист. Такие крутые запылы — ууу! Только его диски очень трудно достать — попробуйте спросить во «Временах», может, кто знает... И еще этот, как его, Марк Твен — дуэт такой, один Марк, другой Твен. Закачаешься — и поют, и пляшут, куда там «Токинг»... Не удивлюсь, если узнаю, что девочки долго спрашивали во «Временах», нет ли у кого Марка с Твеном или круглого Чарльза Диккенса. К нам домой они, конечно, не поехали, телефонов тоже не дали — правда, оставили адрес Валерия Леонтьева.

Тем не менее в парке завязывалась едва ли не половина удачных москов-

ских знакомств — аттракционы располагали, да и вообще. Это место изначально претендовало на роль Диснейленда, но посещалось в основном молодежью, которой неоставало риска и кайфа в обыденности. Ведь что такое аттракцион, особенно позднего образца? — миг сладкого ужаса при полном сознании своей безопасности. В американских горках вообще есть нечто от русской истории в плане метафизическом: садясь в кабинку, ты автоматически снимаешь с себя всякую ответственность. Тебя несет, переворачивает вниз головой, но за тебя отвечают, и безопасность гарантирована. Это риск без риска, номер со страховкой, возможность кратковременного молодчества с обеспеченным хеппи-эндом. Жаль, я уже не застал парашютную вышку, но «Космос»-то закрыли уже при мне — это были такие огромные качели, позволявшие повисеть вниз головой, причем у женщин задирались юбки, а у мужчин выпадали кошельки. Аттракционы были тогда не слишком опасны и не так вестернизированы, как нынче, но зато по парку можно было запросто проследить стремительное сближение двух мировых систем. Вместо чехословацкого лунна-парка стали гастролировать капиталистические, на набережной соорудили «Мертвую петлю», ныне лидирующую по длине очередей и краткости удовольствия; в первые годы ее существования вопли перепуганных счастливых были слышны от метро. Я, кстати, и сегодня там катался, уже позволяя себе на долю секунды открыть глаза, чтобы увидеть над головой собственные ноги. В первое время половина достоявшихся до входа в палочку бежала с аттракциона, уступая свою очередь, а выходявшие преувеличенно шатались. Сегодняшний посетитель Парка культуры с относительным спокойствием воспринимает даже «Уфо» — гигантскую лодку, называвшуюся прежде «Ковер-самолет» и летающую над рекой по гигантской амплитуде. Визжат на ней больше для порядка, просто чтобы безнаказанно повизжать. Мне же, напротив, с постепенным старением все страшнее становится даже «Вихрь» — усовершенствованная модель «Ветерка» с большим, почти горизонтальным разлетом цепочек. Все наши бывлые ветерки сменились вихрями, и голова кружится не в пример сильнее. Вообще в нынешней жизни риск как-то утратил свои радостные стороны.

Тем не менее самый рискованный аттракцион парка появился именно в этом году — называется он «Тарзан» и стоит сорок шесть долларов,

по количеству метров, которые предлагается пролететь вниз головой. Над малым прудом установлено что-то вроде подъемного крана с кабинкой наверху. На Западе это развлечение вошло в моду лет пять назад: вас привязывают за ноги, и вы летите вниз, после чего натянутая эластичная лонжа резко дергается, и какое-то время вы прыгаете между небом и землей. Своего рода репетиция смерти — зрелище довольно жуткое со стороны. Да будь я и негром преклонных годов, имеющим к тому же свободных сорок шесть долларов — калачом не заманишь меня на это развлечение. Приятно наблюдать со стороны, как богатые смельчаки подолгу хорохорятся, переступают с ноги на ногу и наконец шагают в пустоту. Пишу — и в животе холодеет. Презентация «Тарзана» не случайно собрала тяжелых, толстых людей — после Сергея Крылова отчего бы не прыгнуть, но как-то проще списать свою трусость на жадность. Мужчинство свое мне проще показывать в тире.

Тир Парка культуры мало изменились со времен моего детства. Те же пестрые от пулевых отметин уточки, журавли, волки, те же мультморды на щитах, разве что вместо колокольчиков развешаны банки от импортного пива. На стене тира пират с гигантским револьвером все так же скалится: «А ты случайно не мазила?». Эта надпись сослужила пирату дурную службу: лицо его сплошь в оспинках от пуля, а между ног вообще дыра, старательно расширяемая каждым новым стрелком. Появились сравнительно новые тигры с метанием дротиков и с вечной недосыгаемостью призов — при мне один мужик выиграл расческу и был невероятно доволен собой.

Парк вернулся сегодня к своему прежнему статусу: неформалы исчезли, как не было. Иногда я пытаюсь понять, куда они делись, даром что отсутствие их обезопасило прогулки по набережной и вообще украсило парк, лишив его сомнительной перестроечной славы. Не стало ни фанатов, ни металлистов, ни любителей, слава тебе, Господи. Списывать это на повальный интерес молодежи к бизнесу было бы как-то неромантично, рэкет тоже отвлеч от увеселений далеко не всех. Будь у нас столько рэкетиров, в стране давно восторжествовала бы социальная справедливость. Скорей всего, неформалы ныне просто не ощущают своей востребованности — прессе они малоинтересны, а оправдывать их фокусы на том основании, что в детстве им много лгали, никто уже не рвется. Интересы страны сместились

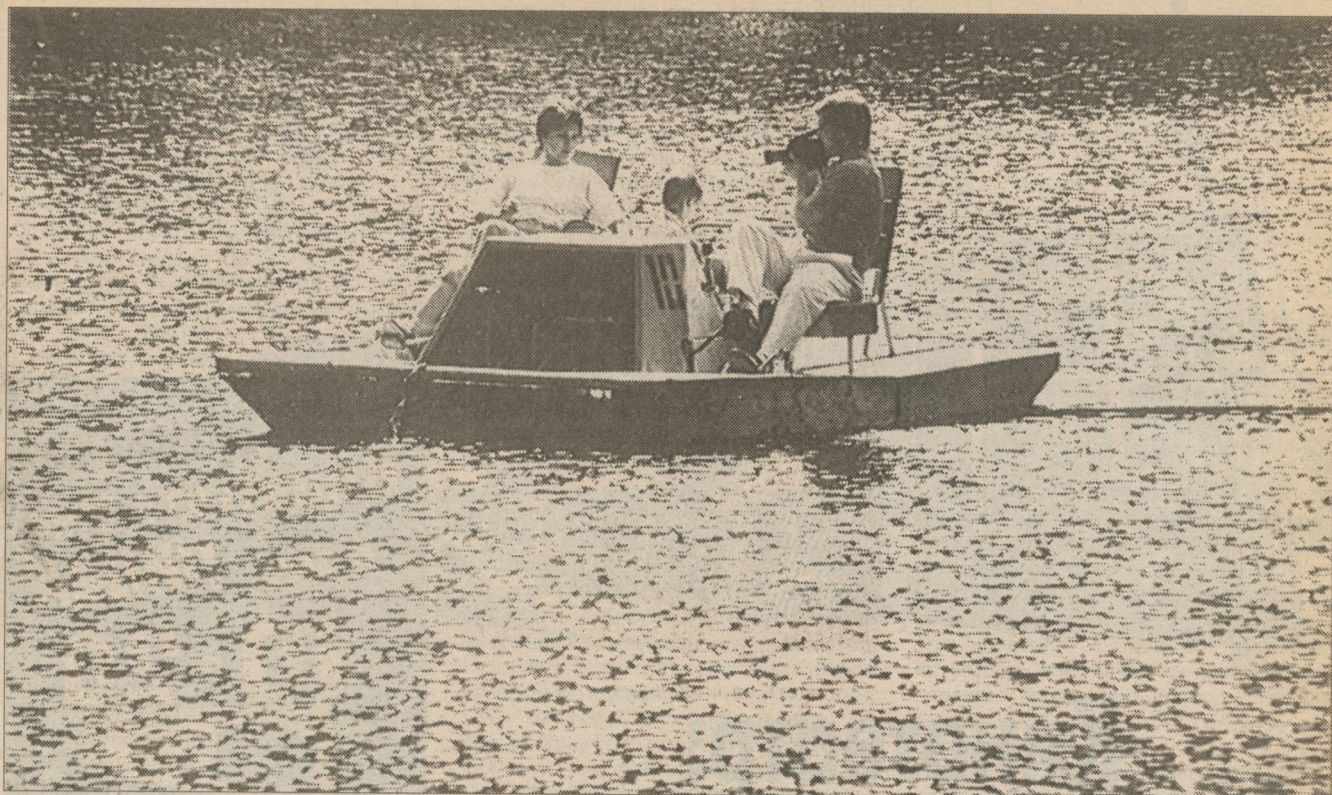


в область прикладного выживания. А раз нет спроса, предложение уходит в песок: пары в парке теперь гораздо более образные. Он, заметим для справедливости, перестал быть дешевым развлечением — один вход по выходным стоит две штуки. Можно, конечно, изловчиться и пролезть со стороны Нескучного, но цены на аттракционы взлетели невообразимо. Это, впрочем, не отпугивает нынешних посетителей. Парк уже не переполнен, и очередей на вход почти не бывает — он стал тише и как-то смиреннее, то есть вернулся на круги своя. Колесо обозрения, гигантская шестерня московских часов, сделало очередной поворот, только кабинки подкрасили. Фонтан, прежде славившийся своей цветомузыкой, теперь упрям и превращен в пруд для малышни. Малышня резвится с большим удовольствием. Вместо петушков на палочке продаются «сникерсы», зато дергунчики на веревочке — вечный и легендарный промысел — остались прежними: маленький мячик, набитый ватой, все так же подпрыгивает на резинке и отскакивает от ладони.

Я люблю Парк культуры в будни, в дождливые дни, когда немногословные крепкие мужчины из аттракционной службы подолгу не запускают карусель, дожидаясь, пока соберется шесть человек. Я люблю печальных и случайных посетителей, забредающих сюда в рабочее время — главным образом, думаю, из постальгических соображений. Поскольку парк сохранил все приметы ушедших времен, он остается едва ли не последней возможностью путешествовать в детство. По будним

дням взрослые люди садятся на карусели и крутятся по два-три сеанса. Иногда с ними сидят в кабинках такие же немолодые спутницы. Ракет, конечно, уже нет, но есть автодром и «Сюрприз» — огромный диск, по мере бешеного вращения встающий вертикально. Центробежная сила вжимает в спинку кабины. Мир по-детски вращается, ивы над прудом сливаются в зеленую пестроту. На выходе продаются пластмассовые пузырьки с мыльной жидкостью, и разновозрастные посетители пускают большие радужные пузыри. Все к лучшему.

Парк культуры — вечно грязный, с гоняемым по дорожкам мусором, с фантиками, с палочками от мороженого, с непрожаренными шашлыками и липкими леденцами — остается островом счастья. Мимо него бегают речные трамвайчики, тоже малоизменившиеся и ставшие постоянной приметой этих мест. Парк и открывается обычно первого мая — в день начала навигации. Помню, как в один из таких дней вез любимую посмотреть на Москву с большого колеса: мы сидели в трамвайчике, внизу, было довольно-таки холодно, — и писали на стенах и подоконниках: «Поздравляю Вас с началом навигации! Министр речной промышленности любит Вас!» «Министр речной промышленности любит Вас!» «Каждый может быть Министром речной промышленности. Зам. министра речной промышленности. Этот добрый Министр речной промышленности, выдуманный тогда, стал нашим ангелом-хранителем, он всячески старался увязать все наши дела с речной промышленностью и



забрать их в свое ведение, под свое покровительство. В Парке культуры, например, он подбрасывает всякие приятные сюрпризы, протезируя нам перед министром финансов или министром очередей.

«Парк культуры и отдыха имени совершенно не помню кого. В молодом, неуверенном инее деревянные стенды кино. Жестким ветром афиши обглоданы, возле кассы томительно ждут, все билеты действительно проданы, до начала пятнадцатой минут, над кино моросянка осенняя, в репродукторе хриплый романс... Весь кошмар моего положения — в том, что это последний сеанс».

Это странное стихотворение Александра Межирова, похожее на описание томительно-печального сна, от которого просыпаешься в слезах, — лишь часть громадной литературы, посвященной Парку культуры. Тут вспоминается и «Карусельный Петас» Вадима Шефнера, и опять-таки неважно, что речь там о питерском парке тридцатых годов, — лошадки везде одни и те же, и всем детям одинаково их жалко. Я в детстве всегда плакал от песни «Радионяни» про деревянных лошадок, которые просят отпустить их в ночное, «на прохладный мокрый луг». Нынешние времена меньше располагают к сентиментальности, и Парк культуры стал местом действия перестроенного американского боевика. От нашего парка там нет почти ничего — изображен какой-то пункт встреч мафио-

зи и их юных подручных. У кого что, тот о том и... У нормального москвича парк вызывает ностальгическую печаль — то ли это тоска по детству, то ли сожаление о тех временах, когда открывались парки культуры и отдыха. Как ни крути, они остались приметой тоталитарных времен — так же, как детские городки во дворах с вечно скрипящими качелями, как лазилки и карусели на бывших пустырях возле новостроек, как столы для домино, как облупившиеся горнисты и девушки с веслами. Время остается не в страшных или смешных своих проявлениях, не в газетных хрониках, а в парках культуры и отдыха, в конфетных фантиках и коробках, где теперь хранят письма или гвозди, в остатках ампирической роскоши и карусельных лошадках.

Парк по нашим временам — весьма доходное предприятие. Он приносит стабильную прибыль и по мере сил совершенствуется, но, по счастью, это совершенствование не меняет его лица. Он никогда не выглядел наглым и преуспевающим — всегда рассеянным и несколько печальным. Сколько бы ни орала музыка — на все здесь глядишь с тихой улыбкой, с какой всегда смотрят на чужую молодость. Прошлое наше осталось тут — во влажном речном воздухе, в ивах, в запахе цветущей липы, в лодках и водных велосипедах, в роликовых коньках. Сюда мы приходили с нашим неприхотливыми девушками. Сюда во время прогулов и отгулов

сбегали приобщаться к веселой свободе. Здесь тратили первые заработки на мороженое и американские горки. Сегодня таких парков не разбивают. Они пришли к нам оттуда и остаются напоминанием о лучшем, что было в тех временах. Я понимаю «Трудовую Россию», так часто митингующую у входа в Парк культуры. Людям на карусели хочется. Это осталось с тех еще времен, ибо наши больше похожи на крутящуюся дурную бесконечность неостановимой карусели из старого фильма Вайды «Все на продажу!».

А Мандельштам очень любил Парк культуры. Москва начала тридцатых его часто пугала, а тут он себя чувствовал прекрасно. «Там, где купальни-бумагопрядильни и широчайшие зеленые сады, на реке-Москве есть светоговорильня с гребешками отдыха, культуры и воды. Эта слабогрудая речная волокита, скучные-нескучные, как халва, холмы, эти судоходные марки и открытки, на которых носимся и несемся мы. У реки Оки вывернуто веко, оттого-то и на Москве ветерок. У сестрицы Клязьмы загнула ресница, оттого на Язуе утка плышет. На Москве-реке почтовым пахнет кле-ем, там играют Шуберта в раструбы рупоров. Вода на булавках и воздух нежнее лягушачьей кожи воздушных шаров».

Все так. Бог даст, так и останется.



ВЛАДИМИР ШИШОВ

Кинотеатр: Жизнь после жизни

Вы давно последний раз были в кино?

Те, кому я задаю этот вопрос, либо удивляются совершенно искренне, либо обижаются. Среди моих знакомых есть люди, которые за последние полгода-год побывали в районе Северного полюса, на острове Крит, в «Белом доме» во время штурма, в Абхазии, когда оттуда бежал Шеварднадзе, в камере предварительного заключения, в публичном доме. И только одного из них судьба занесла за это время в простой московский кинотеатр — посмотреть фильм. И то у него была уважительная причина — он ухаживал за девушкой.

Московские кинотеатры величественны и монументальны. Они, как крепостные форпосты, встречают приезжих у кольцевой автодороги, радуют глаз среди однообразных хрущевских пятиэтажек, украшают собой спальные районы. Они сделаны из серого бетона, гармонирующего по цвету с московским небом. За огромными квадратными стеклами зеленеют пальмы в кадках. Большею частью все это создавалось в шестидесятые—семидесятые в расчете на всесоюзные премьеры, на

«Укрощение огня» или «Солдат свободы». Иногда здесь радовали народ и другим искусством — и тогда многометровая очередь тянулась от кассы до следующей автобусной остановки. То какой-нибудь «Козерог-1» показывали советскому зрителю, то костюмные фильмы с Жаном Марэ, то отечественный «Экипаж».

Сейчас кинокритики уже устали писать о том, что система проката в стране уничтожена. Посмотреть российский фильм (да и хороший зарубежный) — невозможно. Картины до зрителя не доходят. Между тем кинотеатры, в которые ходил народ десять лет назад, исправно работают и сейчас. Их былое, нормальное существование прекратилось. Но это отнюдь не мертвые монументы былой эпохи. Наоборот, они зажили новой жизнью — очень интенсивной, энергичной и бурной.

«...Прямо перед нами мы увидели остов разбитого корабля. Водоросли облепили его со всех сторон. На палубе рос кустарник, густо усыпанный яркими цветами». Московские кинотеатры напоминают такие заброшенные корабли, неотврати-

мо и быстро захваченные местной флорой и фауной.

Огромное здание с двумя этажами, несколькими залами, вентиляцией, отоплением. «Это искусство!» — как вздыхает героиня популярного рекламного ролика. «Кто, кто в теремочке живет?» Разные люди живут в теремочке. Мощных фирм, которые могли бы арендовать весь кинотеатр, от подвала до чердака, немного. Поэтому его продают дольками, как торт. Самый лакомый кусочек — большой вестибюль — предназначается для какой-нибудь великой цели. Например, здесь будет устроена выставка-продажа бельгийской сантехники. Или итальянской мебели для дома. Или автомобилей. Или же какая-нибудь торговая фирма повесит перед входом торжественно-простодушную вывеску: «Торговый дом предлагает оптовыми партиями лучшие импортные компьютеры, аудио- и видеотехнику. Всегда имеется охлажденное пиво».

Когда вы открываете стеклянную дверь кинотеатра, у вас не спрашивают сурово: «Где ваш билет? Вместо этого вежливо интересуются: «Вы ак-



ции покупаете или меняете валюту? Ах, вас интересует садовый инвентарь? Тогда вам направо».

У входа в большой зал поставлены прилавки. За стеклом — шампуни, дезодоранты, глазные капли. Рядом можно приобрести семена — «Морковь нантская». «Огурчики грибовские». Салат «Кучерявец». В углу гора коробок — «предлагаем вам новый препарат, очищающий водопроводную воду от цезия». В малом зале вечером открыты компьютерные курсы, утром заседают религиозная секта. Под лестницей — турфирма, в подвале — общество с ограниченной ответственностью, в буфете вам за триста рублей сделают ксерокопию любого документа. В кассовом зале стоят игральные автоматы — окрестные подростки с помощью одноруких бандитов расстаются с дневными заработками. Пробиравшись к окошечку, протягиваешь кассиру полторы тысячи за билет. Он смотрит на тебя с недоумением. «Вам билет в кино? Вы не туда обратились, это — в последнем окошке справа. Я продаю лотерейные билеты».

Зритель, который пришел на дневной сеанс, чувствует свою здесь неуместность. Пока он тут развлекается, все вокруг занято важными делами. Все шуршит, шевелится, молотки где-то вдали стучат, какие-то люди ящики таскают. Зато вечером, на семи- и восьмичасовых сеансах, здесь страшно. Кинотеатр пуст, холоден, темен. Немногие посетители робко спускаются в зал.

Кто же ходит сейчас в кинотеатры?

А никто не ходит.

Любители крутых боевиков давно обзавелись видео. Чувствительные поклонницы мелодрам, лет десять назад смотревшие индийские и арабские фильмы, наслаждаются 567-й серией мексиканской мыльной оперы. Сложнее всего интеллигенту. Умные люди объясняют ему в газетах и журналах, что в кинотеатр ходят прежде всего не думать, а развлекаться. Что видеобизнес рассчитан на массу, а не на людей с хорошим вкусом. Что телевидение по своей природе должно быть глупым, а литература — вообще умерла. Интеллигентный зритель бродит как в трех соснах между Киноцентром, «Иллюзионом» и Домом Ханжонкова, где еще можно посмотреть что-то стоящее.

Яркие афиши со сногшибательными анонсами никого не привлекают — они вызывают только скуку. Афиша зовет: «Эротика-детектив, Супермодели из «Плейбоя». Необузданные сексуальные порывы!» Зал полупустой. «Сердце любовника,

мозг убийцы. Криминальная драма. Зал полупустой. Объявление о каком-нибудь супербоевике... Нож в спину, удар в сердце, робот-супермен-динозавр, кровь, смерть, разрази меня гром... В зале сидит десять скучающих подростков.

В кино больше не ходят. Сюда забредают. Здесь убивают время. Здесь скрываются от дождя. Здесь скрываются от скуки.

Герой мопассановского романа «Милый друг», состоятельный парижанин, жаловался приятелю: «Париж, в сущности, скучный город. По вечерам здесь некуда пойти». Сочувствуем господину Форестье — у нас в Москве, знаете ли, та же история. Пойти — некуда.

Проблема досуга — роковая для России. За последние несколько лет в стране смогли ликвидировать дефицит товаров, уничтожить очереди, запретить коммунистическую партию и разделаться с советской властью. Но для среднего горожанина Москва вечером по-прежнему — город скуки.

Те полтора десятка человек, которые придут в кинотеатр, получают какую-то иллюзию нормальной жизни. На ближайшие полтора-два часа у них есть чем себя занять. Они будут ходить по фойе, рассматривать автомобили или итальянские кровати в стиле модерн. Можно насладиться живописью — на стенах с незапамятных времен остались висеть картины каких-то неизвестных подражателей Левитана — речка, берег. Вот мостик, он уж развалился... Посетители могут прямо как нормальные люди посидеть в кафе — молчаливая буфетчица нальет им по стакану импортного сока, пахнущего мылом. На пластмассовую тарелочку с глу-

хим стуком упадет сохшееся, безумно дорогое пирожное.

Наконец их пригласят в зал, где тихо, тепло, с неба не капает, а на экране к тому же мелькают какие-то картинки.

Об уровне так называемых фильмов «класса Б», которые главным образом идут сейчас в московских кинотеатрах, писали много. В них поражает даже не низкий художественный уровень, а какая-то душераздирающая, отчаянная бедность. Такое впечатление, что на деньги, которые были потрачены на производство этого «Сделано в США, совм. Гонконг, совм. Алжир», в Москве можно разве что пару раз посидеть в ресторане. Из-за вялых кустиков — выбегают восемь перемазанных статистов — кровожадное племя дикарей похищает героиню. Когда голос за кадром объявляет, что войско вооруженных мятежников захватило дворец президента — на экране показывают угол какой-то веранды (возможно, в доме продюсера). Человек в форме бьет другого ногой в челюсть. Все.

Иногда в Москве вдруг всплывает какое-нибудь французское или итальянское старье, созданное лет пятнадцать назад и не сделавшее чести благородному европейскому кинематографу. Пленка выцвела, вместо красного цвета — розовый, вместо черного — коричневый. Странные моды конца семидесятых, выщипанные брови...

Зрительный зал ведет себя соответственно. Такое впечатление, что обе стороны соревнуются в том, кто кого в большей степени презирает. Группа парней передает друг другу бутылку с пивом. Аппетитное булканье заглушает поцелуи на экране, где некрасивая героиня вновь встречается с необаятельным героем. Когда зрителям надоедает сидеть, они прохаживаются по залу. В темноте вспыхивает огонек сигареты. На пол летит шелуха от семечек.

В первом ряду посапывает пьяный. Треск автоматных очередей на экране будит его. Он встает и обращается к сидящим в зале с пылкой и неразборчивой речью. Зрители встречают ее одобрительным гоготом. Все-таки — развлечение.

В стороне от всех целуется молодая пара. Им никто не помешает — все равно на ближайших пяти рядах нет ни одного человека. Жаль только, что сеанс такой короткий. Уже неотвратимо приближается развязка. Злодей будет убит. И спасенная героиня улыбнется с экрана всеми своими тридцатью шестью лошадиными зубами.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО





ЛАРИСА ПАНКРАТОВА

Жили люди...

Выставка «Культура и быт 1920—1960 годов»

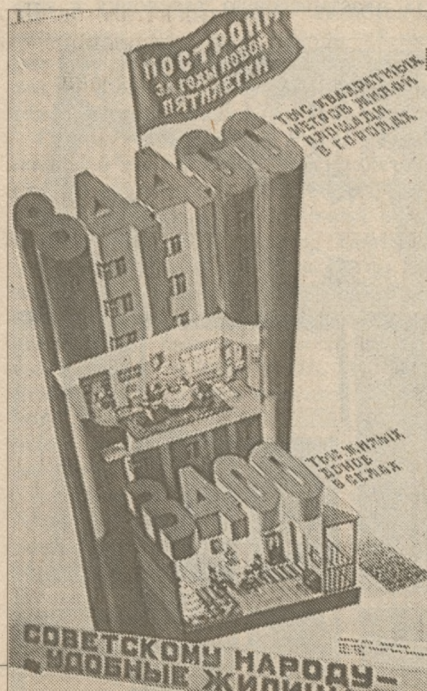
Давно ли выбросили вы жестянки из-под черной икры старой упаковки или монпасье леденцового?.. А осколки семейства мраморных слоников с поднятыми хоботами — популярного антуража 50-х годов?.. Да и кому придет в голову, что все это «старье» — полноценные экспонаты из хранилища Государственного исторического музея (ГИМ).

Сюда приходят беззаветно преданные своему увлечению — фанатичные коллекционеры с клясерами довоенных спичечных этикеток, старушки с хорошими манерами из «бывших», чьи внуки и правнуки «поколения пепси» — увьи! — не в силах оценить бабкину коллекцию изданий пролетарских поэтов или что-нибудь в этом роде. Альтруисты дарят музею раритеты, кое-кто продает их, но за символическую плату. Иногда сотрудники музея дают объявления и сами выискивают «антик». Впрочем, заслуживают места на музейных полках даже мелочи двадцати—тридцатилетней давности.

Часть этих бытовых пустячков ГИМ собрал на выставку под названием «Культура и быт 1920—1960 годов» в Новодевичьем монастыре. Основная масса вещей — из изъятых на таможне. «Ценители послереволюционного плаката», по мнению искусствоведов, подобрали экспонаты с большим вкусом: хотели вывезти шаржи знаменитого иллюстратора Лебедева, марки, театральные и кинофиши, уникальную коллекцию фантиков от конфет (тех самых «пролетарских» да «комсомольских»),

которой нет ни в одном музее страны. ГИМ добавил к ним антураж разных эпох из своих хранилищ — одежду, мебель, утилитарные мелочи, купленные по случаю «у народа».

— Взвесьте мне полфунта «Пролетарской малины» и триста граммов «Интернационала!» — душевно звучит, не правда ли? А ведь именно такие идеологизированные «конфеты» (не «конфеты», а по-старинному — «көнфекты») продавались в двадцатые годы в кондитерских. С карамелью «Комсомолка» гоняли чай упитанные энпанши, прихлебывая из



«серпасто-молоткастых» кружек.

Тридцатые годы представлены первой общепитовской тарелкой и горчицей из столовой НКВД, а также кружкой с улыбающейся пышногрудой трактористкой. Скучный быт — примус, закопченный чайник, бельевые прищепки из коммуналки, каждая из которых подписана инициалами хозяйки. И грустно, и смешно. Вот и зонтик от солнца, белая панамы и суперзакрытый купальник высококонраственной работницы-комсомолки...

Пятидесятые годы работники выставки попытались воссоздать через витрину ГУМа путеводителем по нему и массой фотографий. Например, альбом 1957 года: «Зарубежные гости Фестиваля молодежи и студентов делают покупки в главном универсаме страны».

— Мы долго искали в хранилищах ГУМа хотя бы один экземпляр массивной кассовой будки, прилавка или манекена, но тщетно, ничего не сохранилось, — с сожалением заметила сотрудник музея Татьяна Насибулина. Кстати сказать, по рекламным проспектам 30-летней давности мы видим, что стиль подачи товара не изменился: «Покупайте товары в магазинах «Курортторга» или «Магазины Мебельторга — к вашим услугам». А сейчас некоторые «моды» даже возвращаются, например, на «мещанские» открытки 50-х годов, типа «люби меня, как я тебя», в свою очередь «позаимствованные» еще из дореволюционной жизни.

У многих эта выставка вызовет ностальгию по ушедшим временам, когда по нашим дорогам не разъезжали «вольво» и «мерседесы», в помине не было коммерческих ларьков и турецкого ширпотреба. Как знать, может быть, и нам надо сохранить обертку от «Мишки» или «Сникерса», чтобы через пятьдесят лет выставить в музее?..

Юлия МАРЬЯШКИНА



Фестиваль «ФАВОР»

14, 15 и 16 октября в Москве пройдет грандиозный праздник межконфессионального музыкального церковного искусства — международный христианский музыкальный фестиваль «ФАВОР».

Более 40 христианских хоровых, музыкальных, вокально-инструментальных коллективов на концертной площадке Московского Дворца молодежи будут оспаривать право стать лауреатом фестиваля «Фавор». Все средства от фестиваля будут направлены на благотворительные цели.

Программа проведения фестиваля:

14 октября. Начало в 17.00. Торжественное открытие фестиваля. Классические духовные и церковные произведения в исполнении профессиональных, полупрофессиональных и любительских коллективов. Хотя фестиваль и христианский, в программе будут принимать участие и светские коллективы, исполняющие христианский репертуар. Но прежде всего это, конечно, церковные хоры, молодежные христианские коллективы из православных приходов, общин, миссий. Конец работы первого дня фестиваля в 21.00. По итогам первого дня жюри объявляет победителя христианского классического жанра.

15 октября. Начало в 17.00. Четыре коллектива еван-

гельских христиан-баптистов исполняют классический баптистский репертуар. Четыре коллектива от адвентистов седьмого дня выступят с песенным репертуаром из своего золотого фонда. Также по четыре коллектива представят программу от пятидесятников и католиков. Два коллектива от Армии Спасения, по одному коллективу от лютеран, реформаторов, меннонитов, квакеров, молокан, проживающих на территории России и СНГ. Конец второго дня фестиваля в 20.00.

16 октября. Начало в 17.00. Христианские конфессии исполняют свой репертуар на языках народов ближнего и дальнего зарубежья. Они будут прославлять Бога вместе с харизматами, зарубежными миссиями, светскими ансамблями и хорами. Конец третьего дня фестиваля в 20.00. По итогам второго и третьего дней жюри объявляет двух лауреатов. Председатель жюри, представитель Министерства культуры РФ, Московской Патриархии, РХДС, Правительства Москвы подпишут дипломы и вручат награды победителям.

Адрес оргкомитета:

109028, Москва, Малый Трехсвятительский (бывш. Малый Вузовский) переулок, дом 3, Христианский Культурный Центр «Логос», тел. (095) 917-48-62

Международная ассоциация журналистов «АСМО-пресс»,
издатель серии престижных каталогов «Дарин»,
извещает о выходе в свет во втором полугодии

1994 года следующих изданий:

“Элита бизнеса. Содружество Независимых Государств”

“Элита Российского бизнеса—95”

“Знаменитые женщины России”

“Банки России—95”

“Туризм—люкс”

“Шарм”

По вопросам рекламы:

270-6930

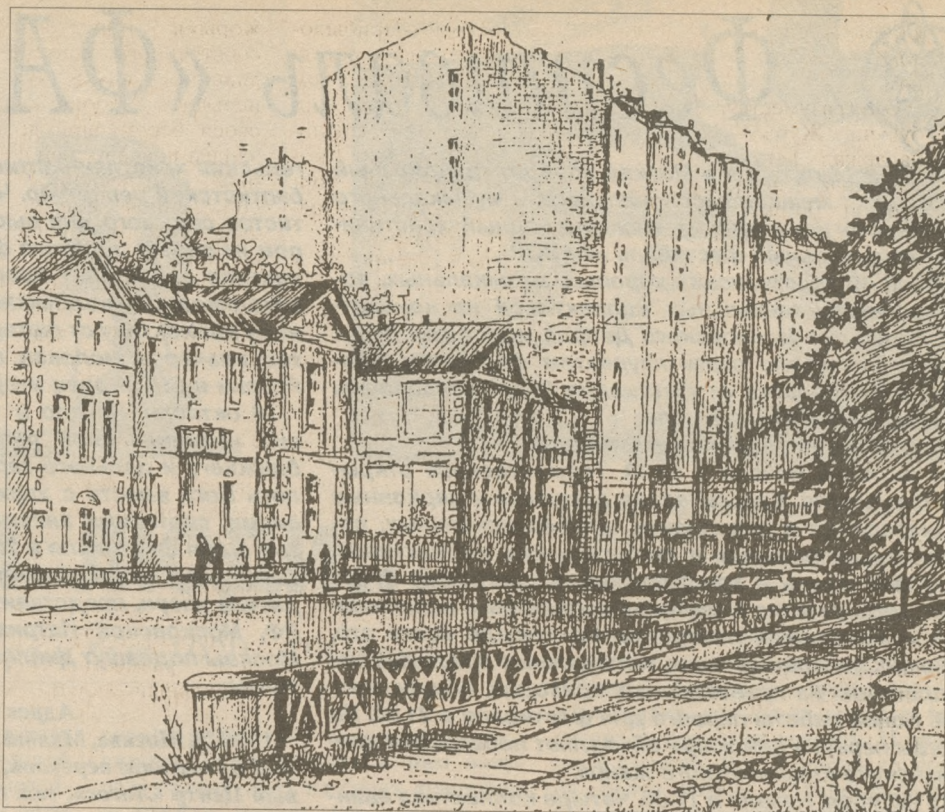
По вопросам приобретения:

270-3300



Алексей
МИТРОФАНОВ

Ползущий бульвар



ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Москва — город движущейся недвижимости. Здесь путешествуют с места на место не только монументы и дома, но и бульвары. В частности, до середины нынешнего века бульвар Никитский начинался много ближе к улице Арбат. Когда же провели Калининский проспект и сделали туннель, бульвар как бы укоротился. С другой же стороны, у улицы Никитской, тогда же снесли здание, что высилось в торце бульвара. А сам бульвар как бы продлили.

В результате получилось — переполз.

Как очарователен бульвар Никитский, как милы его старушки и детишки, его собачки, кошки, мышки, алкаши — весь этот легкомысленный бульварный контингент. По бокам же возвышаются дома, в которых было столько горемычного, трагичного, мистичного, что, право, на-

Никитский бульвар назван был по Никитским воротам крепостной стены Белого города. С 1950 года и до недавнего времени именовался Суворовским. В честь полководца, который родился поблизости. Но не на бульваре.

чинаешь сомневаться в том наивном копошении, что происходит под деревьями, на лавках.

Первое здание по правой стороне — дом номер 6. Строения 2 и 4 съедены площадью еще перед второй мировой войной. Это же — осталось. В восемнадцатом столетии оно принадлежало Шаховским, а в девятнадцатом им завладел Ф. Кокошкин, директор московских театров, ненавидящий Шекспира и сам игравший в Знаменском апраксинском театре.

В нашем столетии была тут студия актера Михаила Чехова, племянника Антона Павловича. «Из чеховской студии не получилось театра... — писала одна из участниц. — У него не было даже стремления сделать каждого из нас актером, он не чувствовал ответственности за нашу судьбу».

Сейчас в том здании московское отделение



Союза журналистов, а рядом — собственно Журдом.

Он (разумеется, еще не будучи Журдомом) принадлежал Гагариным, затем жила в нем дочь Екатерины Дашковой, затем — принадлежал Головкиным, а после — богатым купцам Прибыловым-Макеевым. И Пушкин через день после своей злосчастной свадьбы танцевал тут на балу.

Когда случилась революция, устроили здесь Дом печати, на открытие подав селедку с черным хлебом, чай без сахара — голодала страна. Маяковский тут играл на бильярде (разумеется, на деньги), Луначарский читал свои не слишком-то талантливые пьесы, а Мейерхольд распался на диспуте, посвященном упразднению Большого театра.

И Есенин пел свои частушки:

*Я сидела на песке
У моста высокого,
Нету лучше из стихов
Александра Блокова.*

А через некоторое время смертельно больной Блок читал в Доме печати свои стихи. Ему тогда сказали, что он умер как поэт, и спустя три месяца он в самом деле умер.

Прошло еще пять лет, и в Доме печати положили для последнего прости труп самого Есенина со ссадинами на лице — в петле качаясь, он расколол себе лицо о батарею.

И играл в том здании театр Мастфор, что означает — мастерская Форрегера. Директором же этой мастерской был критик Осаф Литовский — известный гонитель Михаила Булгакова и прообраз критика Латунского.

Сейчас Журдом — пристанище непризнанных спивающихся гениев из многочисленных многотиражек, и в качестве последнего курьеза из Подмосковья прибыл «наследник» здания, почвовед Олег Владимирович из ро-

да Макеевых-Прибыловых. Понимая, что претендовать на целый дом бессмысленно, он попросил себе какую-то пристройку. Ему, конечно, отказали и торжественно вручили входной билет в Журдом.

А в здании напротив у религиозного фанатика А.П.Толстого жил несчастный Гоголь. Больной, с ума сходящий, он попал под «покровительство» священника Матвея Константиновского, человека строгого и набожного донельзя. Батюшка угонял писателя покаяться и больше не писать греховных книжек, а вместо этого заняться благостными религиозными сюжетами. Гоголь попробовал, но ничего из этого не вышло. Зато после одного из визитов священника он сжег в камине второй том «Мертвых душ».

Перед смертью Николай Васильевич всех в ужас приводил своими странными речами. «Поднимите, заложите, на мельницу, ну же, подайте, — кричал он. — Давай, давай! Ну что же!» Вдруг заорал: «Лестницу! Поскорее давай лестницу!» И отошел.

Черновики же пресловутого второго тома, вероятно, уничтожил хозяин дома — А.П.Толстой.

Сейчас там размещается библиотека номер 2 имени Гоголя. Она — одна из самых трогательных городских библиотек. В комнатах, которые когда-то занимал несчастный гений, — маленький музей. И два раза в неделю сухоньякая бабушка за просто так показывает вещи из эпохи Гоголя, диван, другу Погодину принадлежавший, и легендарный камин.

Пожалуй, самый ценный на бульваре памятник архитектуры — так называемый дом Луниных, номер 12. Выстроил его маэстро Д.Жильярди для господина Лунина («крикуна, сумасброда, грубого остряка и об-

жоры»). Он погубил собственного, еще не родившегося внука — желая испытать любовь к нему своей беременной дочери, злодей послал к ней с ложным извещением о собственной смерти. Результатом того испытания сделался выкидыш.

Лунины владели зданием недолго. Строить его начали в 1818 году, а в 1821-м им уже владела Московская контора Государственного банка, учреждение, загадочное хотя бы тем, что в начале нынешнего века, во времена гонений как на евреев, так и на масонов, на фасаде красовалась огромная шестиконечная звезда.

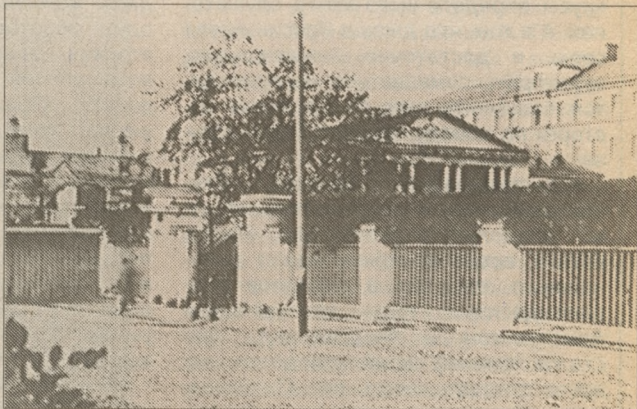
При советской власти в доме разместился автомобильный клуб, затем всякие детские учреждения. И в 1984 году сюда переехал Музей искусства народов Востока, в наши дни известный своей гнусной тяжбой с Центром Рериха из-за коллекции картин обоих Рерихов.

Напротив два огромных и бесформенных уroda красного кирпича — доходные дома начала нынешнего века, вероятно, просто недоделанные по причине недостатка средств. В них размещалось Общество распространения практических знаний между образо-

ванными женщинами, женская гимназия мадам Дюлу, известная своими музыкальными уроками, фармацевтическое училище (ныне — факультет «первого меда»). В после-революционные же годы здесь была известная квартира Зои Шатовой, притон для избранных, прообраз «Зойкиной квартиры». Как нетрудно догадаться, он имел прямое отношение и к фармакологии и к музыке.

Последнее же здание на этой стороне — дом работников табачной промышленности, построенный вместо снесенной колокольни церкви Федора Студита. Здесь проживала Елена Сергеевна, вдова Михаила Булгакова, здесь ее посещала Ахматова, здесь сейчас кафе «быстрого типа» «Бургер Квин» — словно злая пародия на знаменитый «Макдоналдс». Здесь — тоже гамбургеры и чизбургеры, здесь — тоже чай и кола и такие же кассовые аппараты. Но за ними — никого, сотрудницы сидят за столиком для посетителей и трепяся о чем-то, а редкий посетитель, постояв у прилавка и видя, как ему рады, покидает помещение и идет Тверским бульваром в сторону «Макдоналдса».

*Никитский бульвар, 1900-е годы
Фото из собрания М.Струкова*





Частный капитал + джаз = престиж



На первый взгляд эта идея может показаться более чем рискованной и коммерчески неблагоприятной: круглые сутки пускать в эфир джаз и музыку соул. Это в нынешней ситуации, когда даже вполне консервативный «Маяк» делает все более сильный крен в сторону эстрады. При том, что последний благополучно существует, главным образом, на государственных дотациях, а «Престиж-радио», о котором, собственно, речь, сейчас является единственной частной музыкальной радиостанцией.

Однако именно открытие полтора года назад «джазовой волны» свидетельствует о том, что наш музыкальный эфир начал разумно структурироваться, т.е. ориентироваться на вкусы определенного круга слушателей. А в том, что джаз в России имеет свою, и достаточно значительную, аудиторию, сомневаться не приходится: вспомните хотя бы недавние восторги по поводу приезда Рея Чарльза.

«Престиж-радио» основал Станислав Панич, и, соответственно, он же владелец радиостанции. Панич, кстати, вовсе не принадлежит к поколению тех, кто в пятидесятые—шестидесятые годы заслушивался Армстронгом и Фицджералд, просто по причине своей молодости: ему всего тридцать шесть лет. Он закончил Киевское эстрадно-цирковое

училище и был, между прочим, первым продюсером программы «Оба-На» — еще той — ненатуральной и остроумной. Вообще, интуиция и активность Панича заслуживают отдельного разговора, даже не связанного непосредственно с «Престиж-радио». В частности, выступление одной из самых профессиональных российских команд — «Лиги блюза» и оркестра под управлением Крола — на проходившем недавно в Монре́ джазовом фестивале спонсировала компания Станислава Панича.

Подобрав на «Престиж-радио» штат профессионалов, Панич не ограничился чисто директивными функциями. По его инициативе все сотрудники прошли так называемую школу психологической коррекции, дабы коллектив представлял собой один работоспособный организм. И это как нельзя лучше соответствует музыкальной концепции «Престиж-радио». Сами сотрудники характеризуют свой «товар» как «релаксационную музыку», т.е. обеспечивающую душевный комфорт. Согласно этому кредо и составляются программы. Например, с утра здесь не станут передавать минорный блюз — это все-таки не самая мобилизующая музыка. Зато вечером послушать, например, «Koto Song» Дэйва Брубэка — как нельзя кстати.

«Престиж-радио» не замыкается на джазе. Как уже говорилось, тут

звучит и соул, и фьюжн, и нью эйдж, и фанк — музыка тоже вполне релаксационная, но при этом в некоторых своих образцах пользующаяся всемирной популярностью. К соулу, например, равнодушны Уитни Хьюстон и Майкл Джексон. И все же, согласитесь, это не самый привычный репертуар для обычных FM станций. Поэтому вполне естественно, что такой смелый выход из общего ряда вызывает массу сложностей в борьбе за слушателя, так как аудитория станции количественно заметно уступает радиостанциям, ориентированным на популярную музыку. Однако при этом социологические исследования показали, что большую часть слушателей «Престиж-радио» составляют «люди среднего возраста, занятые в негосударственном секторе экономики», то есть более искушенные, а значит, и более требовательные как к качеству программ, так и к качеству звука. Очевидно, что изначальный расчет строился именно на такую публику, в связи с чем в названии и возникло слово «престиж».

Однако собственно радиостанция, как говорит Панич, не самоцель, а лишь часть большого проекта, включающего в перспективе и телевизионные эфиры, и даже создание элитарного клуба. Пока это вопрос времени и денег. Но, по крайней мере, престиж уже заработан.

Алик РУСАКОВ

ЕВГЕНИЙ БАЧУРИН: ПЫТАЮСЬ ПРИМИРИТЬ ЗЕМЛЮ И НЕБО

Бард с гитарой и кистью



Молчание

Из Ленинградской академии художеств его выгоняли дважды. Первый раз спас тогдашний вице-президент Б.В.Иогансон. Тот самый Иогансон, что написал «Допрос коммунистов», начертал на деле Бачурина резолюцию: «Оставить в покое и перевести на второй курс, если не будет косить глазом на Ван-Гога». Где этот столп соцреализма нашел Ван-Гога в первых ученических работах, непонятно, но упрек в заимствовании все равно был обиден, и с той поры Евгений начал разрабатывать свой собственный, не похожий на чужие, стиль.

А из академии его все-таки выгнали — в другой раз. Пришлось вернуться в Москву и закончить Полиграфический институт: все возвращалось на круги своя — из Полиграфа он в свое время и перевелся в Академию. Но художником он стал и без нее. В Полиграфическом институте в конце 50-х годов давали вполне приличное профессиональное образование.

Это потом он станет писать песни, петь их в компаниях, втайне завидовать Высоцкому, Галичу, Киму и Окуджаве и сублимировать это чувство в живописи. Но это потом... А тогда, после окончания института, иллюстрировал очерки и рассказы в

«Неделе», «Смене», «Науке и жизни», в «Детгизе», «Худлите». То есть вел жизнь профессионального художника. Не хуже и не лучше других.

Но от графики тянуло к станковизму, к литографии. И в конце 60-х он бросил оформительство книжек. В Союз художников его приняли как станковиста.

А потом пошли песни. Много: они нахлынули, выплеснулись наружу, запросились на бумагу и магнитофон. Поскольку сам был художником, то и пел сначала в основном для коллег, для той «команды», которая обосновалась на Сретенском «Монмартре». Певцом мастерских окрестил его тогда Илья Кабаков.

Он даже чуть было не стал профессиональным композитором. Дело было в 1977 году. Песни Е.Бачурина услышал один из старейших наших композиторов, А.Н.Александров (не тот, у которого Краснознаменный ансамбль, а его однофамилец). Песни ему настолько понравились, что он загорелся желанием сделать Бачурина членом Союза композиторов. Сказано — сделано: Александров написал письмо в приемную комиссию Союза, и Евгения вызвали на прослушивание. Он исполнил всего шесть песен, но уже на второй ему начали аплодировать, и остальные он пел под овации таких корифеев отечественной эстрады, как Пахмутова, Птичкин, Тухманов, Богословский... Корифеи единогласно решили принять в Союз, в порядке исключения, этого самородка, нигде не учившегося музыке и даже не знавшего нот. Однако в конце концов дело с приемом Бачурина почему-то сошло на нет.

...Не сказал бы, что при всей своей популярности Бачурин сегодня процветает. Квартиры нет. Мастерской нет. Точнее, есть и то и другое, но «в единственном лице» на первом этаже 16-этажной башни. Свежевымытые полы и стекла, на стене — работы с недавней выставки и маленькая иконка. Живет Евгений Бачурин лишь на то, что ежегодно продает 3—4 картины.

— Вы пытались определить, кто вы больше — художник или бард?

— Раньше это было сложно, а сегодня (последние десять лет) я почти целиком погрузился в живопись. Хотя все равно то фрагмент воспоминаний выплеснется на бумагу, то какие-то стихотворные строчки.

— В живописи вас называют «романтическим сюрреалистом». Почему?

— Потому что я сам себя так назвал. А кто-то из искусствоведов услышал и стал использовать термин...



Наверное, в определенной степени я согласен с ним. Есть сюрреализм, который работает на ситуацию. Ситуация, которую вы видите на картине, невероятно фантастична, она — как сон, представляющий собой вариант иного существования. Я это называю ситуационный сюрреализм. Ярчайшим представителем его нужно считать Сальвадора Дали. Если

далее углубиться в историю, то одним из самых мощных художников был великий Иероним Босх, который заложил основы сюрреализма такого плана. А что касается моего сюрреализма, то ситуации во всех моих картинах достаточно странны, но я не делаю вместо человеческих ног паучи, не делаю фигуры на переднем плане такой же величины, как фи-



Поэтесса

гуры, стоящие на горизонте, не путаю пространство, ну и так далее. Сюрреалистичны в моих работах, скорее, колорит, ритм.

Ну а романтический мой сюрреализм потому, что я по своей природе человек, тянущийся к облакам. Вы заметили, наверное, что на моих картинах обязательно присутствуют облака? Я без этих небес жить не могу. И иногда в шутку называю себя художником-«облакистом». Я пытаюсь сделать невозможное: найти примирение между землей и небом. Хотя знаю, что его практически не бывает.

— **Кроме облаков на ваших картинах обязательно присутствуют заборы...**

— Заборы России — это особая

статья. Мы в заборостроении преуспели, как ни в чем. Потом, забор представляет собой очень непростое сооружение: мало того что он отсекает одного человека от другого — он несет в себе и определенную смысловую нагрузку. А когда забор состоит из призм и гнутых поверхностей, то он мне представляется необычайно интересным как чисто пластический элемент. Я очень люблю вписывать архитектурные детали в свои картины, создавать впечатление недавно найденного и чудом раскопанного таинственного мира. От этого мира остались люди в окаменевших позах, заборы с разбитыми краями, какие-то бетонные сооружения с огромными трещинами, сле-

ды катастрофы. Мои картины — это изображение остатков какого-то очень несовершенного и трагического мира.

Особый разговор о персонажах картин Бачурина. Люди на них странно знакомы, запечатлены в обычных ситуациях, но в то же время не кажутся реально существующими. Скорее — шагнувшими на картины из сновидений художника, с фотографий, сделанных каким-то таинственным аппаратом, который показывает нам только фигуры людей, их позы, но не их лица и глаза. Последние сначала кажутся пустыми, но если внимательно их рассмотреть, то видно, что они вполне живые и осмысленные.

— **Кто ваши любимые поэты?**

— В поэзии, в отличие от живописи, у меня четкие пристрастия. Я бы назвал в первую очередь Тютчева, Фета, Заболоцкого, Хлебникова. И, наверное, Ходасевича. Вот эти поэты мне чрезвычайно дороги и близки по духу. А из сегодняшних затрудняюсь кого-нибудь назвать...

*Мы живем в ожидании вишен,
В ожидании лета живем,
А за то, что одной лишь надеждою
дышим,
Пускай нас осудят потом...*

— **Вы дожили или надеетесь дожить до этих благословенных вишен?**

— Это ностальгия по тому, чего, видимо, никогда не будет. Мое поколение жило надеждой, да и ваше поколение будет жить надеждой на лучший вариант, но доживет ли оно до этого, я не знаю. Красота и прелесть мечты заключается в том, что она неосуществима.

— **В вашем варианте знаменитая фраза Достоевского звучала бы, вероятно, так: «Надежда на красоту спасет мир»?**

— Мне кажется, что спасти или улучшить мир можно только одним способом — обращением к религиозно-нравственному началу. Только верующий человек способен создать внутри и вне себя некую гармоническую модель.

А что касается мечты, она крылата и недостижима, как синяя птица...

*Деревя вы мои деревья,
Что вам голову гнуть-горевать.
До беды до поры
Шумны наши шатры,
Терема, терема, терема...*

Максим БАТШЕВ

Сцена из спектакля «Исповедь сына века»

ОЛГА ЧУМАЧЕНКО



Обломки нового в областном

**«Исповедь сына века»
Московский областной театр им. А.Н.Островского,
реж. Клим**

Областной театр расположен в Кузьминках, в громадном кирпичном здании под названием «Дворец искусств». В здании имеются безбрежные вестибюли, такие же фойе с паркетом, пылающим глянецом, и чудовищный, как в кинотеатре «Россия», зал. Здание, таким образом, велико и обильно, а спектаклей в нем нет. Все это важно знать, чтобы представить себе, каким таким варягом Клим, не вылезая из тесного подвала, прибыл княжети и володети сценой Дворца. Клим заслонил сцену сразу трилогией. Три вечера можно созерцать изысканную сценографию Ларисы Ломакиной, где дымчатые или черные занавеси окутывают высланный белым и зеленым планшет, а беспредметные декорации, подобные кубикам гигантского конструктора или кускам бродинггетского рафинада, танцуют бесконечно замедленный контрданс с плетеной мебелью и поминутно переодеваящимися актерами. Три вечера можно слушать тексты Альфреда де Мюссе: по основе трех его сюжетов — «Подсвечник», «Любовью не шутят» и «Венецианская ночь» — актеры-челноки наплели нитей из других пьес, романа «Исповедь сына века» и даже из статей. Нити челнока, как водится, так заткали основу, что «обычный» сюжет еле

теплится, зато «посторонние» рассуждения и расчувствования, песенки популярных в прошлом композиторов, вроде Франца Шуберта и Пола Маккартни, внезапные клоунады и апарта, игры в салки и в «замри» создают замысловатое узорочье спектакля. Так, погружаясь в текст, начинаешь грезить, вызывая в памяти сотни звучаний и образов, так оттягиваешь веко и, плода миражи, вспоминаешь, что предметы имеют очертания. И для того, чтоб еще раз поговорить о любви, о доблести, о подвигах, о славе, следует перестать привередничать и просто ходить и беседовать где придется — в подвале или дворце. Как будто все обломки слов новы, как будто никакого конца мира, да и самого мира нету в помине.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Кино ни для кого

**«Веня. Последние интервью»
Канал НТВ,
реж. О.Осетинский**

Примерно раз в неделю НТВ демонстрирует «Кино не для всех». Название звучит эдак приманчиво, напоминая рекламные покупки типа «Только Для Вас». Но кому в действительности адресовать это кино, ведущий рубрики, похоже, еще не решил и оттого мечется: то зарядит незатейливый ужасник, то поставит что-нибудь условно-интеллигентское. Впрочем, возможно, что этим занимаются разные люди. В

любом случае мне бы очень хотелось узнать имя того, кто предоставил эфир фильму Олега Осетинского. А лучше — посмотреть ему в лицо. А еще лучше — заглянуть в душу и понять: зачем?! Ибо даже всюю напрягая воображение, я не могу представить себе человека, для которого предназначено это кино. Правда, там есть последние интервью Венедикта Ерофеева. Умиравший писатель говорит сдавленным механическим голосом, прижимая микрофон к перерезанному горлу. Мы уже видели это прежде, но и сейчас, спустя три года после его смерти, зрелище остается захватывающе мучительным. Напряженное усилие, с которым даются слова, как бы сообщает им повышенную значимость. И тем более неприятно, что Осетинский настрогал из них лапшу; тем более пошлым и бездарным издевательством выглядит все, чем они прослоены. Картинки сменяются стремительно и бессмысленно, как в самом шизофреническом клипе. Но там и в безумии имеется система: мелькающие кадры, вспышки, удары по глазам, быстрый танец цвета и света назначены поддержать психоделическое воздействие музыки. А здесь? Какой цели служат эти назойливые одуряющие повторы, это дикое нагромождение ползущих и летящих вперед паровозов, масок, карикатурных кукол, уличных бардов с их бездарными песенками, выдаваемыми за «голос старой Москвы», хроникальных кадров, цитат из старого кино, качающихся лодок с

эротическими парочками, дерущихся юнцов, заваленных рельсов, отклеивающихся Горбачевых, целующихся Брежневых и прочих лысых-усатых, онанирующих статуй, плакатов, лозунгов, джазистов с трубами, глубокомысленной авторской ругани, игрушечных кремлевских башен, подхватываемых за шпиль тихими девочками и, и, и... И апофеоз всего — бесконечный, однообразно-мучительный, как испорченная пластинка, пробег якобы Венечки сквозь электричку, идущую якобы в Петушки, и портвейн из горла, и пьяные рыдания... У меня есть только одно достойное объяснение. Поскольку фильм посвящен «русскому алкоголику с нежной душой», автор, быть может, стремился достичь единства формы и содержания, работая в стилистике тяжелого алкогольного психоза. В самом деле, вся симптоматика налицо: навязчивые «идеи», мучительное «застревание» и судорожные рычки помраченного сознания, полный обрыв логических связей, шмыгающие чертики-вожди — в общем, зритель, решившийся досмотреть это дело, под конец ощущает себя совершенно «в кусках». Сомневаюсь только, можно ли считать сие художественным достижением...

А.З.

Зеркала и отражения

**Бертран Блие
«Похождения чудаков»,
пер. А.Брагинского,
Сочи, 1994**

Этот роман имеет все основания стать бестселлером. Лихо закрученный уголовный сюжет и густая эротика могут привлечь широкого читателя. Читатель серьезный оценит высокое литературное качество — яркий раскованный стиль, тонко рассчитанную грубость языка, занятые формальные прикиды... Это все, впрочем, встречается, а вот другую книгу, столь точно отражающую состояние нашего общественного сознания, едва ли сейчас найдешь. И неважно, что написана она во Франции в конце 60-х — «бывают

Бертран Блие



ПОХОЖДЕНИЯ
М. ЧУДАКОВ

странные сближенья». Герои «Похождений чудаков» — молодые люди, которые очень не любят работать, зато обожают дорогие автомобили, красивых девушек и вообще все, что можно купить за деньги. Поскольку же денег у них «отродясь не было», естественно возникает конфликт с законом. Попадись сначала на мелочи, ребятки увязают все глубже, так что к финалу за ними тянется длинный хвост разнообразных преступлений. История сама по себе вполне «жизненная» и банальная. Менее банально мироощущение героев и отношение к ним автора. Пьеро с Жан-Клодом убеждены, что они жертвы социальной несправедливости, а посему имеют полное право всячески потрошить богатых обывателей. И писатель с ними солидарен. Кумир молодежных бунтарей конца 60-х, Бертран Блие одним из первых с абсолютным сочувствием изобразил естественно immoralного героя, исполненного инфантильной уверенности в том, что все перед ним в долгу, глущей обиды на общество, отказывающее в желанных благах, и ненависти к более удачливым членам социума — ненависти, в любой момент вспыхивающей насильем. В нашей жизни подобный типаж появился совсем недавно, но уже успел повсюду распространиться: литература же им покамест всерьез не занималась. Так что герои Блие — обаятельные, раскованные, такие невинные в своей жестокости — вполне подходят для вакантной должности героя нашего времени, а роман об их «похождениях» имеет законное право стать бестселлером.

Но не станет. Во-первых, тираж в 50 тысяч экземпляров не располагает к массовости. Во-вторых, массовость как таковая сохранилась сейчас, кажется, только в сфере музыкальной попсы, а литература, кино и театр не вызывают народных страстей. Почему — вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Но факт: сегодня ни один роман, ни один фильм, как бы точно ни отражал состояние социума, не имеет шансов на успех, хоть отчасти подобный успеху «Детей Арбата». И крутые мальчики с пушками едва ли узнают о существовании зеркала, столь к ним, чудакам, благосклонного...

Алена ЗЛОБИНА

Утром шел снег и все засыпал

«Утром шел снег»
Санкт-Петербургская ст. документальных фильмов,
реж. С.Винокуров

Обаятельно немудреный получасовой фильм Сергея Винокурова выстроен как цепочка микророманов, связанных между собой очевидным внутренним сюжетом. Этот фильм менее всего пытается предстать поколенческим манифестом — возраст его героев колеблется в диапазоне весьма широком: от тринадцати-четырнадцати до тридцати с небольшим. И все же пять черно-белых новелл, названных именами главных героев, слагаются в понятие по имени «девяностые». Точно так же, как снятая десять лет назад десятиминутная картина Александра Сокурова «Жертва вечерняя» (о возвращении праздной толпы с первомайского салюта) становилась наброском с натуры поколения восьмидесятой пробы. Но после принесенной жертвы вечерней прошла ночь, которую оглашали крики молодых о том, как нелегко им быть таковыми. А наутро повалил снег. И это утро едва ли мудренее вечера. Разве что печальнее. Этот фильм о тех, кто оказался под снегом. О двадцатилетнем неприкаянном молодом человеке, который с тоской в глазах предается сладким воспоминаниям о днях и ночах на передовой в

Приднестровье. О друзьях-тинейджерах, прирабатывающих тряпками и автомобильным шампунем на оживленном перекрестке. О преуспевающем бизнесмене, обучающем нас азам своей жизненной философии. О нектати взбалмошной француженке, оставившей мужа и решившей тусоваться в Питере. О театральной семье-компании, которая обсуждает виды на будущее за обшарпанным кухонным столом. Вроде бы и ни о чем больше. В эпиллоге камера взмывает над утреним городом — он пуст. Но восемь силуэтов остались на пленке.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Made in China

Художественное ремесло Китая
Всероссийский музей
декоративно-прикладного искусства

Когда-то пели «русский с китайцем братья навек», потом носили одежду с этикетками «Дружба», хотя дружба была уже не та. Теперь оделись в пуховики, зато варилась дешевой техникой и ездим в Пекин в шоп-туры. Выставка в музее на Делегатской о другом. «Большой скачок», культурная революция, Великий кормчий и обновленный социализм останутся за кадром, в котором — вечное, древнее, не подвластное времени и

идеологии. Предметы экспозиции как бы нарочно лишены сведений об авторстве, месте и дате создания. Просто «Ваза Фарфор», или «Стол инкрустированный», или «Пейзаж с корневищем лотоса». Но каждый из экспонатов — символ страны, узнаваемый знак китайского карнавала. Здесь есть и традиционный расписной фарфор, нефритовые украшения и резьба по камню, корзинки из веточек бамбука и бумажные драконы. Все выполнено с тем тщанием, кропотливостью, вниманием к малейшей песчинке, отражающей в себе все многообразие мира, которые характерны для сознания этого трудолюбивого народа. Рассматривая листочки крошечной ивы в деревянном пейзаже, вставленном между двумя стеклами, как сквозь лупу видишь душу страны, которая, пожалуй, более всего и живет в работах народных мастеров. «Ремесло» часто противопоставляют вдохновенному искусству, забывая о том, что без него искусство не существует. Красные квадраты у некоторых работ (отметка о том, что их можно купить) не только уступка музея коммерческим веяниям современности. Они сигнал тем, кто понимает, что этикетка «Made in China» может свидетельствовать о хорошем вкусе.

Гаяне ПЕТРОСЯН



Дневник У.

Три стакана терцовки



РИА-НОВОСТИ

Владимир НОВИКОВ
Нормальный поэт
 (Об Иосифе Бродском)

Иосиф Бродский — единственный русский поэт, получивший при жизни полную меру признания.

И это очень хорошо и правильно. Без этого положительного примера, без такого прелестного прецедента никогда бы мы не узнали, как следует обходиться со своими выдающимися современниками.

Тут все чисто и честно — комар носа не подточит. Есть тексты, написанные точно Бродским, и никем иным. Личность автора тоже налицо — и, в общем, безупречная: с режимом в компромиссы не вступал, мученичеством и изгнанием не кичился и не торговал, держался всегда с достоинством, не суетился, не «мелькал» где попало, наконец, из своего далека отчизну жить не учил. Есть непритворная любовь культурного и разборчивого читателя. Есть естественная, не организованная инстанциями известность. Есть множество «статей о» — нудных и не очень, есть даже крепкая монография Крепса — не банально-биографическая, а с разбором поэтики и приемов.

Что же — остается только почтительно молчать, многозначительно кивать и констатировать: «Бродский есть Бродский»?

Нет, Бродский не есть Бродский. Иначе говоря, есть зазор между стихами и надстиховыми надстройками, между реальностью и репутацией. В этот зазор и попытаемся просунуть аналитический скальпель.

Кому в первую голову возразить хочется — так это хулителям и ругателям Бродского (наиболее значительны тут Лимонов, Аксенов, Коржавин и Карабчиевский). Начну прямо с беспощадного аргумента *ad hominem*: вся эта четверка в большей или меньшей степени причастна к стихотворству, причем как версификаторы все четверо — вместе и порознь — Бродскому вчистую проигрывают, так что странно было бы от них ожидать другого. Второй аргумент, тоже *ad hominem*: эмигрантская коммуналка. Хотя и протянулась она от Мюнхена с Парижем до Нью-Йорка, а все тесно русскому изгнаннику. Кухня на всех одна, и не плюнуть в суп соседу очень трудно.

А *ad rem*-то уже и разбивать почти нечего. Претензии, предъявляемые собственно к стихам Бродского, легко переадресовать, скажем, Мандельштаму, более того — поэзии в целом. Броская лимоновская формула «поэт-бухгалтер», если ее освободить от негативного внелитературного пафоса, не несет в себе ничего оскорбительного. Поэзия — это действительно своего рода бухгалтерия, где все подлежит зоркому учету, где посредством метафор-сравнений все суммируется, приводится в стройную и законченную систему. В общем, темпераментные нападки на Бродского в конечном счете работают на ругаемого, давая выразительный материал будущим комментаторам соб-

раний его сочинений. Нормальный ход историко-литературного процесса.

Теперь разберемся с таким важным внелитературным обстоятельством, как Нобелевская премия. С точки зрения «дальнейших видов России» это был факт безусловно положительный: еще раз внимание мира было привлечено к русской словесности, копилка нашей литературной сборной пополнилась еще одной высокой наградой. Где-то под это дело выделили тыщу-другую, чтобы принять группу русских поэтов (а не, скажем, тайландских колдунов).

Но, конечно же, Нобелевская премия — категория не эстетическая, а товарно-престижная и политико-бюрократическая. Ее присудили люди, Бродского не читавшие и, может быть, стихов не читающие вовсе. Во внетекстовом пространстве вообще правят не дела, а мнения, не стихи, а репутации. Как давались у нас премии сталинско-ленинские? По четкой, научно выверенной разрядке. Мол, пора нам на этот раз отметить солнечный Узбекистан. Прозаиков у нас много, давайте-ка поэта. Нет, товарищи, поэтессу, а то пока у нас одни мужики шли. И сидит себе какая-нибудь Зульфия в своем Ташкенте, пьет зеленый чай, а ее уже тем временем лавры обвивают.

И Нобелевскому комитету, конечно, без разрядки никак не обойтись: столько стран и народов кругом! Если компьютер в восемьдесят седьмом году вычислил русского поэта, то в дальнейшем жди арабского прозаика. На русских теперь разрядки долго не будет, потому и обидно наиболее амбициозным писателям нашим, что в обозримом времени даже теоретический шанс на чествование в Стокгольме утрачен. Но можно же рассуждать так, как некоторые петербуржцы: дескать, в лице Бродского премировали нашу ленинградскую тусовку конца пятидесятых — начала шестидесятых, а значит, один лавровый листок мне лично принадлежит. Логических оснований, конечно, никаких, зато нервную систему очень успокаивает.

Это с одной стороны. А с другой — даже самая «важнейшая» премия не означает, что удостоенный ее поэт заведомо превосходит других, как звание «мисс Вселенная» не означает, что не может быть где-то девушки еще прелестнее.

Все! Больше к этому мотиву не возвращаемся.

...«Крупнейший из ныне живущих русских поэтов» — какой сталин сказал это первым? Чем глубжеходишь в историю вопроса, тем более древней предстает формулировка — может быть, она родилась еще до того, как поэт сложил свое первое стихотворение? Я, во всяком случае, первые сам- и тамиздатские тексты Бродского получал для чтения в качестве «лучших и талантливейших». Тогда такие эпитеты воспринимались, говоря лингвистически, как нормальные элативы («любезнейший» не означает чемпиона по любезности). Даешь другу книгу со словами «лучшее, что я читал» — с целью передать энергетический заряд, сосредоточить внимание. С такой точки зрения «крупнейший» может быть и десять, и двадцать. Однако неформальный титул короля поэтов все настойчивее сопровождал репута-

Продолжение. Начало в № 31.

цию Бродского, и во мне рождались наивные вопросы: да, очень хорошо пишет, но почему уж так надо возвышать его, скажем, над Тарковским или Самойловым (которые тогда были живы), над Юнной Мориц или над Беллой Ахмадулиной?

В искусстве всегда идет борьба за первенство, но с точки зрения стратегии искусства как такового эта борьба — не цель, а средство. Финиш здесь иллюзорен, на самом деле конкуренция — лишь способ завести свой внутренний мотор: как говорится, не догону, так согреюсь. Никто никого не побеждает, но творческая кровь разогревается. Творчество строится как противопоставление: себя — другому или всем остальным, наших — ненаших. Без драчки, без взаимных оскорблений, без возвышения за счет принижения противников здесь никогда не обходится. Это закон литературного процесса. Посему спокойно читаю, как Бродский уничтожающе оценивает могучего Геннадия Айги и в то же время похваливает довольно хилого версификатора Кублановского, ни слова публично не говорит о Сосноре (к которому так применима замечательная формула Бродского «лингвистическое неповиновение») и в то же время превозносит добропорядочного в своей посредственности Евгения Рейна. Каждый поэт, в особенности большой, подобен гордой красавице: она никогда не похвалит другую красавицу, приберегая лучшие слова для некрасивой подружки. Такова природа человеческая и творческая.

А вот эстетика, критика, наука о литературе обязаны идти путем со-поставления. На вопрос: «Кто сегодня лучший?» — они скучно и занудно отвечают: «Извините, ваш вопрос некорректен».

Ни один поэт не может творить в вакууме, он сосуществует с поэтами-современниками, сходясь и различаясь с ними по ритмическим, образным, композиционным и языковым параметрам. Пушкин только для профанов является единственным солнцем («То-то был поэт! — пародировал он сам своих будущих «фанатов»), для компетентного филологического глаза сияние Пушкина заключает в себе множество световых взаимоотношений, оно немислимо вне системных связей с Батюшковым, Жуковским, Баратынским etc, etc.

Бродсковеды же, зарубежные, а потом и российские, расчищая пространство для любимого поэта, рисуют его единственным жителем необитаемого острова — или же единственным посетителем кладбища классиков. Так, конечно, проще, но и в той и другой картинках слишком недостает жизни. Неизменной моветонностью отдает мотив «Бродский и Пушкин», характерный для многих писаний, особенно ленинградских, где бытовые мемуары тесно сплетаются с ретроспективными фантазиями. Мне уже иной раз видится такой монумент на берегах Невы: сидит Пушкин и читает Бродского.

«Когда Пушкин приобрел всероссийскую славу «Русланом и Людмилой», ему был 21 год. В 21 год Бродский написал «Рождественский романс», привлекая к нему внимание страны. Пушкина вскоре сослали — Бродского тоже».

Это из одной статьи сборника «Поэтика Бродского», вышедшего под редакцией Л.Лосева в 1986 году. Да, графомания встречается не только в поэзии и прозе, в литературоведении она тоже представлена.

Ободрав внешне-репутационную шелуху и скорлупу, подбираемся к Бродскому как к таковому. Что есть у Бродского и чего нет ни у одного другого русского поэта? В чем его единое слово о мире, о человеке, о себе?

К Бродскому решительно неприменим метод выколульвания афористических цитат, строк «попроще» с целью представить «позицию» поэта как набор прописных истин, пригодных для тех или иных внепоэтических целей. Бродский как поэт отнюдь не склонен к «оформлению» априорно заданных «идей», пусть самых глубоких и благородных. Он поэт принципиальный, отчетливо ведающий, что творит, считающий язык не средством, а целью: «...мое отношение к действительности продиктовано языком». Стало быть, способ говорения в системе Бродского есть «содержание» (если уж пользоваться такой категорией), а элементарное «что» лишь материал, сырье. Это даже при том, что Бродский ввел в русскую поэзию немало нового идейного материала, выступил активным поставщиком свежего интеллектуального сырья.

Я слышу слово Бродского как весть о вязкости мироздания. Предметы, люди, понятия, звуки, слова, кем-то изначально поставленные рядом, и эту смежность, это принудительное соседство преодолеть мы не в силах. Как человек, поэт является ячейкой этой плотной структуры. Как поэт, он из нее вырывается, но платит невозможностью вернуться, войти туда, где все

перетекает друг в друга и для свободного передвижения нет ни простора, ни даже просвета.

В этом мире даже полет птицы — метафора несвободы:

*...Он опять
низвергается. Но как стенка — мяч,
как паденье грешника — снова в веру,
его выталкивает назад.*

Сравнения Бродского заведомо нерадостны. Они всегда продуманы, мотивированы, соотнесены с культурной традицией, но никогда не бывают вызывающе-парадоксальными, не имеющими аналога в жизненной действительности — так же как не бывают они меткими, внезапно открывающими изначальную связь между предметами, внезапно высвеченную. Потому сравнения поэта все чаще переходили в своего рода дефиниции: не «как», («будто», «словно»), — а «есть»:

*Жизнь есть товар навывнос
торса, пениса, лба.
И географии примесь
к времени есть судьба.
Нехотя, из-под палки
признаешь эту власть...*

Бродский с неизменной самоиронией берется сравнивать даже то, что в сравнении как бы и не нуждается, что лежит рядом друг с другом (смежность — предмет метонимии, а не метафоры):

*Голландия есть плоская страна,
переходящая в конечном счете в море,
которое и есть, в конечном счете,
Голландия.*

Внутренняя тема Бродского — бесплодность метафорического усилия в мире, организованном Творцом на метонимических основаниях.

Диалог душ в этом мире невозможен. Для Бродского нет человека другого, второго, все его собеседники условны, равноценны вещам, неодушевленным предметам, с которыми точно так же можно разговаривать, выстраивая свой бесконечный монолог. Тут нет и быть не может эгоцентрического упоения — автор слишком умен, чтобы собой любоваться, самоирония никогда его не покидает. И она же, эта ирония, крепко удерживает от бесплодных попыток сближения с другими людьми.

Вот такой «изгиб сердец людских» (Баратынский) обнажила, открыла поэзия Бродского. И это немало. Я часто чувствую в себе такой изгиб, переживаю такие настроения, и поэтому мне нужен Бродский — наряду с еще многими другими изгибами и другими поэтами. Кто-то, может быть, живет такими настроениями всегда, и потому ему из всех поэтов нужен один Бродский. Говоря же о современной русской поэзии как синхронной системе, я не могу не видеть, что стих, стиль и мир Бродского — это одна полоска спектра, что цвет ее доподлинно виден только в соотношении с соседними. Назову хотя бы основные поэтические цвета конца XX века, акцентировав в них то, чем «цвет Бродского» не обладает, и перечислив их — во избежание ненужной иерархичности — в алфавитном порядке.

Айги: предельная свобода стиха от «памяти метра», от ритмической цитатности; детская чистота слова, звучащего как будто впервые; полное приятие жизни.

Мориц: упругость ритмического напряжения, дерзость усиленного повтора, магия рефрена, культ творческого усилия.

Окуджава: отвага в обращении к элементарным эмоциям, воскрешение истины в банальности, небоязнь постороннего иронического взгляда.

Соснора: максимализм гордого одиночества, предельная трансформированность языка, пересмотр основ грамматики и синтаксиса, полная ставка на самодостаточность слова.

Мне захотелось назвать именно эти звезды — на полноту и объективность, естественно, не претендую. Важен сам принцип: поэзия отнюдь не вращается вокруг Бродского, он сам — часть общего движения.

Бродский подверг русский стих серьезному испытанию. Он не позволяет своей строке покоиться между двумя берегами белых бумажных полей, он погоняет ее, мучает утомительными перебрсами. Здесь таился огромный риск **НЕСВОБОДЫ СТИХА**, когда строчка становится не полноправной представи-

теплицей авторского мира, а лишь вынужденным стыком фразы предыдущей с фразой последующей. У Бродского этот прием — трагическое напряжение сердечной мышцы. Эпигоны вульгаризовали «бродский» перенос, превратив его в поворот рычажка пишущей машинки.

Другое испытание состояло в неуклонном удлинении стиха, здесь возникал риск НЕСВОБОДЫ СЛОВА, не успевающего установить связь с соседями по строчке. В подспудном споре с авангардно-футуристической традицией выделенности каждого слова — Бродский запрещал слову вспоминать весь спектр значений и побочных оттенков, требуя от него только верности своему, «бродскому» индивидуальному контексту. Но слово — существо упрямое, оно соглашается нести тяжесть авторской мысли только при том, что ему дают поработать и на себя, на свою самодовлеющую выразительность. В длинном стихе Бродского, ритмически ломком, да еще то и дело прикованном переносами к соседним стихам, слово порой становится бесправным слугой, слишком нагруженным служебными функциями и потому немного равнодушным — к себе и автору с его смысловыми задачами:

Цветы! Наконец вы дома. В вашем лишенном фальши будущем, в пресном стекле пузатых ваз, где впору краснеть, потому что дальше только распад молекул по кличке запах, или — белеть, шепча «пестик, тычинка, стебель», сводя с ума штукатурку, опережая мебель.

Очень красиво и логически чрезвычайно изощренно, использовано много красок, но меньше всего — красок языковых. Каждое словечко стоит по стойке «мирно», не позволяя себе двусмысленных взглядов и функционируя только в одном значении. Тематически-смысловые категории «смерть», «жизнь», «бессмертие» полностью контролируют ситуацию. Это владение словом — очень высокого уровня, но ведь Бродский как теоретик и эссеист замахивался на большее — на то, чтобы слово владело им: «Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказать от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» (финал его «Нобелевской лекции»).

Пример с цветами (а он, полагаю, достаточно характерен для поэтики Бродского) свидетельствует как раз не об «ускорении», а о замедленности словесного движения. Автор четко знает, какую картину он рисует, и слово у него не забегает вперед, не уходит от образно-смысловой магистрали. Не знаю, что лучше, что хуже, но «зависимости от языка» я здесь не ощущаю и заявление о «наркотиках» считаю самооговором. Словесное безумие — это не о Бродском, он очень нормален и абсолютно вменяем. И эта нормальность Бродского, подчиненность его слова образно-смысловым задачам — факт не только творческой судьбы поэта, но и интересный изгиб в истории русской поэзии XX столетия.

Вулканический взрыв творческой активности языка в 10—20-е годы энергетически обеспечил поэзию на целое столетие. Бродскому выпал путь канонизации и адаптации художественных открытий первой половины века. Роль эта сама по себе не гениальная, но первооткрывательская. До сих пор я воздерживался от затасканного слова «постмодернизм», пора его произнести и подумать о пределах возможностей «нормального классицизма», наследующего «ненормальные» традиции и избегающего их крайностей.

Возникло противоречие между смысловой изощренностью, обилием мыслительных поворотов — и нормальной температурой языка, не разогретого настолько, чтобы править мыслями. Может быть, это исторически необходимое противоречие самой русской поэзии, возжаждавшей новых интеллектуальных построений, небывалых парадоксов, нуждающейся в пополнении суммы идей и готовой постоять на месте в языковом развитии? Возможно. Но тогда интеллектуальные заготовки Бродского еще ждут более «горячей» словесной обработки поэтами последующих поколений. Слишком у Бродского тесно мыслям и простору словам в стихе: придется кому-то эту систему перестраивать, переделывать все наоборот.

Пока, правда, у Бродского оригинальных продолжателей, способных с ним спорить, незаметно. Зато механические подражатели уйма: раскатывают строку, как тесто, за анжанбемам держатся, как за костыль, перифрастичность и говорливость

довели до абсурда: на один образ — десять слов, на простейшую мысль — двадцать. Во всех журналах печатается как бы Бродский под псевдонимами Олеса Николаева, Виталий Кальпиди и т.п.

Определенная попытка выйти за пределы привычной и эксплуатированной эпигонами манеры ощутима в майской новомировской подборке Бродского. Критики уже похваливают и вдохновенно цитируют очередное идейно беспроектное стихотворение на рождественскую тему:

А если ты дом покидаешь — включи звезду на прощанье в четыре свечи, чтоб мир без вещей освещала она, вослед тебе глядя, во все времена.

Хотел бы тоже восхищаться, да ритмическая тривиальность не дает. Интонация заглушается множеством звуковых помех: на ту же стиховую волну попадает и баллада Жуковского, и шуршание бальмонтовских камышей, и даже «и яблочко-песню держали в зубах». Музыка заигранная, изношенная. Другие критики, стебного толка, балдеют от пустоватых квазиафоризмов вроде «В провинции тоже никто никому не дает» и от употребленного в одном из стихотворений слова «бздо». На мой взгляд, словечко воткнуто совершенно всуе и не к месту, что, впрочем, относится ко всем опытам Бродского со сквернословием. Брань у него всегда отдает книжной пылью или нарочитостью, с языком «улицы» ничего общего не имеет. Строки типа «А моя, как та мадонна, не желает без гондона» в на удивление неостроумном «Представлении» отталкивают не дерзостью, а вымученностью. Впрочем, неумение естественно ругаться большим недостатком для поэзии не считаю. А в новых стихах Бродского вижу обострение его конфликта с языком. Взаимное недоверие растет.

XX век получился, может быть, даже более поэтическим, чем предыдущий. (Кто не согласен — поспорим потом.) И теперь идет очень строгий пересчет лучших поэтов и произведений 1900—1999 гг. Не «Песня—94», а «Песнь—XX» — вот такая пошла игра. И не о «крупнейшем из ныне живущих» нынче начинается спор, а о крупнейших и навсегда живых поэтах нашего столетия.

Сам Бродский начал об этом разговор раньше, чем другие. Вот важное его признание в одном из интервью: «Дело в том, как это ни странно, что нация, народ, культура во всякий определенный период не могут себе позволить почему-то иметь более чем одного великого поэта. Я думаю, это происходит потому, что человек все время пытается упростить свою духовную задачу. Ему приятнее иметь одного поэта, признавать его великим, потому что тогда, в общем, с него снимаются те обязательства, которые искусство на него накладывает».

Слова «упростить духовную задачу» и «снимаются обязательства» так и тянет применить к мономам Бродского. Но послушаем его далее: «В России произошла довольно фантастическая вещь в XX веке: русская литература дала народу, ну, примерно десять равновеликих фигур, выбрать из которых одну единственную совершенно невозможно. То есть все эти десять, скажем — шесть, скажем — четыре, являются, на мой взгляд, метафорами индивидуального пути человека в этом мире».

Совершенно правильно сказано, тут я расхожусь с Бродским только в количественных параметрах. Считаю, что «метафор индивидуального пути человека в этом мире» русский двадцатый век дал больше, чем десять. Анненский, Сологуб, Кузмин, Андрей Белый, Блок, Хлебников, Ходасевич, Игорь Северянин, Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Маяковский, Есенин, Заболоцкий, Хармс — это еще с очень грубыми пропусками.

Вот в какой обширный и плотный ряд приходится протискиваться ныне здравствующим и творящим поэтам, Бродскому в том числе. Попасты хотя бы в первую двадцатку русского поэтического двадцатого века — труднейшая и почетнейшая задача. От Анненского до Хармса я перечислил шестнадцать имен. Условно говоря, осталось четыре вакантных места, и, если быть откровенным, эту свою субъективно-вкусовую «четверку» современников я тоже чуть выше прогностически обозначил. Но и у Бродского шансы сохраняются. Будем следить за увлекательнейшим фэн-де-сьеклем, ожидая финиша столетнего марафона, и попробуем наконец договориться, что сталинских пьедесталов с цифрой «1» в природе не существует.



«Скажите, что идете к Пляттам...»

Недавно по ТВ в эфирный раз показали «Семнадцать мгновений весны». Те, кто смотрели, в эфирный раз восхитились талантливыми актерами, снимавшимися в этом фильме, и наверняка с горечью подумали: «Как жаль, что столь многих из них уже нет в живых — ни Визбора, ни Гриценко, ни Евстигнеева, ни Плятта...»

Сегодня, спустя пять лет после смерти Ростислава Яновича Плятта, наш корреспондент Галина ЗАМКОВЕЦ встретилась с его вдовой.

Красивая женщина с голосом, знакомым миллионам (заслуженная артистка России Людмила Семеновна Маратова много лет была ведущим диктором Гостелерадио), договариваясь со мной о встрече, предупредила: «Дежурной внизу скажите, что вы идете к Пляттам». Она не обмолвилась — для нее он жив, и она считает себя не вдовой его, а женой. Только на пальце, рядом с ее обручальным кольцом, — его. «Милка и Славянка» (так она его называла) выгравировано на этих кольцах.

Я сижу в просторной гостиной Пляттов. Желтые шторы, несмотря на непогоду, создают здесь особую атмосферу солнечного тепла.

— Людмила Семеновна, мы все знаем и любим Ростислава Яновича. О его творчестве много написано, да и сам он успел выпустить книгу о своей судьбе, но я хочу задать вам несколько сугубо личных вопросов о его частной жизни. Это те вопросы, на которые не ответит театральная энциклопедия, — однако живой образ человека складывается именно из ответов на такие вопросы. Каким Ростислав Янович был дома?

— Он любил свой дом. Любил уединение. Много читал. Мы выписывали столько журналов и газет, что одного почтового ящика нам было мало, и мы повесили второй. Конечно, у не-

го были свои пристрастия: он выписывал всю шахматную прессу. Не пропускал ни одного шахматного состязания, любил решать шахматные задачи. Дружил с Михаилом Талем, считал, что в нем есть что-то моцартовское... Мы встречались домами. Тем более что Ростислав Янович очень любил гостей, ему нравилось, когда у нас было шумно и звучал смех.

— У него было много друзей?

— Друзей много никогда не бывает. Знакомых было пол-Москвы, а настоящих друзей, пожалуй, и не так много: К.Симонов, Н.Оттен, Л.Шапошникова, ее муж В.Гордеев, Л.Лосев — директор театра им. Моссовета, его жена В.Кашигина. Самым его близким другом был Александр Моисеевич Эскин — директор Дома актера. Это была настоящая мужская дружба.

— А какие у него были отношения с его великими коллегами: Завадским, Марецкой, Бирман, Раневской?

— Он любил их и уважал, они его — тоже. Преданность Завадскому он пронес через всю жизнь. Был внимателен к С.Бирман, навещал ее обязательно каждый месяц. Фаина Георгиевна Раневская говорила о Плятте всегда только в превосходных степенях... Она обожала его. Вот посмотрите, какую надпись она сделала на подаренной ему книге «Пушкинский Петербург». Это особенно дорогой подарок, если учесть, что для нее расстаться с тем, что связано с Пушкиным, было

смерти подобно: «Славочка, дарю тебе то, с чем жалко расстаться. Это значит — дарю от души, от сердца, с любовью и очень добрыми пожеланиями». Ростислав Янович тоже относился к Раневской с огромной нежностью, он звал ее очень ласково — Фуфочка. Однажды он привез ей из какой-то зарубежной поездки клетчатые домашние тапочки, она потом играла в них в спектакле «Дальше — тишина»...

— А вы были знакомы с Фаиной Георгиевной?

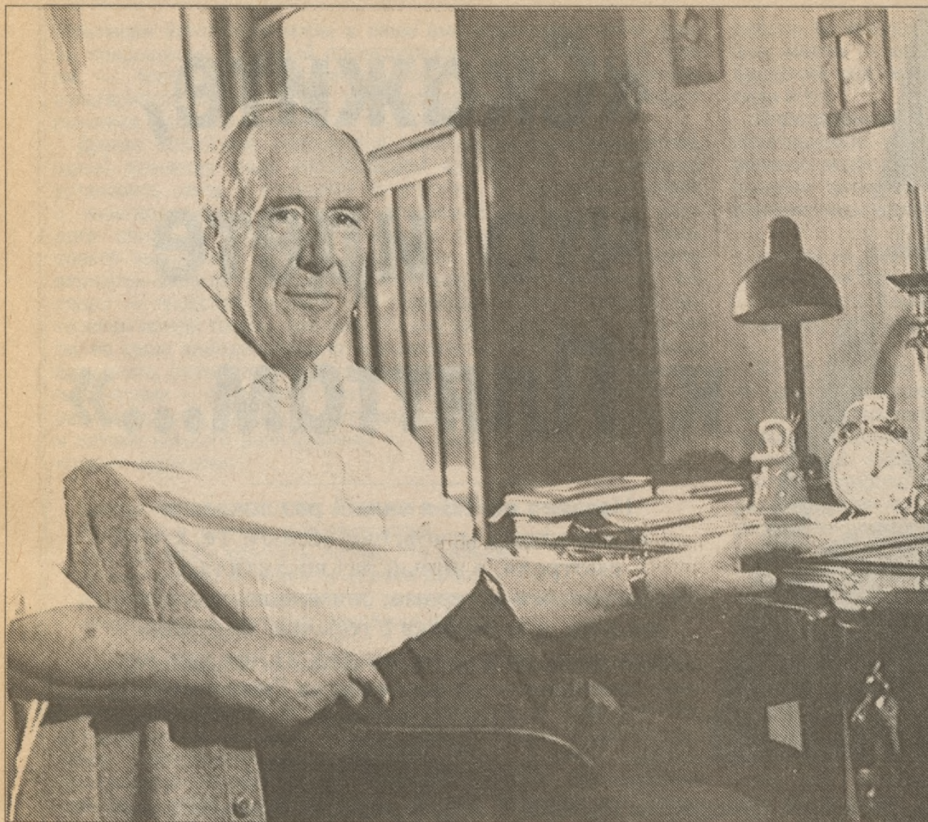
— Когда мы поженились, он повел меня к ней на смотрины и был очень доволен словами Фаины Георгиевны: «Слава, у меня такое впечатление, что это я вышла замуж, а не ты женился». Но это единственный раз, когда я была у Раневской. Он же продолжал у нее бывать, и часто: она ведь жила одна...

— Ростислав Янович был щедрым человеком? Любил, например, делать подарки?

— Да, очень. И в своем внимании был очень трогателен. Однажды он лежал в больнице с язвой. Я ездила к нему каждый день, приехала и на свой день рождения. Вдруг он с хитрым выражением лица достает из тумбочки и дарит мне мои любимые французские духи. Оказывается, он позвонил Льву Федоровичу Лосеву и сказал: «У Милки день рождения. Я не могу отсюда выйти. Привези мне духи».

— Сколько лет вы были вместе?

— Всю жизнь и еще пятнадцать лет



ИТАР-ТАСС

вот здесь, в этой квартире, куда я переехала, когда он остался один. Этот мой переезд был поступком, потребовавшим от меня и решимости, и душевных сил: ведь я уходила из дома, который был для меня родным. Но я очень любила Ростислава Яновича и сейчас люблю. В нашем доме все так же, как было при нем. В его рабочем кабинете на столе лежат его книги, записи, все, как он оставил. В шкафах его вещи, правда, орден его в нашем доме нет. Пару лет назад у нас побывали воры... Среди того, что их прельстило, были награды Плятта и мои украшения. Если честно, то из-за драгоценностей я меньше расстроилась: мы с ним одни на этом свете, и оставлять наследство нам некому, а вот награды Плятта жалко, ведь их продадут как товар, а он их очень берег, он их зарабатал... заслужил у своего народа...

— Вы поженились с Ростиславом Яновичем, уже будучи сложившимися людьми, за плечами у каждого был свой жизненный опыт. Как вы познакомились?

— Это было очень давно, мне тогда было девятнадцать лет, и я была студенткой Театрального училища имени Щепкина. Встретились мы на «Мосфильме», на озвучании картины «Господин Такси». Я была замужем, он был женат. Потом был долгий и сложный период до того дня, как мы стали жить под одной крышей. Наше счастье досталось нам трудно, и все-

таки мы были бесконечно счастливы.

— Он помогал вам вести дом?

— Никакие бытовые дела его не интересовали, и я его от них освободила. Он не любил и не умел готовить, не умел водить машину. Зато хорошо рисовал, обожал сочинять стихи. Сколько смешных поздравлений в стихах он написал своим друзьям!

Но главные его помыслы принадлежали театру. Он чрезвычайно серьезно относился к своим актерским обязанностям, и его очень обижало легкомыслие молодых в этом отношении. Он называл это предательством профессии. Сам он всегда приезжал в театр за полтора часа до спектакля, тщательно гримировался. Он очень высоко ценил мастерство гримеров театра Риммы Сулимовой, А.В.Яковлева. Цеха его обожали. Всех рабочих он знал по имени-отчеству. Ростислав Янович был человеком очень тонким, в нем чувствовалась большая внутренняя культура, с представителями всех сословий и поколений он был на равных, никогда не давал собеседнику почувствовать своего превосходства, однако фамильярности избегал.

— Он не был членом партии?

— И по своим убеждениям, и по жизненной ситуации он всегда был вне партии. Плятт — сын известного адвоката, пострадавшего в злые

времена. Наше правительство к Ростиславу Яновичу было расположено, но недовольство его взглядами все-таки чувствовалось — вспомните, как поздно Плятт стал Героем Социалистического Труда... хотя главное, конечно, не звание, а то, что он был замечательным актером.

— Что он любил кроме своей профессии и шахмат?

— Обожал петь. Был «слухачом», очень много пел в радиопостановках. Ну а самым большим праздником для него было петь с оркестром.

— А спорт? В роли пастора Шлага в «Семнадцати мгновениях весны» он так лихо катился с горы на лыжах...

— Это был единственный раз в жизни, когда он встал на лыжи. Я вся издрожалась, когда он уезжал на съемки... Вечером звонок: «Милка, я упал один только раз!»

— Где вы обычно отдыхали?

— В Крыму, в Ореанде. Для него «лечь в море» — это его собственное выражение — было наивысшим наслаждением. Он плавал, как дельфин. К тому же в море он не чувствовал боли в ноге — у него был перелом шейки бедра, и дома он хромал. Но когда выходил на сцену, никто даже не догадывался о его недуге. Он не любил говорить о болезнях и всегда избегал этой темы.

— А как он относился к своему внешнему облику?

— У него был культ одежды: свои костюмы он шил только у лучших портных, и для каждого сезона у него были специальные костюмы. Вообще он был чрезвычайно элегантен и аккуратен.

— Вы сказали, он любил гостей. Где гости — там застолье. Как он относился к крепким напиткам?

— Нормально. Четко знал свою норму. Говорил: «Я — трехсотграммовник». Да и выпивал, только когда приходили гости или случались какие-то торжества. В будничной жизни допингов не признавал.

— Как вам сейчас живет, Людмила Семеновна?

— После его смерти я долго была в шоке, ни о чем не могла думать, ничего не могла делать. С радио я ушла. Сейчас занимаюсь преподавательской деятельностью — веду в РАТИ сценическую речь. Дружу со старыми друзьями Плятта...

— Вы по-прежнему, отмечаете каждый день рождения Ростислава Яновича?

— Конечно. В этот день, 13 декабря, к нам в дом приходят наши друзья, мы садимся за стол и вспоминаем... вспоминаем... вспоминаем...

Фото из семейного альбома

СКУПАЯ МУЖСКАЯ...
«Идеальный мир», США,
реж. Клинт Иствуд

Настоящая мужская драма, которая, тем не менее, вышибает у женщин отнюдь не скупую слезу. История дружбы преступника, бежавшего из тюрьмы, и взятого им в заложники мальчишки из семьи «свидетелей Иеговы» снята мэтром американского кино Клинтом Иствудом (председательство в жюри последнего Каннского кинофестиваля тому доказательство), как всегда, сурово, сдержанно и... по-хорошему сентиментально. А финальная точка в виде смерти взрослого героя, случайно раненного мальцом и не случайно добитого снайпером, просто потрясает. Равно как спокойная, не педалированная, а посему и производящая необходимый эффект игра Кевина Кэстнера и «негра» маленького исполнителя, заметно отличающаяся от навязчиво раскованной и шаблонной манеры большинства малолетних звезд Голливуда. Клинт Иствуд в роли шерифа-преследователя не рыдает, но, по-моему, близок к этому. А может, он просто предчувствует, что фильм удался. И это предчувствие его не обманывает.

«ТЕРМИНАТОР» НАОБОРОТ
«Последний киногерой», США,
реж. Джон МакКирнон

Еще один вариант вышеизложенного сюжета. На этот раз пацан подружился с экранным суперменом. В роли его кумира — Арнольд Шварценеггер. Такое впечатление, что авторы решили спародировать или, точнее, посмеяться над «Терминатором-2». Но посреди дороги испугались, ибо сообразили, на что замахнулись. На великий Американский Киномиф. И быстренько все спустили на тормозах, в результате чего и получился еще один «ф.б.» с железным Шварцем. Самое забавное в нем —



Фильмы представляет Петр Смирнов



Шварценеггер с женой

взаимоотношение киногероя и киноактера, выраженное в словах: «Ты мне никогда не нравился», которые первый говорит второму. Уж и не знаю, насколько это искренне?!

КОСМИЧЕСКИЙ ОГОРОД
«Молчаливый бег», США,
реж. Дуглас Трумбол

Фантастика. Земля настолько загажена, что человечество смыслось в космос, где и летает на гигантских «Новых ковчегах» с теплицами. Герой целыми днями возится среди грядок и кроликов. А когда поступает команда избавиться от очередной неэкономичной теплицы, поднимает бунт. То есть укокошивает своих коллег, пришедших разрушить его грядки, и дальше живет счастливой жизнью космического Робинзона в окружении роботапятиц.

Сие кино приобретает неожиданную актуальность для нас в период созревания огурцов и клубники на приусадебных участках, хотя и пропагандирует, на мой взгляд, слишком кроважидные методы борьбы с двуногими вредителями полей и огородов. Но при чем тут космос?

ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ
«Королевская шлюха», Франция—Италия,
реж. Аксель Корти

Историческая мелодрама. «Жил-был Анри IV, он славный был король» и так далее. Полюбил симпатичную графиню или герцогиню. Замужнюю. Но это, естественно, не остановило Его королевское величество (или высочество). А потом и герцогиня (или графиня) ответила ему взаимностью, несмотря на то, что придворные и обзывали ее всячески (см. название фильма). Так и длилась эта трудная королевская любовь на протяжении двух с половиной часов. Потом король умер... Да здравствует любовь! После фильма очень

хочется есть, ибо вкушают они там в перерывах между любовью и интригами очень много и аппетитно. Так что, товарищи зрители, запасайтесь бутербродами.

ЕЩЕ ОДИН... О, ГОСПОДИ!
«Холодный огонь», США,
реж. Винз Хаузер

Еще один полицейский боевичок. Молодые напарники, торговцы наркотиками, любовь, кровь, трах-бах, пиф-паф. Что еще? А ничего кроме нового наркотика, давшего название фильму: «Холодный огонь». Следующий фильм на эту тему наверняка будет называться «Горячий лед». Но я его смотреть не буду и вам не советую.

ЗУБАСТЫЙ УЖАС
«Месть динозавров», США,
реж. Джеймс О'Конноли

Нечто среднее между моей любимой книгой «Затерянный мир» Конан Дойля и фильмом «Парк Юрского периода». Несколькo человек из циркового шоу и профессор обнаружили Запретную долину с динозаврами, один из которых сбежал и принялся крушить маленький городок... Наверное, авторы хотели создать новый супербоевик, но это им не удалось. В картине оказалось слишком мало спецэффектов и динозавров, и она не такая уж красочная, как «Парк Юрского периода». Возникает вопрос: нужно ли смотреть этот фильм? Я думаю, что да. Потому что лично мне он все равно понравился.

Лёня СМЕРНОВ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
«ЦЕНТР-ТЕХНИКА»:

Все книжные новинки ДЕШЕВЛЕ,
чем на лотках.

Телевизоры

«SONY 2100» — 880 тыс. «FUNAI 2000» — 660 тыс.
Видеокассеты чистые, с записью и видеопрокат
Петровка, 15 924-36-24
921-85-94



ТЭФФИ — Надежда Александровна Бучинская — всегда и везде была любимцей читателей (они же герои): ее горячими поклонниками были княгини и их горничные, белошвейки и курсистки, шоферы парижских такси (из «бывших»), Григорий Распутин, Николай II и Ленин. И критиков: непримиримо желчные литераторы русского зарубежья будто сговаривались о перемирии, когда речь шла о Тэффи.

Ирония судьбы, с виду очень к ней благосклонной, была в том, что за искрометно остроумной собеседницей, чьи *motifs* на лету подхватывались всем «русским Парижем», таилось мироощущение истинно драматическое, но в этом трагикомизме публика, как водится, хотела видеть лишь «легкую» половину. За светской дамой, желанной в любом салоне, окруженной обожателями и почитателями, — немолодая, внутренне одинокая женщина, старательно ограждавшая свою личную жизнь от любопытствующих и даже друзей. За «юмористкой» (числившейся «при Сатириконе» и прославившейся на всю Россию двумя сборниками «Юмористических рассказов» в 1910 г.) — тонкая, ироничная, подлинно лирическая писательница, «редкий психолог и проникновенный поэт человеческой души» (Михаил Осоргин), «едва ли не самый наблюдательный из наших писателей» (Георгий Адамович). За общедоступной простотой ее письма только такой мастер, как Бунин, мог распознать ровню себе.

В эмиграции, в Париже, каждое воскресенье читатели двух крупнейших русских газет «Возрождение» и «Последние новости» «награждались» фельетоном или рассказом Тэффи. Невозможно выдавать каждую неделю по шедевру — но составленные из них несколько книг Тэффи, в том числе «Земная радуга», «Городок», «Все о любви», «Книга Июнь», — свидетельства того, что ярлык «юмористики», намертво приклеившийся к писательнице, безнадежно устарел. Зато совсем не устарела сама Тэффи.

И очень жаль, что никак не может выйти сборник ее рассказов в издательстве «Московский рабочий». Ведь предыдущие книги Тэффи исчезли с прилавков в считанные дни.

Предисловие и публикация Ольги НЕМУХИНОЙ

ТЭФФИ

Из фиолетовой тетради

Брат Сула

В полутемной гостиной сидела худенькая дама в бледно-зеленом платье, вышитом перламутровыми блестками, и говорила моей матери:

— Ваш петербургский климат совершенно невыносим. Сегодня этот туман, тяжелый, темный, совсем лондонский. Я должна как можно скорее бросить все и ехать на юг Франции. Муж останется в деревне — он будет в этом году баллотироваться в предводители. Шуру я оставила с ним. Петю отдала в немецкую школу и оставлю здесь у бабушки. Подумайте, сколько мне хлопот! А сама до весны в Ментону. Прямо не представляю себе, как я со всем этим справлюсь. И я так слаба, так слаба после этого шока. Я ведь пятнадцать лет тому назад потеряла прелестного ребенка, моего первенца, красавца, настоящего корреджиевского bambino, к которому я была безумно привязана. Он жил всего два часа, мне его даже не показали. С тех пор я никогда не снимаю черного платья и не улыбаюсь.

Она на минутку запнулась и прибавила, как бы в пояснение своему туалету:

— Я прямо от вас к Лили, а оттуда в оперу.

Тут она заметила меня.

— А это... это Лиза? — спросила она. — Ну, конечно, Лиза. Я ее сразу узнала. Но как она выросла!

— Это Надя, — сказала мама.

— Но где же Лиза?

— У нас Лизы никогда и не было.

— Неужели? — равнодушно удивилась дама. — Значит, это Надя. Надя, ты меня помнишь? Я тетя Нелли. Шура! — обернулась она в глубь комнаты. — Шура, будь любезен, если тебе не трудно, снять локти со стола. И вообще, подойти сюда. Вот твоя кузина Надя. Можешь за ней ухаживать.

Из темного угла вышел белообрый мальчик в гимназической суконной блузе, подпоясанной лакированным ремнем с медной пряжкой.

— Вот это Петя. Петя, если тебя не затруднит, поздоровайся с кузиной. Это та самая Лиза, о которой я тебе часто рассказывала.

— Надя, — поправила мама.

Петя шаркнул ножкой. Я, не зная, как быть, сделала реверанс.

— Она немножко недоразвита, ваша Лиза? — с очаровательной улыбкой осведомилась тетя Нелли. — Это хорошо. Ничто так не старит родителей, как слишком умные дети.

Тетя Нелли очень мне понравилась. У нее были чудесные голубые глаза, фарфоровое личико и пушистые золотые волосы. И она так быстро и весело говорила, совсем не похоже на других моих теток, строгих и некрасивых.

И все у нее выходило так приятно. Вот, например, она всю жизнь не снимает черного платья, а оно у нее зеленое. И от этого никому не грустно, а всем приятно. И вот она нашла меня глупой, но сразу доказала, что это очень хорошо. А другие, когда говорят, что я глупа, так непременно подносят это как оскорбление. Нет, тетя Нелли действительно прелестна.

Я больше ее не видела. Она уехала раньше, чем думала. Должно быть, шок, полученный пятнадцать лет тому назад, давал себя чувствовать. И потом, столько хлопот — муж в деревне, сын у бабушки. Словом, она укатила до весны, а в воскресенье явился к нам ее сын Петя, один.

— Сколько вам лет? — спросила я.

— Скоро будет тринадцать, — ответил он. — Очень скоро. Через одиннадцать месяцев.

Он не был похож на свою мать. Он был востроносый, веснушчатый, с небольшими серыми глазами.

— А моему младшему брату Шуру одиннадцать, — вдруг страшно оживился он. — Мой младший брат Шура, он остался в деревне, чтобы писать роман.

— А ваша мама говорила, что ему рано в школу.

Это замечание Пете как будто не понравилось. Он даже немножко покраснел.

— Да, он... он пока предпочитает заниматься дома. И он очень любит зиму в деревне. И ему будет много хлопот — папа будет баллотироваться.

Тут я заметила, что мой собеседник был немножко шепеляв, вместе «Шура», у него выходило почти «Сула». Вспомнилось только что пройденное в Иловыйском: «Мария и Сулла». И вообще, он как-то неправильно говорил по-русски. Потом выяснилось, что с детства он говорил по-английски с гувернанткой, по-французски с матерью, а теперь в школе по-немецки. С отцом он никогда не разговаривал — не приходилось, — но считалось, что это происходит по-русски. Молчал по-русски.

— А вот мой младший брат Шура, тот отлично говорит. Он так разговаривал с кучером, что тот даже пошел папе жаловаться. Он все может, мой младший брат Шура. Он пишет французский роман. Замечательный. У меня есть начало. Хотите, я вам прочту?

Он отошел в сторону и стал шарить в кармане. Пошарил, вытащил обломок карандаша, огрызок шоколада, кусок мягкой резинки, которой запрещено было щелкать в классе, вынул копейку с налипшим к ней леденцом и, наконец, сложенный листок разлинованной бумаги, явно выданный из школьной тетрадки.

— Вот. Это начало романа. Сочинил мой младший брат Шура, а я записал. Вот.

Он отклонялся, посмотрел на нас внимательно, по очереди — слушателями были мы с сестрой, — очевидно, проверил, достаточно ли серьезно мы настроены, и начал:

«— Знаете ли вы, что такое любовь, которая разрывает все ваши внутренности, заставляет вас кататься по полу и проклинать свою судьбу». Вот все. Это только начало романа. Дальше пойдет еще интереснее. Мой младший брат Шура будет зимой придумывать имена для героини и героя. Это труднее всего.

Вскоре выяснилось, что Петя сам пишет роман, но уже по-русски. Он в немецкой школе живо постиг тонкости русского языка и даже написал несколько стихотворений, посвященных школьному быту. Сейчас, конечно, мне процитировать их было бы трудно, но некоторые, особенно яркие строки, я пронесла в памяти своей через всю жизнь.

Звонит звонок.

Кончается урок.

И ученики на радости

Спускаются на низ.

Потом, помню, была еще одна едкая сатира на какого-то учителя Кизерицкого. Стихотворение кончалось строками очень высоких тонов:

О, несчастный Кизерицкий,

Вспомни о судьбе своей

Как ученики тебя боятся

И страшатся завсегда.

Роман Пети еще закончен не был, и он прочел нам только два отрывка. По-моему, роман был написан под сильным влиянием Льва Толстого, отчасти «Войны и мира», отчасти «Анны Карениной».

Начинался он так:

«— Няня, соберите скорее Митины пеленки. Завтра мы едем на войну, — сказал князь Ардальон». К стыду своему должна признаться, что совершенно забыла дальнейшее развитие этой главы. Но зато помню содержание другого отрывка.

Князь Ардальон, оставив на войне няню и Митю с пеленками, неожиданно вернулся домой и застал у жены князя Ипполита.

«— Ты, негодяй, изменяешь мне! — воскликнул князь Ардальон и направил на него конец своей шпаги.

Где-то в трубе загремела заслонка».

Помню, что на меня очень сильное впечатление произвела именно эта последняя загадочная фраза. Почему вдруг в трубе загремела заслонка? Было ли это неким оккультным явлением, отмечавшим кровавую драму? Или князь Ардальон так размахался шпагой, что повредил печку? Ничего не понимаю и не понимала, но чувствовалось веяние таланта, и было жутко.

— А ваш младший брат Шура много пишет?

— Нет, ему некогда. Он больше обдумывает. И вообще, у не-

го масса планов. И как он обращается с женщинами? У нас гостила одна дама, очень роскошная женщина. Так Шура пригласил ее погулять в лес и завел в болото. Она кричит, зовет на помощь. А он ей говорит: «Хорошо, я вас спасу, но за это вы должны быть моею». Ну, она, конечно, согласилась. Он ее и вытащил. Иначе — смерть. Болото засасывает. В прошлом году туда корова провалилась.

— А отчего же он корову не вытащил? — спросила моя младшая сестра, смотря на Петю испуганными круглыми глазами. — Ведь он мог бы и корову взять потом себе?

— Не знаю, — отвечал Петя. — Должно быть, некогда было. Мой брат Шура все может. Он плавает лучше всех на свете. Скорее всякой змеи, а змея может проплыть больше двухсот верст в час, если считать на километры.

— А прыгать он умеет?

— Прыгать? — переспросил Петя с таким видом, будто его даже смешит такой вопрос. — Ну конечно! И он такой легкий, что может продержаться несколько минут на воздухе. Прыгнет — и остановится, а потом уже опустится. Конечно, не особенно высоко, а так, приблизительно до моего правого виска. Вот на будущей год он придет, так он вам все покажет.

— А он высокого роста? — спросила я, стараясь представить себе этого героя.

— Очень высокого. Выше меня на три четверти головы и еще на два вершка. А может быть, даже немножко ниже.

— Да ведь он же младше вас?

Петя засунул руки за ремень пояса, повернулся и стал молча смотреть в окно.

Он всегда так отворачивался и уходил к окну, когда у нас срывался какой-нибудь бестактный вопрос.

— А скажите, Шура тоже будет держать экзамен в вашу гимназию?

— Ну, ему экзамен не страшен. Он в две минуты сам провалит всех учителей, мой младший брат Шура!

Все эти рассказы глубоко нас волновали.

Часто вечером, пригостив уроки, мы с сестрой садились на диванчик в темной гостиной и разговаривали о Шуру. Называли мы его «брат Сула», потому что Петя слегка шепелявил, и у него выходило приблизительно так.

Что это был одиннадцатилетний мальчик, мы как-то совершенно забыли. Помню, увидели в окне магазина огромные охотничьи валенки, обшитые кожей.

— Вот, — говорим, — наверно, такие штуки носит брат Сула.

Конечно, все это было очень интересно и даже страшновато. Он может держаться на воздухе, но какой-то трепет в душе от этого рассказа все-таки остался.

Факиры, однако, на воздухе держатся.

Что Сула срывает всех экзаменаторов, тоже подозрительно. Но вот в «Детстве знаменитых людей» сказано же, будто Паскаль в двенадцать лет защищал какую-то диссертацию.

Вообще, все это было очень интересно и даже страшновато.

И вот узнаем новость — брат Сула придет на Рождество.

— Еще захочет ли к нам прийти!

Стали готовиться к встрече знатного гостя. У меня была голубая лента, которую можно завязать вокруг головы. У сестры ничего такого эффектного-элегантного не было, но так как она будет стоять рядом со мною, то лента будет немножко и ее укрывать.

За столом взрослые слышат наши разговоры о Шуру и удивляются. Они ничего об этом феномене не знают.

— Ну, — думаю, — мы-то зато все знаем.

И вот возвращаемся как-то с прогулки.

— Идите скорее, — говорит мама. — Вас мальчики ждут.

— Брат Сула! — взволнованно шепчет сестра. — Скорее твою ленту!

Мы бежим в спальню. Руки дрожат, лента сползает с головы.

— Что-то будет! Что-то будет!

В гостиной нас ждет Петя. Он какой-то притихший.

— А где же... — начинаю я и вижу щупленького маленького мальчика в коротких штанишках с пуговками. Он похож на воробышка, у него веснушчатый носик и рыжий хохолок на голове.

Мальчик подбежал к нам и зашипел взволнованно, словно ябедничая, и уж совсем шепеляво:

— Я Сула, я Петин брат, Сула...

Мы застыли с открытыми ртами. Мы ничего подобного не ждали. Мы даже испугались. Если бы мы увидели какое-нибудь чудовище, Вия, слона с львиной гривой — мы бы меньше растерялись. К чудовищу мы внутренне были подготовлены. Но этот рыженький воробышек в коротких штанишках... мы гля-

дели на него в ужасе, как на оборотня.

Петя молча засунул руки за ремень пояса, повернулся и пошел смотреть в окно.

Из фиолетовой тетради

Очень меня удивляет, что эмиграция наша, несмотря на всем известную русскую беспорядочность и отвращение к дневникам и заметкам, оказывается, в самое сумбурное время жизни своей вела тщательные записи переживаемых моментов. И вдобавок все это делалось в такое время зверских наветов, доносов и обысков, когда даже за списанное с книжки «Письмо Татьяны» тащили людей в чека. Все потеряли — состояние, пальто, носки, бритву, любимую женщину, облик человеческий, — а дневники сохранили и привезли.

Я не о писателях говорю — им и Бог велел. Не записали, так заметили, «заметали», и осталось в памяти все равно что написанное. Не о них речь. А вот получаю я время от времени от знакомых мне русских людей целые фолианты. День за днем. И всегда припев:

«Я ведь предупреждал!

«Сколько раз я указывал Англии... Нет, не хотят слушать! Ну вот, теперь пусть пеняют на себя!»

А бедная Англия, может быть, и рада была бы послушаться, да указывал он ей из Мало-Архангельска, Орловской губернии. Разве услышишь!

Я не имею основания не верить авторам дневников. Удивляюсь только, что Россия прямо кишела мудрыми змиями, которые так ясно и точно предвидели все.

Наверное, и я в те времена очень многое предсказывала, и будь у меня тогда моя «Фиолетовая тетрадь», да опубликуй я ее сейчас, так мир бы дрогнул от восторга и отчаяния. Восторг — что вот, мол, я какая, а отчаяние — отчего вовремя к моему голосу не прислушались.

По рассеянности своей пропустила я юбилей революции и не отметила этот день своими воспоминаниями.

Но так как теперь наступает (вернее, тянется) юбилей дней послереволюционных, то о них как раз записи у меня существуют. Просматривая их, читатель найдет честное отражение первых зоревых дней нашей «Великой, Бескровной».

Вот они, эти дни. Помните?

1. Буржуйничают.

— Пропустите немножко... Чего тут народ столпился? Мне тоже купить нужно.

— Прошу не толкаться. К прилавку все равно не доберетесь.

— А вы локоть-то не выставляйте.

— Да что у них там такое? Смотрите — даже в лорнетку-то глядят?

— Гусь там на прилавке выставлен, на гуся глядят.

— И мужчины рты разинули. И весь народ — все на гуся!

— На гуся. Гусю цена помечена — семьсот рублей.

— Господи Иисусе! Дайте хоть взглянуть-то!

— Пропустите ме-еня! Где он? Я хочу на него посмотреть!

Ме-еня! Ме-е-еня!

— Да уж пропустите вы его. Видите, старенький какой генерал. Вон через весь лоб шрам — навидался, видно, многого на войне.

— И погон нет. Навидался, видно, многого и в тылу...

— Ме-е-ня! Посмо-треть!

— Идите, идите, ваше превосходительство.

— Ишь, как уставился... и не шелохнется.

— Да что это с ним? Чего он приседает-то?

— Господи! Держи!

— Что? Что?

— Удар!

— Известно — сердце старое, ну и не вынес.

2. Учат.

— Проходите вперед. Проходите. Ваши билетки!

— Не видите вы так, Господи ты Боже мой!

— А я такого мнения, что ежели меня какой человек толкнул, так я имею право задушить его, подлеца, как собаку! И раз я, значит, сильнее его, так пусть он и не лезет, и никакой ему управы на меня быть не может. Нечаянно толкнул? Наплевать. Раз он слабый, задушил его и basta.

— Послушайте, гражданин, у вас прямо какая-то готтентотская мораль!

— Виноват, товарищ мадам, хоть вы и не со мной говорите, а с товарищем, пострадавшим от толкнута, но я попросил бы

вас в моем присутствии о Готтентоте так не отзываться. Готтентот был великий человек. Готтентот «Капитал» Маркса сочинил, и довольно стыдно этого не знать. Вместо того, чтобы в трамваях кататься, лучше бы Готтентота почитали. Думать надо и понимать!

— Куда это она? Смотри-ка, барышня на ходу с трамвая выскочила.

— А это товарищ ее сознательно поучил. Даже с лица побелела и глаза выпучила.

— Пальты интеллигентные, а ничего не знают.

3. Судят.

—...В пролуби, в пролуби!.. А он-то у пролуби-то на коленки встал, ручки сложил, просит народ христианский: «Не губите вы мою душеньку, не дайте умереть, как псу, без покаяния, не виноват я перед вами ни в чем, можете сами, мол, проверить. Я честный рабочий человек, всю жизнь не покладая рук и спину гнул».

А кровь-то с него так и каплет, так и льет. Глаз ему выбили, лоб расскли...

— Ну и что же?

— Ручки-то сложил, в землю кланяется... Господи, думаю, может, и правду не виноват. Может, где по ошибке схватили. А кровь-то с него так и льет. Без слез смотреть невозможно...

— Ну и что же? Отпустили?

— Какое там! Камень на шею навязали да в пролубь. Сразу под лед ушел.

— Оо-ох! Грехи-ии! А кто же его топил-то?

— Да... мы же... воппе мы же и топили.

4. Агитируют.

— Тише, старуху задавишь!

— Ох, глуховата я, батюшка, мне бы вперед.

— Что там ентот корявый читает-то? Бумага какая получена?

— Верно, насчет бумазеи. Бумазею, говорят, скоро народу выдавать учнут.

— Тише ты! Бумазея! Не слышно из-за вас.

— «...сомкнувшись ря... ря... ряда... ми... сомкнувшись рядами...»

— Не наваливайся!

— «...и хи...хи-дра, хидра ре... кре... акции под... ни... мет сно-ва холову».

— Уж дай-то ей Господи Милостивец! Дай-то ей сердешной. Уж намучавши, намучавши!..

5. Работают.

— Чего же это он спит-то? Уж, чай, обедать пора?

— Устамши, милая, оттого и спит. Экой узилике на себе до-мой приворотил. Лошади впору. Я, говорит, Матрена, все печенки себе надорвал.

— Господи помилуй! И как это можно так человека мучить? Креста на тебе нет! Кто же это его заставил-то?

— Никто не заставил, милая. Которые там для порядку поставлены были, так даже запрещали, никто не заставлял.

— От себя, значит, старался?

— От себя.

— Работал, значит?

— Гм... м...

— А где же это он работал-то?

— Да на Казанской... Почитай всю ночь не отдыхамши — обмундировочный магазин громили. Оттуда и тащил. Пусть ото-спится.

— Я уж и не бужу.

6. Жалеют.

— А ригу-то мы им спяну подпалили. Как разгромили склад да как напились спирту, так уж тут такое пошло... А старуха мне и говорит: «Хлеб вы наш вот пожгли, нам теперь с голоду поми-рать, а голодная смерть тяжелая». Смотрю, а старуха-то совсем старая и верно, что ей без хлеба не протянуть, ну и значит, пожалел я ее.

— Ну? Неужто хлеба дал?

— Не-е... Пристрелил.

7. Молятся.

Господи ты, Боже мой!

И когда-то Господь на этих подлецов оглянется? Да чтоб они бы... Да чтоб им бы... Да чтоб с ними бы... Да чтобы им лоп-нуть всем, прости Господи!

ВЕСЕЛЬЕ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Когда жук-солдат Андреич (в сцеплении с женой Веркой) доехал до дому на «Мерседесе» и оставил авто у продушины, вся округа специально ходила пинать: пнешь — оно гудит, типа мемекает с перерывами, как козел Толик в крапиве после полочки.

Даже из дальних мест Акатуйской тайги приходили пни с опятами полюбоваться на эффект.

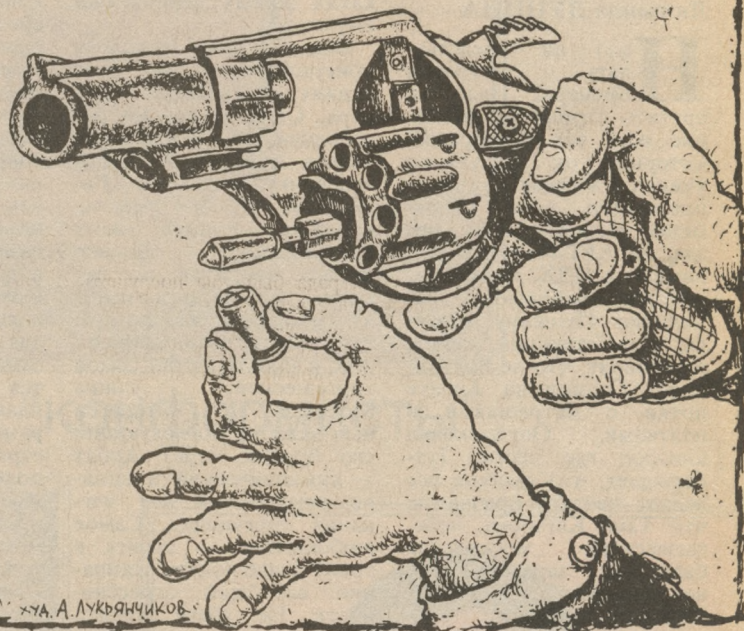
Жук же, солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой, сначала бегал на каждый сигнал с газовым пистолетом и обфукивал свой «Мерс», отгоняя публику, но все зеваки в ответ на это еще больше загружались, пели лежа на спине, и только когда машина переставала мемекать, посылали детей пнуть как следует, сами не подползали.

Такое веселье шло долго, пока у жука-солдата Андреича и его жены Верки не лопнуло внутри.

Но вместо того, чтобы отволочь «Мерс» обратно, откуда они его принесли на себе (свалка № 2, деревня Ясная Холера), они разобрали свой забор и вкатили «Мерседес» во двор, в лопухи за клетью, а потом собрали забор наглухо.

Пни с опятами отвалили первыми, а население еще долго тряслось под Андреичевым забором, надеясь получить еще порцию дури из газового пистолета.

Но не вышло, газа на всех не напасешься.



худ. А. Лукьянчиков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Отпусти меня, тятя, на волю,
 Не держи ты меня под замком,
 По весеннему минному полю
 Хорошо побродить босиком.
 Ветерок обдувает мне плечи,
 Тихо дремлет загадочный лес.
 Чу! Взорвалась АЭС недалече,
 Не беда, проживем без АЭС.
 Гулко ухаёт выпь из болота,
 За оврагом строчит пулемет,
 Кто-то режет в потемках кого-то,
 Всей округе уснуть не дает.
 Страшно девице в поле гуляти,
 Вся дрожу, ни жива, ни мертва,
 Привяжи меня, тятя, к кровати,
 Да потуже стяни рукава.

Гуляли мы по высшей мерке,
 Ничто нам было нипочем,
 Взлетали в небо фейерверки,
 Лилось шампанское ручьем.
 Какое время было, блин!
 Какие люди были, что ты!
 О них не сложено былин,
 Зато остались анекдоты.
 Какой вокруг расцвел дизайн,
 Какие оперы лабали,
 Каких нам ни открылось тайн,
 Какие нам открылись дали.
 Какие мощные умы
 Торили путь каким идеям...
 А что теперь имеем мы?
 А ничего мы не имеем.

Слишком человеческое...

Людмила ЛУНИНА

Надо ли представлять публике Бренера? Надо ли тратить строки на описание всех тех безобразий, которые он регулярно учинял в Москве в течение последнего года: непременно раздевался на людях, на АРТ-МИФе в Манеже и в ЦДХ. Якобы занимался любовью у памятника Пушкину (правда, с собственной женой, но говорят, что не получилось). Громил на Арбате лотки с матрешками и платками. Опубликовал книжку, где честно (утверждает, что вообще все делает честно) признался, что Таня Каганова, небезызвестная московская барышня, заразила его венерической болезнью. Наконец заставил содрогнуться толстокожую художественную тусовку, «облегчившись» (заимствуем сей изысканный оборот у Екатерины Деготь), а попросту — прилюдно наложив кучу перед картиной Ван-Гога в Пушкинском музее. Последний же подвиг Геракла — акция в дискотеке «Пилот»: целование собственных гениталий. Ведь умудрился, сложился вдвое и поцеловал, а заодно, что произвело эффект, продемонстрировал чудовищный геморрой. Бедный Бренер! Ему явно лечиться надо. Хотя бы от геморроя. При всем при том в жизни Александр Бренер — милейший человек. Тих, застенчив, вежлив донельзя. Обожает свою жену, посвящает книги дорогому отцу, иногда вспоминает о сыне. Совершенно замечательное зрелище — Бренер за пять минут до начала очередной акции. Он не находит места, мечется, в упор ничего и никого не видит. Его жалко. Зачем ему понадобилось подобным образом над собой измываться? Ладно бы трюки были результатом трезвого расчета, но видно же,

каких живых нервов они ему стоят.

Недавно мне довелось присутствовать на двух акциях Александра Бренера. Одна — совсем безобидная. Декламация стихов и прыгание через веревочку у театра Вахтангова. Не без умысла, какой-то тайный жест предполагался: Бренер честно прочитал по бумажке, что перепрыгивает из пространства театра, так сказать, зоны сакральной, в пространство самой торгашеской улицы Москвы. Но интересен был даже не последующий его бросок через Арбат — символический и вполне конкретный акт изгнания торгующих. Самое любопытное — стоять в толпе и наблюдать вскипание всеобщей агрессивности. Не убоги Бренер вовремя, его наверняка бы побили. Тот же эффект — в дискотеке «Пилот». Публика была своя, художники, — агрессивности ничуть не меньше.

Будь в нашем искусстве иная ситуация, чуть более энергичная, появившись дватри активных художника, и, возможно, мы не уделили бы скандалам Бренера столько внимания. Ведь все это уже было, было... Боди-арт был двадцать лет назад. Там, в Европе и Америке, художники коллоли себя и резали, даже принародно кастрировались. Но, к сожалению, западный опыт в пределах Садового кольца имеет мизерное значение, поскольку учитывается единичными; стало быть, и отсылки к нему не совсем корректны.

Нельзя сказать, что до Бренера не раздевались. Гольми гуляли по Калининскому проспекту, выставки проводили эротические. Что же такого есть в Бренере, кроме известного упорства и последовательности, что заставляет говорить о нем не просто как об уличном фигляре, но о «симптоме» современного искусства?

Надо сказать, что мос-

ковская художественная среда ему очень подыгрывает. Неистребимым своим ханжеством. Рассказывают анекдот, как у трех критиков спросили, что они больше всего в современном искусстве любят. Все, не сговариваясь, ответили — художников. Личная жизнь, личные отношения, любви и дружбы, ненависти, разрывы — все эти коллизии, совсем не второстепенные для творчества, стыдливо замалчиваются, задвигаются на второй и третий план, в тень. А в свете рамп художники играют страшную вовлеченность в политические, социальные, космические и другие проблемы, которые на самом деле их, да и зрителей тоже, очень мало волнуют. Слабость и уязвимость этой игры особенно очевидна сейчас, когда искусство перестало быть чем-то большим, чем «просто искусство». То, что делает Бренер, — попытка чуть двинуть художественную ситуацию в сторону адекватного осознания действительности.

Александр Бренер играет роль лирического поэта, юного и бледного, со взором горящим. Он закликает Господа подарить ему славу, превозносит любовь, гипертрофирует, перенасыщает красками собственные переживания. Но в какой-то момент в этой привычной лирической позе (которую, кстати, не прощают Бренеру даже самые воодушевленные его почитатели, подразумеваются под ней очень архаичское амплуа Страждущего — Истинной Духовности и Непорочной Любви) происходит сдвиг. Актер начинает подмигивать, недвусмысленно намекая, что заклинания — блеф. И на самом деле он жуткий прагматик и циник. Все дело не в душе, а в теле, в физиологии. Любовь — не что иное, как технический секс. «Понимать кого-либо — значит

также представлять его физиологию, привычки его организма — своеобразные, чрезвычайно могущественные и глубоко скрытые... В моей жизни художника все в конце концов сводится к возможности ощущать собственные геморроидальные шишки, обкусывать заусенец на пальце или испытывать страх перед импотенцией». Повторяю, что в другом контексте заслуга Бренера была бы ничтожна — в нашем нынешнем его действия прочитываются как род психоанализа. Они напоминают, что мы находимся не только в пространстве культуры, но и в пространстве психики, что наши суждения — не только продукт социальных отношений и философских теорий, но и неизбежное следствие анатомии и тех самых «своеобычных физиологических особенностей».

Творчество Александра Бренера, действительно, пока только симптом — его биография слишком коротка, чтобы выдавать большие авансы (хотя в ней 11 поэтических книжек, выставки в Иерусалиме, Тель-Авиве, Портсмуте, Амстердаме, Братиславе, Голландии и Исландии). Пожалуй, художнику нельзя отказать в актуальности — последние год-два проблема тела была едва ли не самой обсуждаемой философами и искусствоведами, а маркиз де Сад в России до сих пор является автором бестселлеров. Недавно прошедшая в ЦДХ международная выставка «Художник вместо произведения» акцентировала момент постижения художником собственного тела.

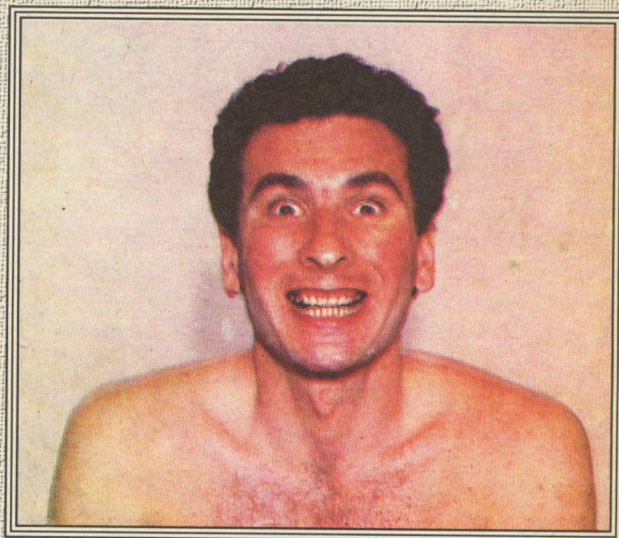
Конечно, такая позиция уязвима своей категоричностью. Но и противоположная ей, усматривающая в искусстве лишь переливы культурных аллюзий, не то что «хуже», но приелась.



Акция на выставке “конформисты”



Конверсия



Над ступнями

**Александр
Бренер**



ART Салон

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти



Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card



Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК